БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 5—6

(1934)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1934

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 5—6

(1934)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1934

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

BIBLIOGRAPHY OF THE ORIENT

№ 5—6 (1934)

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Август 1934 г. Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик А. Н. Самойлович

Технический редактор Л. А. Федоров. — Ученый корректор А. А. Тшольт

Сдано в набор 14 апреля 1934 г. — Подписано к печати 21 августа 1934 г.

144 стр.

Формат бум. 72 X 110 см. — 9 печ. л. — 56800 печ. зн. в л. — Тираж 1500 + 175

Ленгорлит № 18232. — АНИ № 200. — Заказ № 2995

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ

В. М. Алексеев

О НОВЫХ СИНОНИМИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Если считать, что сложение китайской иероглифики дело очень многих рук, разных поколений и еще более различных между собою лиц,[1] то присутствие в ней большого числа синонимов-синграмм не может удивлять. Наоборот, можно, даже не углубляясь в вопрос, определенно утверждать, что, по сравнению со всякой другою письменностью, письменность китайская, погашающая свои устарелые иероглифы лишь частично — и то не для всех обязательным порядком — имеет более всего шансов накоплять если не языковые, то графические синонимы до гипертрофии их.

Китайцы интересовались этою графической синонимикой с самых давних пор. Во всяком случае, и как бы ни относиться к реальной его дате, древнейший из дошедших до нас словарей, Эр Я, как известно, представляет собою синонимическую сводку графических вариантов одной и той же смысловой темы, и является именно не словарем, в собственном значении этого термина, а списком синонимов-синграмм, расположенных по общим темам и вряд ли поддающихся справке, тем более справке быстрой.

Таким образом, синонимами китайцы интересовались прежде, чем был составлен объяснительный толковый словарь. Однако, и второй по дате графический словарь Шовэнь, устремившись всецело к объяснению графической логики и графического процесса, все же, хотя и бессознательно, имел в виду синонимический синтез. Может быть это некоторым китаистам и покажется странным, но я говорю о так называемой «ключевой» системе, введенной этим словарем. Действительно, число синонимов, объединенных (хотя, конечно, не подряд) «ключом» (бу), иногда весьма значительно. Так, например, в наиболее известном

---

[1] В самом деле, все эти объяснения и теории иероглифических структур, наводняющие со времен Шовэня многие томы специальной литературы, которая отражена в синологической литературе Европы и производит на начинающих китаистов (и не только на них) удручающее впечатление своею исключительною, ни с чем не сообразующеюся логикой, наводят на мысль о том, что теоретики стараются объединить слишком разнообразные мыслительные процессы и «объяснить» заведомо неассоциируемое.

и полном китайско-иностранном двуязычном словаре Куврера (Dictionnaire classique de la langue chinoise), в группе гор («ключ» № 46) находим целый ряд знаков, переводимых стереотипно, как:. . . bord escarpé, haute montagne, chaine de montagnes. . . très élevé, escarpé. . . dangereux. . . endroit escarpé. . . haut. . . endroit escarpé d'une montagne. . . haut comme une montagne. . . montagne haute et escarpée. . . и т. д., что, конечно, отражает китайские определения, также не отличающиеся разнообразием (гаоцун мао. . . гаоцзюнь мао. . . дуань цзюечжи мао. . . шань гао мао. . . гао мао. . . вэй мао. . . шань сяо эр гао е. . . да шань е. . . гао е. . . и т. д.).

Во всяком случае, китайская графическая система, именуемая европейцами, особенно французами и русскими, ключевою, для изучения китайской синонимики сущий клад, — конечно, только в смысле материала, — и обойтись без этой группировки, как бы к ней ни отнестись в дальнейшем, занимающийся китайскою семантикой, и в том числе синонимикой, никак не может, тем более, что ему придется оперировать не только с темами, но и с их объяснениями, которые развертывают особо пышную, ассортированную, синонимическую картину.

Я не хочу, однако, оставить без упоминания и еще один древний словарь, приурочиваемый к Хань и приписываемый (не без колебаний) знаменитому поэту и философу Ян Сюну (по Джайлзу: 53 до н. э.—18 н. э.), так же как Эр Я, исключительно синонимический.

Это — «Фан-янь» — Словарь диалектов, составленный по общей формуле: A, B, C, . . . = n; в стране X это будет A, в стране Y — B, в стране Z — C и т. д. Этот ценный памятник, вместе с подражаниями ему и целой специальной о нем литературой, конечно, точно также стоит у соответствующего исследователя на своей должной очереди, хотя его материал не сравнится с полным общеиероглифическим объяснительным словарем типа, напр., Канси цзыдяня.[1]

Таким образом, можно без преувеличения сказать, что синонимические методы были для китайских лексикографов излюбленными[2] и, во всяком случае, доминирующими, причем даже там, где, казалось бы, навеки водворилась счетная, механическая система.

Тем не менее, и здесь, как и в столь многих прочих проявлениях китайской культуры, ее общие линии, оставаясь общечеловечески, и в частности европейски понятными, с современными европейскими течениями не совпадают, и разбор синонимов, столь старательно отмечаемый после каждого важного слова в таких, напр., популярных европейских словарях, как словари Ларусса и Уэбстэра

[1] Я не говорю, для ясности общей картины, о прочих колоссальных китайских лексикографических трудах и энциклопедиях, которые точно также служат цели семантиста превосходным образом.

[2] Даже метод расположения знаков по общим темам («по материям») я склонен также трактовать, как синонимический.

(Larousse du XX-me siècle, Webster's New International Dictionary of the English Language), остался, в общем, без надлежащего отклика[1] даже в таком, явно подражающем Уэбстэру[2] (как, впрочем, оговорено в предисловии), словаре, как энциклопедический, одноязычный, для каждого китаиста настольный, хотя и только учебный, но не научный словарь Цы Юань. И здесь также японская лексикография опередила китайскую, усвоив европейские методы прямо и решительно. Так, японский словарь китайского языка, называемый «Джиген»,[3] вышедший первым изданием в 1923 г. и вторым (малого формата) — в 1925 г., дает после наиболее важных иероглифов иногда очень большие статьи, под заглавием «Синонимы (тунсюнь) с особыми значениями»,[4] где, по образцу европейских словарей, ряд синонимов (в собственном и несобственном смыслах этого слова) сначала перечислен, а затем весьма подробно объяснен.[5] Можно только пожалеть, что китайские издатели Цы Юаня не пошли по этому пути, им же, в общем, подражавшего японского Джигена.[6]

Однако, старая традиция специально синонимических словарей в Китае, повидимому, не умирает, и в тех же годах[7] известное шанхайское издательство Хунбао Чжай выпустило словарь такого типа под названием «Фыньлэй цзыюань — Словарь иероглифов, поделенных на смысловые группы». Составители его (коллектив: Цао Чуньхань, Цинь Вэйму, Фын Юйкунь, Фу Вэньчжэ и Фу Веньлун) считают себя — вероятно, не без некоторого (во всяком случае, неполного) основания — пионерами, хотя предисловие (между прочим, помеченное 1921 годом) УИньпэя, патронирующего издание, считает его продолжающим традиционные системы Эр Я и Шовэня,[8] и как бы «в одном горне» со сло-

---

[1] То есть без специальной трактовки в особой статье, ибо в одноязычном словаре, вообще, иных объяснений, кроме распространенно-синонимических, быть не может. Уэбстэр даже вводит особую, этимологически развитую синонимику и, надо признать, очень удачно.

[2] Словарь этот, как известно, пользуется в Китае большим успехом. Commercial Press (Шан'у, иньшу гуань) издала даже интегральный перевод одного из его изданий (Collegiate) в виде англо-китайского словаря.

[3] Несмотря на все доводы предисловия в защиту этого заглавия «Источник иероглифов», я, все-таки, думаю, что оно, особенно в сопоставлении с китайским «Цы юань», неправильно, ибо цы, а не цзы передает систему биномного расположения иероглифов.

[4] Вернее, с их особыми оттенками, ибо абсолютных синонимов в китайской иероглифике, почти не знающей дублетных заимствований, как, например, в английском и французском языках, вероятно, отыщется немного, а вышеприведенные примеры относятся к разным, в сущности, языкам (например, не входят в разговорные языки).

[5] Особо важны и интересны трактаты об оттенках, сообщаемых служебными иероглифами (см. например, sub voce Эр, стр. 1540), которые, таким образом, включают в словарь грамматику, что для иероглифического словаря нужно признать только правильным.

[6] Этот словарь, между прочим, не энциклопедический, и потому мог вобрать в себя гораздо больше китаизмов, чем китайский Цы Юань и его подражатели.

[7] Второе издание в 1923, третье — 1925 г.

[8] Сравнение с Эр Я, из которого данный словарь постоянно к тому же цитирует, указывает еще раз на то, что он, собственно говоря, не синонимический, в смысле системы, а лишь в смысле

варями иероглифов и их биномов, но только отвечающим не на вопрос, что̀ данный иероглиф значит и как читается, а на вопрос: какой иероглиф нужен для моей мысли или предмета.[1] Впрочем, и сам главный составитель и автор второго предисловия (тоже 1921 г.) оговаривается, что словарь имеет в виду только «новую» систему, самый же текст составлен по другим словарям. Посмотрим теперь, в чем заключается эта система.

В словник взято 8000 знаков, в соответствии с обычным репертуаром последних лет и постановлением Комитета по языковому объединению Китая. Вся остальная масса, как устарелая и безжизненная (шэнпи лэнцзы), даже не упоминается. Знаки поделены, прежде всего, на 40 разрядов (бу), идущих в традиционном порядке словарей такого рода («по материям»), который, конечно, «порядком» назвать нельзя (небо, времена года, география, династии, чиновники, литература, военное дело, человеческие взаимоотношения. . . здания, одежда. . . чувства, выражения, служебные слова. . . числа. . . краски, музыка. . . животный и растительный миры. . . сходные иероглифы, дополнения), и ориентироваться в нем, не заучив его, трудно.[2]

Далее эти разряды (бу) поделены на 116 секций (лэй), а каждая секция на подсекции (шу). Однако, повидимому, и самим составителям этот порядок кажется достаточно призрачным, и они вынуждены были после всех подробных перечней этих бу и лэй, дать общий список по счетной системе (по общему числу черт в иероглифах) со введением в нее, конечно, и ключевой системы, так что без механизации дело не обошлось. Самые знаки даны, прежде всего, с обычным традиционным «рассечением», обозначением «рифм», с национальным алфавитом и обще-английскою транскрипцией, с подробными объяснениями общего типа и, наконец, с биномами, выделенными (в небольшом количестве) в текст примеров к объяснениям. Таким образом, словарь старается как бы заместить собою прочие. С этой стороны он, однако, вряд ли может быть рекомендован, ибо биномов в нем слишком мало для того, чтобы он мог конкурировать с Цы Юанем, а значений слишком мало, для того чтобы он мог заместить, хотя бы частично, Чжун-Хуа да цзыдянь. В некоторую заслугу я мог бы ему, впрочем, поставить отделы вроде «служебных слов» (Юйчжу бу), но и они трак-

---

группового объединения сходных по значению иероглифов. В Эр Я это объединение имеет, однако, весьма часто определенно выраженный характер (см., например, первую же строку первой главы, дающей для понятия «начала» 13 иероглифов, которые, в общем, употребительны в этом значении доселе).

[1] В общем, можно считать, что идея сама по себе, как будто, не чужда и европейским словарям, о которых будет далее итти речь. (Dict. des idées suggérées par les mots — словарь идей, подсказываемых словами). Важно проследить, как она осуществляется. Но можно слазать заранее, что вряд ли она заимствована непосредственно. Скорее всего, это игра традиции китайской же.

[2] Составители считают, что порядок заключается в ходе от важного к неважному . . . и потому начинают, конечно, с неба.

туются, в общем, стереотипно. Отдел «схожих начертаний» (бяньсы) уже совсем детский, а отдел — «фамилий», очевидно, тоже для «порядка», ибо смысла в нем нет никакого. Никакой сплошной пагинации нет, и общий список знаков, о котором только-что говорилось, ссылается под каждым иероглифом на его разряд и страницу данного разряда. Мне кажется, что этот словарь не решил своей задачи; начинающему китайцу он труден,[1] опытному же дает мало.

Однако, для тех, кто идет в китайском языке дальше, так сказать, узнавательного фазиса, т. е. для тех, кто не только может читать, но и писать сочинения на китайском языке, этот словарь кажется первой ласточкой, которая, правда, «весны не делает», но к ней ближе, чем всякая другая зимняя птица. Возможно, что при более близком знакомстве китайцев с такими превосходными пособиями европеиста, как: Paul Rouaix, Dictionnaire des idées suggérées par les mots, contenant tous les mots de la langue française groupés d'après le sens; Roget's Thesaurus of English words and phrases; Schlessing-Wehrle, Deutscher Wortschatz (имитация Roget's) и др., мы дождемся, наконец, большого настоящего синонимического (в общем смысле этого слова) китайского словаря, который позволит нам, наконец, в сочинениях на китайском языке действительно находить по известному, но не удовлетворяющему нас, слову и иероглифу целый большой выбор стоящих с ним в ближайшей ассоциации иероглифов, и далее, слов и биномов, покуда мы не найдем нужного. До тех же пор в труднейшем для композиции китайском языке мы лишены помощи, которая столь щедро и искренне оказывается нам в несравненно более легких для нас европейских языках.

26 IV 1933

Е. Э. Бертельс

АФГАНСКАЯ ПРЕССА

До недавнего времени востоковедение не уделяло почти никакого внимания прессе изучавшихся им стран Востока. Литературой признавалась только так называемая «классическая» литература, т. е. литература, обслуживавшая высшие круги феодальной аристократии, ее исследовали, издавали, а на

---

[1] Во всяком случае он не заменит ему превосходного маленького «Словаря учащегося» (Сиошен цзыдянь), едва ли не лучшего по простоте и точности значений, по указанию разных форм и т. д.

газету или журнал внимания почти никакого не обращали. Причины этого лежали в установках старого востоковедения, о которых уже не раз говорилось и которых мы здесь касаться не будем.

В России начало изучения прессы Ближнего Востока было положено на страницах журнала «Мир ислама» в 1912 г., где в ряде статей А. Н. Самойловича, И. Ю. Крачковского, В. А. Гордлевского, А. Хащаба была дана формальная характеристика многих газет и журналов на ближне-восточных языках. На западе одна из первых брешей была пробита в этом направлении Эд. Броуном, опубликовавшим в своей работе «The Press and Poetry of modern Persia»[1] большой список персидских газет, составленный консулом Рабино и снабженный библиографическими замечаниями.

За советский период востоковедения необходимо отметить появление обширных библиографических указателей периодической печати на татарском, узбекском и других языках Советского Востока, составленных местными национальными силами.

Что касается Афганистана, то хотя он и привлекал внимание нашей общественности, но знакомство с его прессой у нас еще совершенно недостаточно. Наладить постоянное получение газет из Афганистана, выходивших нерегулярно и в течение короткого времени, нелегко, а добиться здесь исчерпывающей полноты попросту невозможно.

С другой стороны, западное (преимущественно английское) востоковедение, уделяя весьма большое внимание Афганистану, обычно трактует его как страну дикую, почти бесписьменную. Культурная жизнь Афганистана остается совершенно вне поля зрения наблюдателей, Афганистан выступает только как объект, пресловутый «ключ» к вратам Индии, обладание которым дает хозяину власть над ее сокровищами. По литературе Афганистана единственной работой до сих пор остается объемистый труд Дж. Дармстетера «Chants populaires des Afghans»[2], при всех своих несомненных достоинствах все же не затрагивающий и сотой доли тех проблем, которые возникают в связи с изучением афганской литературы.

За ту работу, к которой не хотело приступить европейское востоковедение, теперь взялись сами афганцы. Уже со времен деятельности М. Ṭарзӣ, заслуги которого перед Афганистаном чрезвычайно велики, в афганской прессе начинают появляться интереснейшие материалы по литературе. Правда, они занимают там сравнительно очень скромное место, но большего тогда нельзя

---

[1] E. G. Browne. The Press and Poetry of modern Persia, Cambridge, 1914.

[2] Paris, 1888—1890.

было и требовать. Дело все-таки было начато и, притом, начато довольно успешно. За последние годы в связи с возникновением ряда «литературных кружков» (anjuman-i-adabī), организованных в различных городах, повидимому, на образец соответствующих персидских литературных организаций, работа эта расширяется все больше и больше, а издание двух журналов «Kābul» и «Harāt», к которым присоединился несколько месяцев тому назад и третий «Qandahār», подводит под эту работу солидную базу, делая ее доступной более широкому кругу заинтересованных лиц. Благодаря одному из этих журналов, а именно журналу «Kābul», я и получил возможность дать настоящий краткий обзор афганской прессы, ставящий себе задачей познакомить читателя с тем, какие газеты и журналы издавались в Афганистане с момента введения там литографского станка и что издается там в настоящее время. Возможность эта возникла вследствие появления на страницах этого журнала большой работы редактора газеты «Anīs» Сарвар-хана Джӯйā под названием «Взгляд на нашу печать и издательство» (Naẓarī ba maṭbūʿāt va nashriyāt-i-mā). Статья эта является результатом весьма большой и сложной работы по собиранию всех газет и журналов, когда-либо издававшихся в стране, причем относительно каждого из этих органов автор пытается вкратце установить его историю, даты его выхода, прекращения, имена издателей, редакторов и т. д. Характеристики каждого из этих органов Джӯйā не дает, так что работа скорее носит характер списка, чем исследования, и по типу своему весьма приближается к упоминавшейся выше работе Эд. Броуна. Статья эта представляет для советского читателя исключительно большой интерес. Однако, так как журнал в котором она была напечатана, имеется у нас лишь в очень небольшом количестве экземпляров и то в центральных библиотеках, то число читателей, имеющих возможность ее использовать, должно быть поневоле крайне невелико. Поэтому я счел полезным использовать в настоящей работе эту статью и сделать ее таким образом доступной широкому кругу заинтересованных лиц. При этом я первоначально предполагал ограничиться переводом статьи на русский язык Однако, один перевод был бы для русского читателя недостаточен. Как уже указывалось выше, статья имеет характер списка с подробными библиографическими анотациями, но содержания упоминаемых газет не касается. Это и понятно. Она рассчитана на читателя афганца, который с большой частью этих изданий знаком de visu и интересуется не содержанием их, характер которого ему и так известен, а историей их выхода в свет и т. п.

Русскому читателю одно формальное описание дало бы слишком мало, так как едва ли можно было бы рассчитывать, что многим из читателей приходилось держать эти издания в своих руках. Кроме того голое перечисление заглавий и количества номеров периодических изданий очень часто может

вызвать у читателя совершенно неправильное представление о характере прессы страны. Мы привыкли под газетой подразумевать ежедневное издание с большим тиражом, являющееся в капиталистической стране орудием какой-либо сравнительно крупной группировки или организации, с задачей обработки общественного мнения в угоду буржуазии. Если подходить с такими представлениями к списку Броуна, то, учитывая то обстоятельство, что список этот насчитывает несколько сот номеров различных периодических изданий, можно было бы подумать, что мы имеем в Персии бурно развитую общественную жизнь. Если же принять во внимание, что громадное большинство этих изданий выходило нерегулярно, раз, два в неделю, с тиражом в несколько десятков экземпляров, печаталось на ручном станке и зачастую весь штат сотрудников состоял из одного редактора, который в то же время был сам и издателем и проводил при помощи этого органа только исключительно защиту своих собственных интересов, то разница с прессой капиталистического Запада станет вполне очевидной. К тому же надо еще прибавить, что чрезвычайно низкий процент грамотности в стране и нищета населения препятствуют широкому распространению газеты в массах, и, следовательно, такая газета воздействие на массы производит лишь в очень и очень малой степени и уже потому почти никакой аналогии западноевропейской газете не представляет.

Поэтому вместо перевода я решил использовать статью Джӯйā как основу своей работы, дополнив ее всюду, где представлялась к этому возможность, сжатой характеристикой соответствующих изданий, многими из которых мне неоднократно приходилось пользоваться.[1]

Джӯйā начинает свою статью с сообщения о первых шагах печатного дела в Афганистане, сведений о которых, насколько мне известно, у нас до настоящего времени не имелось. К сожалению, установить точно, какая книга увидела первой свет в Афганистане, ему не удалось. Не установлено также, когда начала там работать первая типография. Во всяком случае, есть основания предполагать, что начало работы печатного станка в Афганистане относится в 1285 (1867—68) г., т. е. правлению эмира Шӣр-Алӣ-хана. Что литография действительно начала работать с этого времени, можно усмотреть хотя бы из того, что первые почтовые марки в Афганистане датированы 1288 (1870—71) г., а д-р Яворский в своих записках сообщает, что марки изготовлялись в Кабуле.[2]

1) Во всяком случае одной из первых печатных книг (вероятно литографированных), появившихся в Афганистане, была Vaʿẓ-nāma (Книга Увещания),

[1] Статья Джӯйā печаталась в сл. номерах журнала «Kābul»: № 13 (22 VI 32), стр. 84—90; № 14 (23 VII,) стр. 68—71; № 15 (23 VII), стр. 77—82; № 16 (23 IX), стр. 69—75; № 17 (24 X), стр. 38—44; № 18 (23 XI), стр. 75—83; № 19 (23 XII), стр. 74—81.

[2] И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану... в 1878—1879 гг., II, 223, СПб., 1883. Правда, сведения его насчет достоинства их не совсем точны.

посвященная событиям русско-турецкой войны и составленная на основании почерпнутых из английской газеты «Times» сведений. Редактором ее был некий Ḳāẓӣ ʻАбд ал-ḳāдир-х̮āн и заключала она в себе 90 стр. текста, из которых $6^1/_2$ стр. занимало предисловие. Редактор указывал в нем, что эмир предписал печатно извещать население о важнейших событиях раз в месяц или раз в неделю, т. е. другими словами, предписал издавать что-то вроде газеты. Напечатана была эта книга 2 Шʻабāна 1294 (12 VIII 1877) в Кабуле в печатне Shams-an-nahār.

2) Около этого же времени была напечатана и книга Usūl va qavāʻid-i-ʻaskarī объемом в 79 стр. + 8 (с 9-й неполн.) страниц персидского предисловия и с приложением ряда карт и рисунков, представлявшая собой перевод английского строевого устава на язык пушту. Напечатана она была в Кабуле в литографии Muṣṭafavī под наблюдением мирзы Мух̮аммад Ṣāдиḳ-х̮āна.[1]

Есть сведения, что около того же времени были напечатаны еще и другие книги (в частности книга «Zakhīrat al-mulūk», но точных данных пока относительно остальных изданий этого периода не имеется.

При эмире ʻАбдуррах̮мāн-х̮āне (1880—1901/2) печатное дело еще расширяется. Из изданий, литографированных за эти двадцать лет, Джӯйā упоминает следующие, из которых ни одного мне видеть не приходилось:

3) «Āyīna-yi-jihān numā» представляла собой выдержки из знаменитой «Kalila va Dimna».

4) Naṣāʻiḥ-nāma-yi fārsī, автором которой был сам эмир.

5) Dīvān-i ʻĀisha-yi Durrānī, сборник стихов кандахарской поэтессы.

6) Risāla dar amrāẓ-i aṭfā l, автор неизвестен.

7) Kitāb-i masāḥat

8) Targhīb bi-l-jihād

9) Mabādi-yi kīmiyā

Печатались почти все эти издания в кабульской литографии, причем издателем-редактором был то мунши ʻАбдурраззāḳ-х̮āн, то сāрджāн-и мухāджир Мӣр Мух. ʻАẓӣм-х̮āн.

Первая типография и цинкография появляется только при эмире Х̮абӣбуллā-х̮āне, т. е. в XX столетии, причем первым напечатанным подвижным набором изданием был второй год газеты Sirāj al-akhbār (см. далее), появившийся в 1912 г.

К этим кратким сведениям Джӯйā добавляет еще список книг известного редактора газеты «Сирāдж» М. Ṭарзӣ. Хотя никаких более точных указаний относительно характера этих книг статья не содержит, но так как библиография

[1] О ней упоминает Яворский, ук. соч., II, 222. Рукописный экземпляр этой книги есть в библиотеке Института востоковедения.

выходивших в Афганистане книг еще пребывает в самом зачаточном состоянии, то я считаю небесполезным привести здесь и эти заглавия.

10) Adab dar fann.

11) Ravẓa-yi ḥikam.

12) Az har dahān sukhanī va az har caman samanī.[1]

13) Siyāḥat dar ǰavv-i havā.

14) Davra-yi kurra-yi zamīn.

15) Dar bahr.

Все эти издания печатались в типографии «ʻInāyat».

При эмире Аманулла-хане количество типографий резко возрастает, и мы уже знаем следующие типографии: Типография Министерства народного просвещения, 2) Типография газеты «Amān-i Afghān», 3) т-ва Рафӣк̣, 4) газеты «Anīs», 5) т-ва К̣āзимӣ.

В провинциях литографии начинают появляться с 1921-22 г.

После этого вступления Джӯйā переходит к списку газет и журналов, который мы здесь и воспроизведем с некоторыми добавлениями и пояснениями.

*1.[2] Shams an-nahār.

— Первая газета в Афганистане. Выходила еженедельно по 16 стр. в номере, форматом 32 × 20 см.

Сколько номеров ее вышло — Джӯйā установить не удалось, но он полагает, что выходила она около трех с чем-то лет. Так как 1-го номера ее не нашлось, то и начала ее выхода тоже установить не удалось. Джӯйā раздобыл только сильно дефектный 11-й номер ее, который датирован 23 зу-л-х̣иддж̣а 1290 (11 II 1874). Если предполагать, что она выходила регулярно, то, отсчитав от этой даты одиннадцать недель назад, получим 24 декабря 1873 г., что и можно считать приблизительной датой выхода 1-го номера. Однако, конечно, дата эта только очень приблизительна, так как едва ли может быть уверенность в том, что она выходила действительно регулярно и номера не задерживались.

Ввиду невозможности найти хотя бы несколько более сохранных номеров, о характере построения ее данных добыть не удалось. В обрывках сохранившегося номера имеются куски статей общеобразовательного характера и отделы внешних и внутренних известий.

2. Sirāǰ al-akhbār.

Одна из наиболее видных газет в истории афганской прессы. Редактором был известный Мах̣мӯд-Т̣арзӣ и выходила она восемь лет. История ее появления такова. Около 1905 г. некто ʻАбдуррауф-хан К̣андахāри задумал издавать

[1] Повидимому сборник переводов разных авторов: № 13—15 — переводы романов Жюль Верна.

[2] Звездочкой * я отмечаю газеты, которые мне видеть не приходилось.

газету по образцу давно скончавшейся Shams an-nahār. Однако, когда 1-й номер газеты был напечатан, он на целых шесть месяцев задержался в типографии по причине невозможности получить от властей разрешение на его выпуск. Перспективы издания газеты с такими перерывами едва ли могли считаться заманчивыми. Поэтому 1-м номером дело и окончилось.

Но начатое этим издателем дело подхватил М. Ṭарзӣ и через шесть лет 16 мӣзāна 1290 с. э. (9 X 1911) увидел свет 1-й номер «Сирāджа». Заведывал (nigarān) изданием ʿАлӣ Аḫмад-ẖāн Ишиķāгāсӣ, редактором был Ṭарзӣ.

Газета выходила раз в 15 дней, сначала по 12 стр., затем, через шесть месяцев, дошла до 16 стр. В конце года в качестве приложения подписчикам выдавалась небольшая книжка. Первый год газета выпускалась литографским способом, но уже со второго начала печататься типографски и украсилась весьма недурными иллюстрациями. Через один год и девять месяцев имя nigarān'a было снято с обложки, с 19-го номера второго года она перестала быть казенной. Выходила она полных семь лет, в восьмом году вышло только шесть номеров (за первые три месяца). Прекратилось издание 27 ķауса 1297 г. (18 XII 1918) в связи со смертью эмира Ḫабӣбуллā ẖāна. В библиотеке Института востоковедения имеется почти полный комплект этой газеты[1] и потому я имел возможность довольно хорошо ознакомиться с ее характером. Газета эта содержит чрезвычайно много исключительно интересного материала и представляет собой весьма характерное для Афганистана того времени явление. На газету обычного типа она походит мало, скорее приближаясь к типу популярного общеобразовательного журнала. Правда, в каждом номере имеются отделы внешних и внутренних известий, но они занимают сравнительно довольно мало места. На первом плане стоят статьи самого разнообразного характера, ставящие себе задачей ознакомить афганского читателя с элементарными положениями европейской науки и техники.

Средства связи, как почта, телеграф, телефон, радио, средства сообщения — железные дороги и их значение, автомобили и принцип их устройства, космография, метеорология, геология, даже краткие сведения по лингвистике, все это в довольно пестром беспорядке проходит уже на протяжении первых трех лет газеты. На целый ряд номеров растянуто сокращенное и упрощенное изложение принципов политической экономии, в основном покоящихся на А. Смите.

Одновременно с этим не забывается и искусство, есть статьи по музыке и даже живописи. С европейской литературой читателя должен ознакомить перевод романа Ксавье де Монтепена «Fājiʿahā-yi Pārīs» (Парижские трагедии), печатавшийся в подвале и занявший собой более двух лет газеты. Нужно отме-

---

[1] Которым Институт обязан вниманию и заботливости полномочного представителя в Афганистане тов. Старка.

тить, что, в основном, все эти статьи покоятся по большей части на турецких источниках, и что влияние турецкой прессы ощущается крайне сильно.

В позднейшие годы (4—8) газета уделяет большое внимание вопросам национальной литературы и дает много исключительно интересного и ценного материала в этом отношении.

*3. Sirāj al-aṭfāl.

Первая детская газета в Афганистане. Инициатором и издателем был опять тот же М. Ṭарзӣ. Газета имела 4 стр. формата несколько меньшего, чем формат «большого» Сирāджа и отдела политических известий не содержала вовсе. Выходила она очень недолго: только от 15 мӣзāна 1297 (7 X 1918) до 27 ḳауса того же года (18 XII).

4. Amān-i Afghān.

Эта газета явилась преемником и наследником «Сирāджа», который она чрезвычайно напоминает и по внешнему своему виду. Выходила она еженедельно, форматом «Сирāджа» по 12 стр. в номере. Выполнение типографское, причем, как и в «Сирāдже», большое место занимали очень неплохо воспроизведенные фотоснимки. Впрочем, по указанию Джӯйā, в последние годы внешняя сторона газеты сильно испортилась, что мне проверить не удалось, так как я располагал только отдельными случайными номерами разных лет, среди которых последние годы представлены не были.

Первый номер вышел в начале ḫамаля 1299 г. (март 1920) под редакцией ʻАбд ал-хāдӣ-ḫāна. С номера 41-го редактором был Пāйанда-Муḫаммад-ḫāн Фархат, с номера 47-го (это начало 2-го года—1301, т. е. 1922) ʻАбдалджаббāр-ḫāн.

С 13-го номера третьего года обязанности редактора перешли к сейӣд Ḳāсим-ḫāну. В 1305 г. (1926) его заменил Ġулāм Аḫмад-ḫāн, немного позднее уступивший место Ġулāм-Набӣ-ḫāну Джалāлāбāдӣ. При нем объем газеты сократился до 4 стр., но зато газета сделалась ежедневной.

В 1307 г. (1928) редактор был убит во время беспорядков в Джалалабаде, и газета закрылась, не завершив своего восьмого года.

5. Ittiḥād-i Mashriqī.

Основателем этой газеты является сам теперешний эмир Муḫаммад Нāдир-ḫāн, причем 1-й ее номер, явившийся результатом заседаний Национального объединения (Ittiḥād-i millī), вышел во время восьмидневного перемирия «войны за независимость» (Ḥarb-i istiqlāl) — 2 джумāдā II 1338 (22 II. 1920). Газета печаталась литографским способом и имела по 4 стр. в номере. Редактором был сначала мирза Шахруḫ-ḫāн, затем известный Бурхāнаддӣн-ḫāн Кӯшкакӣ, автор «Путешествия по Каттагану и Бадахшану» и большой биографии Муḫаммад Нāдир-ḫāна.

По отзыву афганцев это была лучшая газета того времени, в которой широкое участие принимала вся молодежь страны.

С четвертого года издания (ḳаус 1302—XI—XII 1923) редактирование перешло к Āг̄ā Мух̱āммад Башӣр-х̱āну, который и ведал этим делом вплоть до начала седьмого года издания. При нем один из столбцов газеты начал регулярно отводиться под статьи и стихи на языке пушту, который до этого времени в афганской прессе почти не применялся и на страницах предшествовавших газет появлялся в редчайших случаях. Восьмой и девятый год издания совпадает с восстанием Бача-и Саḳḳāо и за этот период газета почти не выходила. Выпуск отдельных номеров имел чисто случайный характер. С 8 х̱ӯта 1308 г. (27 II 1930) газета снова начала выходить регулярно под редакцией Āгā Шамсаддӣн-х̱āна Ḳал'атагӣ. Выполнение попрежнему литографское, но печать весьма аккуратная и четкая. 1308 год редактор сосчитал за первый год издания, но через шесть номеров, с 1309 года поставил двенадцатый год издания. Выходит она и до сих пор по большей части раз в неделю, но иногда бывает и два номера в неделю.

Количество статей на языке пушту за последнее время в ней резко увеличилось, зачастую в одном номере бывают две-три статьи на этом языке. Известия (особенно внутренние) занимают в газете сравнительно мало места, на переднем плане, как и у «Сирāджа», статьи общеобразовательного характера. Большой интерес представляет обстоятельная биография знаменитого сейида Джамāл аддӣна Афгāнӣ на языке пушту, печатающаяся около года небольшими отрывками. Чрезвычайно характерны также и попытки ознакомить афганского читателя на пушту с изречениями различных представителей западноевропейской литературы. Изречения эти под заглавием ښه وينا печатаются в ряде номеров и довольно широко используют немецкую литературу; так, впервые появились на страницах афганской печати имена Гете, Грилльпарцера, Кёрнера и даже такого сравнительно мало известного за пределами Германии автора как Теодор Шторм. Для всех, кто интересуется культурной жизнью современного Афганистана и в особенности борьбой за литературный пушту, так энергично проводимой там за последние годы, эта газета представляет совершенно исключительный интерес.

*6. Sitāra-yi Afghān.

Еженедельная газета, выходившая с середины 1299 г. (1921) в долине Джабал ас-сирāдж под редакцией мӣр Г̣улāм Мух̱аммāд-х̱āн Г̣убāра. Печаталась литографским способом, размером в один большой лист. В отличие от других газет ставила себе задачей откликаться на все события текущего дня и уделяла большое внимание юмористике и сатирическому освещению неполадок в стране. В результате этого на 30-м номере в сараṭāне 1300 г. (VI — VII 1921) была закрыта по распоряжению полиции.

*7. Ittifāq-i-Islām.

Первая газета в Герате. Начала выходить с 1 сумбуле 1299 г. (23 VIII 1921) и выходила еженедельно объемом в 4 стр., выполненных литографским способом. Первый редактор мулла ʿАбдуллā Харавӣ (Абдуллā-х̮ан Ḳāниʿ, нигарāн—мулла Ах̮мад-х̮āн муншӣ). С 18-го номера редакция перешла к ʿАбд ал-карӣм-х̮āну Ах̮рāрӣ. С 13-го номера второго года издания (23 акраба 1300—14 XI 1921) редактором стал снова Ḳāниʿ. В третьем году на 9-м номере (9 ʿаḳраба 1301—31 X 1922) была передана отделу народного образования Герата и nigarān'ом стал его заведующий Салāх̮аддӣн-х̮āн Салджӯкӣ. Объем в это время сократился до двух страниц.

В 1302 (1923) в Герат была привезена вазиром амнийа Гератской области Шуджāʿ ад-доулэ-х̮āном типография, и газета начала оформляться типографским способом уже под другим названием «Faryād». В таком виде она начала выходить с 13-го номера четвертого года (25 джидьи 1302—16 I 1923). Однако, это продолжалось недолго, и вскоре она с сохранением нового названия снова перешла на литографирование под редакцией того же Ḳāниʿ. Окончательный переход к типографскому оформлению осуществился только на 1-м номере седьмого года издания (мӣзāн 1307—IX X 1928). С 18-го номера седьмого года (саур 1308—IV V 1929) редакция перешла к Сарвар-х̮ану Джӯйā и газета была расширена до 4 стр. Однако, начавшееся вскоре после этого восстание Бача-и Саḳḳāо нарушило регулярный ее выход. На 34-м номере девятого года Джӯйā был ранен и уехал в Кабул, а редакция газеты снова перешла к Ḳāниʿ, в руках которого остается и поныне. Ни одного номера видеть мне не пришлось.

*8. Bīdār-i Mazār (= Ittihad-i Islām = Rāhbar-i Islām).

Первая газета в Мазари Шерифе. Основана в 1300 (1921) г. под названием Ittihād-i Islām, выходила еженедельно, объемом в 2 листа, оформлялась литографски.

Первый год издания редакция в руках ʿАбд ал- ʿазӣз-х̮āна Чарх̮ӣ, Х̮āфиз̮ ʿАбдалḳаййӯм-х̮āна и Мирзы Сāḳиб-х̮āна. С 18-го номера второго года 12 асада 1302 (4 VIII 1923) главная редакция переходит к Нӯр-Мух̮аммад-х̮āну. На третьем году нигāранде становится Мух̮аммад Джаʿфар-хан Кāбулӣ и название меняется на «Bīdār-i Mazār» В четвертом году редактор опять Сāḳиб. В пятом году редактор Гулам Хасан-х̮āн Газнавӣ, почетный нигāранде ʿАлӣ Ах̮мад-х̮āн муншӣ.

В шестом и седьмом году, т. е. 1306—07 (1927—28) редактором был Мӣр-Х̮айдар-х̮āн, который выступил против Бача-и Саḳḳāо и был убит. За время смуты газета переменила название на Rāhbar-i Islām и находилась в ведении ʿАбд ас̣-с̣амад-х̮āна. С 19-го номера восьмого года (27 ḳаус 1308—18 XII 1929) она снова возвращается к названию Bīdār. В девятом году

нигāранде ʿАбдурраҳмāн-ҳāн, с 43-го номера десятого года (1310—1931/2) снова ʿАбдуссамад-ҳāн. Продолжает выходить и поныне объемом в два больших листа.

*9. Ṭulūʿ-i Afghān.

Первая газета на языке пушту в Кандахаре. Начала выходить с месяца саратāна 1300 г. (VI VII 1921). Выходила еженедельно, оформлялась литографски. Редактор — Маулавӣ Сāлӣҳ Муҳаммад-ҳāн. Объем — один лист. Со второго года редакция перешла к ʿАбдал ʿазӣз-ҳāну, и газета выходила то раз, то два раза в неделю, объемом от 4 до 8 стр. Редактор не менялся вплоть до девятого года, только в седьмом году издания редакция временно была в руках ҳоджа Муҳаммад-ҳāна и сейӣд Ҳусейн-ҳāна. Газета выходила почти все время совершенно без перебоев и продолжала выходить даже при Бача-и Саққāо, только переменив свое название на название «Muʿayyid al-islām» (Помощник ислама). С 3 акраба 1308 (25 X 1929) старое название было снова восстановлено. На 23-м номере девятого года (19 саура 1310—20 V 1931) редакция перешла к ʿАбдалҳайй-ҳāну, бывшему ранее помощником редактора. Газета продолжает выходить и поныне объемом в 2 листа.

*10. Ittiḥād (= Iṣlāh).

Была основана в 1300 г. (1922) во время путешествия эмира в Каттаган и Бадашхан и издавалась спачала в Ханабаде. Печаталась литографским способом на одном листе цветной бумаги. Редактором был маулавӣ Муҳаммад Башӣр-ҳāн, член литературного кружка (анджуман-и адабӣ) в Кабуле. Первый номер вышел 29 далва 1300 (18 II 1922). При Бача-и Саққāо продолжала выходить, но под названием «Nahẓat-i Ḥabīb» (Движение Хабиба). С 21 ʿакраба 1308 (12 XI 1929) переменила название на «Iṣlāh» и начала нумерацию снова с 1-го номера. Через три месяца редакция перешла к Муҳаммад Ибрāхим-ҳāну, а с 34-го номера (ʿакраб 1310—X/XI 1931) к Бурхāн аддину Ҳугиāнӣ. На 4/5-м номере третьего года (джидьи 1310—XII I 1932) состав редакции оформился так: редактор Муҳāммад Юсуф-ҳан, почетный нигāранде Гулāм Джӣлāнӣ-ҳāн Джалāлӣ. Продолжает выходить.

*11. Irshād an-nisvān.

Первый женский журнал, у которого даже редакция состояла из женщин, укрывшихся под псевдонимом — ا и ا —. Выходил еженедельно, причем печатался литографским способом на цветной бумаге формата кабульского «Сирāджа» и имел от 4 до 8 стр. Первый номер вышел 27 хута 1299 (18 II 1922). Выходил он, однако, не долее 5—6 месяцев.

*12. Afghān.

Первая ежедневная газета в Афганистане. Начала выходить в Кабуле с 14 саратāна 1299 г. (5 VII 1920). Печаталась литографски на цветной

бумаге. Редактором был Мухаммад Джа'фар-хāн Кандахāрй. Джуйā видел 227-й номер второго года (джидьи 1301—XII I 1923), но последний ли это номер, ему установить не удалось. Во всяком случае в начале 1923 г. газета прекратилась. Интересно отметить, что подписка на нее не принималась, а розничная цена номера была две пайсы.

*13. Al-Ghāzī.

Была основана в южном районе в 1919 г. и ставила себе задачей добиться объединения афганских племен. Редактором был индийский эмигрант маулавй Я'кӯб-Хасан-хāн, переводчик анджуман-и-адабй. Выходила раз в неделю по 4 страницы. Закрылась в конце 1299 г. (март 1921).

*14. Iblāgh (= Akhbār-i rāyagān = Muft-i dīvārī.)

Первая стенная газета в Афганистане. Выходила раз в три дня, объемом в один лист и печатала постановления правительства, законы и уведомления о различных празднествах. Редакторами были: первый год (1300—1921/2) мирза Акбар-хāн, главный секретарь эмирского переводческого бюро, с третьего года — сеййид Ишāн-хāн Хаттāт. Прекратилась, повидимому, на третьем году.

*15. Akhbār-i haqīqat.

Издание Военного министерства, выпускавшееся специально для помещения сведений о борьбе с монгольскими повстанцами. Печаталась литографски объемом в 4 листа под редакцией Бурхāнаддйна Кӯшкакй. Первый номер вышел 22 асада 1303 (13 VII 1924), последний 17 саратāна 1304 (8 VII 1925).

*16. Sarvat.

Выходил в Кабуле два раза в месяц. Печатался литографски по 8 стр. Редактор — Салāхаддйн хāн Сальджӯкй. Первый номер вышел 1 кауса 1303 (22 XI 1924). Выходил около 10 месяцев, так как всего вышло 20 номеров.

17. Anīs.

Газета, имевшая значение, приблизительно равное значению «Сирāджа», но испытавшая за свое шестилетнее существование весьма много перемен. Первый номер вышел в Кабуле 15 саура 1306 (5 V 1927), объемом в 12 стр., причем первые семнадцать номеров выпускались два раза в месяц. С 18-го номера (21 джидьи 1306—12 I 1928) газета становится еженедельной. Печаталась она с самого начала типографским способом сначала в типографии Shirkat-i Rafīq, но уже во втором году издания обзавелась своей собственной типографией. С 8—9-го номера первого года газета начала помещать иллюстрации, число которых, однако, быстро сократилось. В настоящее время иллюстраций не имеет. Ответственный редактор был Мухьиддйн-хāн.

При Бача-и Саккāо газета продолжала существовать, причем одиннадцать номеров даже умудрилась выпустить ежедневно.

На 17-м номере пятого года (15 сумбуле 1310—7 IX 1931) редакция перешла к Сарвар-х̱ану Джӯйā, на 42-м номере того же года (24 х̱ӯта 1310—16 III 1932) к Мух̱аммад Амӣн-х̱ану Х̱ӯгиāнӣ. Продолжает выходить.

Газета эта, как и «Сирāдж», напоминает скорее общественно-политический журнал, чем газету, так как главное внимание она уделяет статьям общеобразовательного характера. Однако, благодаря большому объему она может уделять все же несколько большее внимание и политике, которая, однако, представлена преимущественно в виде обзоров, заимствуемых из западноевропейской прессы. Внутренняя политика и здесь тоже представлена крайне слабо. Однако, несмотря на эти недостатки, газета безусловно чрезвычайно интересна, так как статьи ее весьма живо отражают все вопросы, волнующие в данное время афганскую интеллигенцию.

*18. Nasīm-i Saḥar.

Первая чисто литературная газета, основанная в месяце ḳаус 1306 г. (XI—XII 1927) в Кабуле. Сотрудники состояли преимущественно из молодежи. Выходила еженедельно, сначала по две страницы, затем по 4. Печаталась типографским способом сначала в типографии Рафӣḳ (в Кабульском предместьи Дих-и Афгāнāн), затем в типографии Анӣс. Редактором был Ах̱мад Рāтиб-х̱āн. Вышло всего 15 номеров, из которых последний появился в месяце саур 1307 г. (IV—V 1928). Закрыта была по причинам политическим.

*19. Naurūz.

Первый специально научный орган. Начал выходить с 1 асада 1307 г. (23 VII 1928) в Кабуле. Печатался в типографии Рафӣḳ и имел по 8 страниц в номере. Редактором был Мӣр-Г̣улāм-х̱āн, теперешний секретарь Кабульского научного общества и издатель журнала «Ḥayy ʽalā-l-falāh» (см. далее). Вышло всего 9 номеров, так как в связи с восстанием журнал должен был прекратиться. Главное место занимали статьи, посвященные вопросам религии.

*20. Maktab.

Первый журнал, предназначенный специально для школьников. Начал выходить с 1308 г. (1929) в Кабуле, причем имел две страницы, печатавшиеся типографским способом. Издателем являлась школа Maktab-i Amāniyya, редактором был Джалāладдин-х̱āн, состоявший в этой школе учителем. Газета имела отделы научно-литературный и юмористический. В дальнейшем объем был доведен до 4 стр. Будет ли выходить далее или нет, пока еще неизвестно.

*21. Ittiḥād-i Afghān.

Газета эта была основана в начале восстания в Чимкане (южный район). Печаталась она на циклостиле. Ответственным редактором был некто Шӣр-диль или Шӣрӣн-диль, но настоящим издателем был маулāвӣ Я'ḳӯб-Х̱асан-х̱āн.

Выходила раз в неделю, на одном листе, с одной стороны. Вышло только семь номеров, так как затем при отступлении машина попала в руки повстанцев.

22. Iṣlāḥ.

О первом периоде этой газеты уже говорилось под № 10. Второй период ее деятельности совпадает с началом действий теперешнего эмира Нāдир-х̱āна на юге Афганистана. Печаталась она в Джаджи на ручной машине и помещала знаменитые воззвания Нāдир-х̱āна к племенам. Первый номер ее воспроизведен в биографии Нāдир-х̱āна, написанной Бурхāнаддӣном Кӯшкакӣ. Сотрудниками были Мух̱аммад Я'кӯб-х̱āн Валӣ и Мух̱аммад Наурӯз-х̱āн, теперешний главный секретарь Нāдир-х̱āна. Первый номер этого периода датирован 1 раби 'I 1348—16 асада 1308 (7 VIII 1929), последний совпадает со взятием Кабула. Всего за это время вышло 9 номеров. Третий период газеты начинается в Кабуле 4 'акраба 1308 (26 X 1929), причем печатается она уже типографским способом и выходит раз в неделю по 4 стр. Редактором был Х̱асан Салӣмӣ, но им проредактировано только 11 номеров, затем один номер выпустил Мух̱аммад Замāн-х̱āн Тарагӣ и на 13-м номере газета перешла к Мух̱аммад Амӣн-х̱āну Х̱ӯгиāнӣ. Объем ее был увеличен и она начала выходить в специальной обложке по типу «Anīs». Так продолжалось до 56-го номера третьего года (12 х̱ӯта 1310—3 III 1932), когда редакция перешла к Бурхāнаддӣну Кушкакӣ. С 61-го номера газета начала выходить два раза в неделю, а с 63-го уже и ежедневно (сократившись в объеме до 2 листов). В настоящее время это наиболее распространенная из всех афганских газет, имеющая солидное число подписчиков (к сожалению, точных сведений по тиражу нет). Из всех афганских газет она более всего подходит по типу к тому, что мы обыкновенно понимаем под газетой, так как большая часть ее отводится под известия. Правда, отдел внутренних известий крайне скуп и носит узко официальный характер. Зато отдел внешних известий весьма богат. Для построения его широчайшим образом используется западноевропейская пресса, пресса индийская, египетская, турецкая, арабская, видное место занимают и телеграммы ТАСС. В каждом номере имеется по большой (в целую страницу) передовице, но в противоположность нашим передовым, статьи эти не являются откликами на события дня, а посвящены более отвлеченным темам, хотя темы по большей части и могут считаться весьма актуальными для Афганистана. Из таких статей за последние месяцы можно отметить статьи о причинах отставания Востока и прогрессе Запада, о влиянии климата на культуру, о различных течениях в политической экономии и т. п. Таким образом, можно сказать, что хотя из газеты этой и трудно составить себе представление о том, что делается в данное время в стране, но все же для настроений правящих кругов эти статьи дают очень интересный материал.

*23. Da-kor ghamva ghayrat-i Islām.

Газета эта носила временный характер и издавалась во время оккупации Кабула садразамом Мухаммад Гуль-ханом, вазиром внутренних дел под редакцией 'Абдалхалӣм-хāна. Печаталась на пушту и персидском.

*24. Al-Īmān.

Издавалась под Джалалабадом Нӣк-Мухаммад-хāном райс-и махаллӣ и маулавӣ Мухаммад Ибрāхӣм-хāном Кāмавӣ. Печаталась литографски в один лист с одной стороны. Вышло всего 9 номеров, причем 1-й датирован 1 Зу-л ка'дэ 1347 (11 IV 1929).

Основная тематика — призыв племен к объединению.

*25. Habīb al islām.

Газета Бача-и Саккāо. Печаталась в Кабуле типографским способом и начала выходить с хӯта 1307 г. (II—III 1929). Редакторами были сначала редактор «Anīs» Мухьиддӣн-хāн, затем Мухаммад Хусейн-хāн, райс-и тадрӣсāт и, наконец Бурхāнаддӣн Кушкакӣ. Прекратилась она с падением Бача-и Саккāо. Тематикой ее была пропаганда в его пользу и критика Амāнуллы.

*26. Mu'rif-i Ma'ārif.

Первый журнал Министерства народного просвещения. Начал выходить с 1 сумбуле 1298 г. (24 VIII 1919), печатался типографски и с иллюстрациями форматом в одну восьмую, причем первый номер имел 30 стр., но уже со второго номера объем был доведен до 60 стр. Выходил ежемесячно. Выходил три года, причем за последний год вышло только 7 номеров. Прекратился в сауре 1301 г. (IV—V 1922). Имя редактора первого года неизвестно, во втором году редакторами были Мухаммад Хусейн-хāн, заведующий Мактаб-и Хабӣбийе и Хāфиз Амӣр-Мухаммад-хāн, в третьем году 'Абдарраӯф-хāн, секретарь указанного министерства. Статьи первых номеров принадлежали перу покойного Мухаммад Амӣр-хāна, брата министра торговли. Джӯйā указывает, что журнал давал крайне мало научного материала и почти все место отводил под письма студентов медресе и официальные сообщения министерства и вследствие этого представлял весьма мало интереса.

*27. Majmū'a-yi urdū-yi afghān (= Majmū'a-yi 'askarī).

Первый специально военный журнал-ежемесячник в Афганистане. Был основан Нāдир-хāном еще в бытность его военным министром, причем первоначально носил название Majmu'a-yi 'askarī. Первый номер вышел 1 'акраба 1300 г. (23 X 1921) объемом в 33 стр. и был выполнен литографским способом. Издателем являлся Главный штаб, редактором был 'Абдаллатӣф-хāн гундимишр (бригадный генерал). В начале третьего года издания главная редакция перешла к Мухаммад Гуль-хāну гундимишр (теперешнему военному министру). В конце того же года к 'Абдал-хамӣд-хāну гундимишр. Так как

эти три генерала одновременно с редактированием журнала занимали пост начальника Главного штаба, то приходится предполагать, что по основному замыслу редактором журнала ex officio должен был быть начальник главного штаба. Кто был редактором с четвертого по седьмой год издания—неизвестно, но так как в эти годы начальником штаба был Мухаммад ʿУмар-х̱ан гундимишр, то, вероятно, что и эта обязанность тоже лежала на нем. С пятого года журнал начал печататься типографски. С 1307 г. (1928) объем его достиг 60—70 стр., причем начали появляться иллюстрации, выполненные цинкографией. При Бача-и Саккāо издание прекратилось, но уже с 1 джидьи 1308 г. (22 XII 1929) возобновилось, правда, в сокращенном объеме, так как книжки содержали только 28 стр. текста. Редактором был опять ʿАбдаллатӣф-х̱āн. До х̱ута 1309 г. (II—III 1931) вышло всего три номера, затем в продолжение четырех месяцев журнал бездействовал и, наконец, в ʿасаде 1309 г. (VII—VIII 1931) вышел под теперешним его названием с обозначением первого номера. Формат маленький, в номере от 30 до 50 стр. С текущего года формат был увеличен, объем стандартизован на 40 стр., причем журнал обильно украшен хорошими иллюстрациями.

*28. Āyīna-yi ʿirfān.

Ежемесячник Министерства народного просвещения, основанный стараниями Хāшима Шāик в джидьи 1303 г. (V—VI 1924) и первый год вплоть до саура 1304 г. (IV—V 1925) выходивший регулярно. Затем издание пошло с большими перебоями и вплоть до Бача-и Саккāо вышло 15 номеров. Журнал печатался литографски в четвертую часть листа по 48 стр. в номере. Возобновилось издание в х̱амале 1310 г. (III—IV 1931), но все же продолжало испытывать ряд трудностей, препятствовавших регулярному выходу. Затруднения эти были преодолены только в 1932 г., когда формат был доведен до величины журнала «Кāбул» (см. далее) и объем до 48 стр. Продолжает выходить.

29. Mājmūʿa-yi ṣiḥḥiya.

Ежемесячник медицинского управления, выходивший сначала под редакцией Х̱асана Салӣмӣ, а теперь Рашӣда Лāтифӣ. Первый год продолжался с 1 кауса 1306 г. (23 XI 1927) по ноябрь 1928, причем журнал выходил форматом в четвертую часть листа по 24 стр. в номере. Только 13-й номер этого года имел 32 стр. Первые два номера были литографированы, но уже с 3-го номера издание оформлялось типографски. Распространялся журнал бесплатно. Второй период журнала начался с 30 джидьи 1310 г. (21 VI 1931), так что теперь журнал вступил уже во второй год (второго периода). Номера 11—10—9 вышли в обратном порядке (т. е. одиннадцатый сначала). Вместо 12-го номера была обещана специальная книжка по медицине, не разосланная, однако, и доныне. Сейчас формат увеличен, объем доведен до 28 стр. и помещается довольно много иллюстраций.

Основное назначение журнала содействовать распространению среди населения элементарных сведений по медицине, гигиене и санитарии, поэтому, конечно, оригинальных работ там почти что нет и научным журналом он ни в коей мере не является. Весь материал — переработка популярных статей из западноевропейской специальной литературы. Мне неизвестно, в какой мере этот журнал распространен среди грамотного населения, но появление такого рода журнала безусловно приходится приветствовать и признать фактом крайне отрадным.

*30. Puštūnžagh (Афганский голос) = Ṣadā-yi-afghān.

Журнал этот был задуман как специальный ежемесячник по афганскому фольклору с упором на народное право, устную словесность и экономику племенного быта, и начал выходить около 4—5 лет тому назад (1928—29). Издавался он параллельно на персидском и пушту в Кабуле, объемом в 15 стр. большого формата. Редактором был Файẓ-Мухаммад-х̱ан Наṣрӣ. Видное участие принимали ʿАбдалхāдӣ-х̱āн и Мӣр-сейӣд Ḳāсим — два крупнейшие специалиста по пушту.

К сожалению, это крайне интересное начинание оборвалось на 1-м же номере вследствие восстания и до сих пор не возобновилось.

*31. Iqtiṣād.

Специальный журнал по экономике, выходящий два раза в месяц под редакцией Замāн-х̱āна Туркӣ. Первый номер вышел 1 хамаля 1310 г. (22 III 1931). Сначала формат был четвертая часть листа по 24 стр. в номере, с 9—10-го номера число страниц было сокращено до 20, но зато формат увеличен до полулиста. С 9-го номера журнал иллюстрируется цинкографией. В настоящее время число страниц доведено опять до 24 при сохранении увеличенного формата. Журнал заслуживает более подробного рассмотрения, но так как на страницах «Библиографии Востока» ему в ближайшее время будет посвящена специальная работа, то здесь в общем обзоре от приведения подробностей лучше воздержаться.

*32. Ḥayy ʿalā-l-falāḥ.

Специальный ежемесячник по вопросам религии, издаваемый Советом улемов при Министерстве юстиции. Первый номер журнала вышел 1 джидьи 1309 г. (22 V 1930) под редакцией Мухаммад Мӣр-Гулāм-х̱āн муншӣ и под наблюдением представителя духовенства. Формат — четвертая часть листа, по 48 стр. в номере. Продолжает выходить. Основная его установка — предостеречь читателей от чрезмерного увлечения Западом и механического копирования западной культуры.

*33. Harāt.

Литературный ежемесячник гератского литературного кружка, организованный в подражание «Кāбулу» (см. далее).

Начал выходить 15 ḫамаля 1311 г. (4 IV 1932) в Герате, по 40 стр. форматом 41 × 33 см. Редактор Ḳāзӣ Муḫаммад-Ṣāдиḳ-ḫāн, председатель кружка. Продолжает выходить.

На этом список Джӯйā кончается. Но перечень этот не полон, так как в нем отсутствуют два специальных историко-литературных журнала:

*34. Kābul и

*35. Qandahār.

Что касается «Кабула», то его Джӯйā вероятно не упомянул потому, что вся статья его печаталась на страницах этого журнала и, следовательно, не было надобности напоминать афганским читателям о его существовании. Журнал «Кāбул» получается библиотекой Института востоковедения и представляет собой весьма значительный интерес для всех, кто интересуется литературной жизнью современного Афганистана. Ввиду этого исключительного значения я считаю лучшим воздержаться здесь от его характеристики и дать подробные сведения о нем в специальной статье.

«Ḳандахāр» выходит по типу «Кāбула», но, повидимому, на пушту. К сожалению, этого журнала у нас еще не имеется и поэтому сообщить о нем что-либо невозможно. Надлежит только отметить, что газета «Iṣlāh» выход 1-го номера этого журнала встретила крайне сочувственно.

Н. А. Белгородский

ПЕРСИДСКИЙ ТАМОЖЕННЫЙ ОТЧЕТ за 1931-1932 г.[1]

Только что вышедший отчет персидских таможен обнимает собой время с 23 июня 1931 г. по 21 июня 1932 г., т. е. персидский 1310-11 хозяйственный год; этот отчет впервые издан за хозяйственный год, а не за календарный. Понятие хозяйственного года введено в Персии в связи с установлением режима так наз. монополии внешней торговли.[2] Система персидской монополии внешней торговли определена в этой стране следующими актами: законом (единой статьей) от 25 II 1930 г. (16 эсфенда 1309 г.), дополнительным законом от 11 III 1930 г. (20 эсфенда 1309 г.), затем последующим рядом инструкций,

---

[1] Полное название «Statistique commerciale de la Perse, Tableau général du commerce avec les Pays Etrangers pendant l'année économique du 1-er Tir 1310 au 31 Khordad 1311 (23 Juin 1931—21 Juin 1932) publié par l'Administration des Douanes», Teheran, 1933. Таможенные отчеты в Персии издаются на французском языке.

[2] На основании ст. 5-й допол закона от 20 эсфенда 1309 г. (11 III 1930).

распоряжений и разъяснений, дополняющих эти законы и, наконец, так наз. «новым законом о монополии внешней торговли» от 10 VII 1932 г. (19 тира 1311 г.).

Система персидской монополии внешней торговли по существу не является государственной монополией внешней торговли, государство своего внешнеторгового аппарата не создает и фактически не монополизирует в своих руках внешнеторговых функций. Порядок, установленный в Персии этими законами, представляет собой лишь систему контингентирования внешнеторгового оборота на основе конечного нетто-баланса. Персидская монополия введена с начала персидского 1310 г., но поскольку в первые три месяца после ее введения действовал целый ряд льгот и изъятий в отношении товаров, заказанных ранее, фактически началом ее действия правильнее считать 1 тира 1310 г. (23 VI 1931).

Рассматриваемый отчет обнимает собой таким образом первый год режима монополии внешней торговли и поэтому представляет особый интерес. Мировой экономический кризис в своем распространении на колониальные и полуколониальные страны не обошел также и Персию и усугубил существующий там структурный кризис. В числе прочих сторон хозяйственной жизни Персии кризис сильно поразил ее внешнюю торговлю. Персидский 1310-1311 хоз. год, начавшийся с июня 1931 и кончившийся в июне 1932 г., можно условно рассматривать как третий год, прошедший в условиях мирового экономического кризиса. Из трех кризисных лет 1308, 1309 и 1310-1311 внешняя торговля Персии в 1308 персидском году протекала в свободных условиях, в 1309 г. в условиях девизной монополии,[1] — первой ограничительной меры и, наконец, 1310-1311 хоз. год — в условиях монополии внешней торговли, т. е. в условиях уже довольно жесткого регулирования ее со стороны правительства. Отсюда особый интерес последнего отчета.

Основными целями введения монополии внешней торговли в Персии можно считать две: первая — сбалансирование торгового и платежного балансов страны и вторая — покровительство внутренней промышленности. Интересно, поэтому, проследить по отчету, как в процессе проведения монополии внешней торговли, т. е. в условиях жесткого регулирования ее со стороны правительства, выполнялись эти две основные целеустановки.

Еще одно предварительное замечание. Вторым законом о переходе на золотую единицу от 13 III 1932 г. устанавливалось деление золотого пехлеви[2] на сто частей — реалов, равного, по заключающемуся в них количеству серебра,

---

[1] Рецензию на таможенный отчет за персидский 1309 г. см. в «Библиографии Востока» вып. 2—4.

[2] Как известно, равного английскому фунту стерлингов.

старому крану; выкупной курс крана, исходя приблизительно из фактически существовавшего в это время курса фунта, был установлен: 1 реал = 1 крану. Отсюда, все цифровые данные таблиц этого отчета, приведенные в реалах, могут без всяких поправок сравниваться с прежними данными, выраженными в кранах. Само собой понятно, все время следует учитывать продолжающийся процесс падения цен серебра на мировых рынках и отсюда учитывать постепенное падение курса крана. Чтобы представить себе положение вещей в каких-то стабильных ценах, надлежит делать, поэтому пересчет данных каждого года по существующему среднему курсу крана для этого года. В отчете таких пересчетов не делается,[1] мы это сделали лишь частично, в отношении общих цифр оборота, в целях возможности проведения сравнения с данными предыдущих лет. В отношении же цифр ввоза и вывоза отдельных товаров подобных курсовых пересчетов мы не производили, поскольку в нашу задачу не входил детальный анализ этого отчета и, следовательно, отсутствие таких пересчетов уже не влияло на общий ход нашего рассмотрения отчета. Совершенно очевидно, что кто пожелал бы проверить точно, как изменялись по годам цифры ввоза и вывоза отдельных каких-нибудь конкретных товаров, должен крановые данные за каждый год пересчитать по соответствующему курсу на какую-то стабильную валюту.[2]

Перейдем к рассмотрению фактических данных, помещенных в отчете. Общий оборот 1310-1311 г. представляется в следующих цифрах (в тысячах реалов):

	Ввоз	Вывоз	Общий оборот
Товарооборот в порядке монополии внешней торговли	631 363.0	702 094.4	1 333 457.4
Льготный ввоз [3]	37 857.6	—	37 857.6
Вывоз нефтепродуктов АРОС [4]	—	1 017 948.6	1 017 948.6
Вывоз рыбопродуктов «Персрыбы»	—	15 930.4	15 930.4
	669 220.6	1 735 973.4	2 405 194.0

[1] Искючением из этого является маленькая заметка «Notice analytique», помещенная в начале отчета, где общие цифры ввоза и вывоза за 1310-1311 г., совершавшегося в порядке монополии (т. е. без так наз. льготного ввоза, без вывоза нефтепродуктов и рыбных продуктов), пересчитаны для большей показательности в французские франки.

[2] При рассмотрении персидских данных по внешней торговле за предыдущие годы во всей специальной литературе, обычно крановые цифры переводились в английские фунты стерлингов, поскольку эта валюта являлась наиболее стабильной и основной, в которой совершалось большинство расчетов по персидской внешней торговле. Поэтому, в частности и в нашей рецензии на персидский таможенный отчет от 1309 г. (см. «Библиографию Востока», вып. 2—4) персидские крановые цифры в целях сравнения пересчитывались в фунты. Однако, после отмены золотого стандарта фунта в Англии и последующих курсовых колебаний фунта перевод на фунты данных 1310-1311 перс. года, когда как раз был отменен стандарт фунта, не явился бы показательным. Исходя из того, что в персидских таможенных отчетах дается среднегодовой курс франц. франка, мы произвели в этой рецензии пересчеты в мировую валюту для данного 1310-1311 хоз. года, а потому уже и для предшествующих лет, в французские франки.

[3] Importation en franchise; о содержании этого ввоза смотри дальше.

[4] Anglo-Persian Oil Company.

Чтобы понять соотношение этих цифр, нужно иметь в виду, как уже сказано, что одной из основных целей введения монополии внешней торговли было сбалансирование ввоза и вывоза. По смыслу закона это должно быть достигнуто тем, что каждый экспортер при вывозе из страны каких-либо товаров получал на руки особое удостоверение, так наз. экспортный сертификат, подтверждающее сумму, на какую было вывезено товара. Наличие этого сертификата позволяло в дальнейшем требовать у правительства импортную лицензию на ввоз в пределы Персии соответствующего по сумме количества товара. Из этого общего порядка было сделано несколько исключений.

Первое существенное исключение заключается в том, что: 1) товары, импортируемые правительством для своих нужд, 2) товары, не предназначенные для продажи на внутреннем рынке Персии, деньги на приобретение которых не были получены на персидском рынке, 3) товары, импортированные для нужд лиц и учреждений, пользующихся правом беспошлинного ввоза, и 4) машины и оборудования, импортируемые в целях удовлетворения основных нужд государства в иностранном сырье и промышленных товарах, — ввозятся на льготных основаниях, а именно: они освобождаются от необходимости соответствующего вывоза персидских товаров.[1] Ввоз, совершенный на этом основании, в отчете везде показан отдельно и помещен нами выше под названием «льготный ввоз».

Второе особенно важное исключение заключается в том, что экспорт нефти, нефтепродуктов и продуктов рыбных промыслов не дает права на импорт в Персию каких-либо товаров.[2] Как известно, это ограничение относилось в первой своей части к Англо-персидской нефтяной компании, а во второй части имело в виду Советско-персидское соглашение, учредившее смешанное общество «Перс-рыбу». Не входя в анализ того, какими причинами вызывались эти исключения, мы должны лишь отметить, что если бы таковое исключения в отношении нефтепродуктов АРОС не было сделано, отпадал бы весь смысл введения монополии внешней торговли. Ибо сумма вывоза нефтепродуктов АРОС превышала в среднем в полтора раза весь персидский импорт, и отсутствие такой оговорки дало бы возможность АРОС распоряжаться персидским ввозом фактически без всякого ограничения. Отсюда, вывоз нефтепродуктов АРОС'а и вывоз рыбопродуктов «Персрыбы» показаны в отчете впервые совершенно обособленно от общего внешнеторгового оборота Персии, совершавшегося в порядке монополии внешней торговли, т. е. в порядке нетто-баланса.

Если верить цифрам данного отчета,[3] то впервые за долгий промежуток лет Персия сбалансировала свою внешнюю торговлю. Однако, есть основания

[1] Ст. 4 доп. закона от 11 III 1931 г.

[2] Ст. 2 доп. закона от 11 III 1931 г.

[3] Все зависит от правильности таможенной статистической оценки экспортируемых и импортируемых товаров, проверить которую за данный год здесь, в Ленинграде, мы не имеем возможности.

думать, что даже и в этом году внешняя торговля Персии все же фактически не была еще сбалансирована, хотя уже довольно близко приближалась к реальному нетто-балансу.

Интересно сравнить общие данные оборота за этот год с данными за предыдущие последние годы.[1] Приведем цифры за последний предкризисный год и за три года кризисных. Общее соотношение цифр ввоза и вывоза (с учетом вывоза нефтепродуктов АРОС и без этого), сальдо оборота и, наконец, общий оборот будут таковы:

В млн. кранов (реалов)

Годы	Ввоз	Вывоз			Сальдо оборота		Общий оборот	
		Нефтепродукт. АРОС	Собственно персид. тов.	Всего	С нефтепродукт. АРОС	Без нефтепродукт. АРОС	С нефтепродукт. АРОС	Без нефтепродукт. АРОС
1307 (1928-1929) . . .	819.9	1037.6	480.0	1517.6	+ 697.7	— 339.9	2337.5	1299.9
1308 (1929-1930) . . .	919.9	1087.6	487.2	1574.8	+ 654.9	— 432.7	2494.7	1407.1
1309 (1930-1931) . . .	810.5	1005.2	458.6	1463.8	+ 653.3	— 351.9	2274.3	1269.1
1310-1311 (1931-1932)	669.2[2]	1018.0	718.0[3]	1736.0	+ 1066.8	+ 48.8	2405.2	1387.2
Изменение в 1310-1311								
против 1309	— 141.3	+ 12.8	+ 259.4	+ 272.2	+ 413.5	+ 400.7	+ 130.9	+ 118.1
» 1308	— 250.7	— 69.6	+ 230.8	+ 161.2	+ 411.9	+ 481.9	— 89.5	— 19.9
» 1307	— 150.7	— 19.6	+ 233.0	+ 218.4	+ 369.1	+ 388.7	+ 67.7	+ 87.3

Из этой таблички мы видим, что ввоз в Персию, достигнувший в крановых цифрах своего максимума в первый год кризиса (1308), в следующий год (1309), прошедший под знаком девизной монополии, значительно снизился и еще более снизился в 1310-1311 г., в условиях действия монополии внешней торговли. Одновременно с этим последний год показал увеличение собственно персидского экспорта, что вместе дало возможность сбалансировать оборот. Тяжесть этого мероприятия совершенно очевидно легла на широкие слои населения, главным образом персидское крестьянство, рабочих и ремесленников — потребителей импортных товаров. Показателем этого является тот факт, что экспортные сертификаты, дающие право их держателям завозить на соответствующие суммы

[1] Мы не располагаем в данный момент отчетными данными по персидской внешней торговле за «особый квартал» 1 фервердина — тира 1310 г., т. е. после истечения 1309 календарного года и до начала 1310-1311 хозяйственного года.

[2] Вместе с «льготным ввозом», что не совсем точно, так как в числе «льготного ввоза» имеется сумма в 27.0 млн. реалов товаров, завезенных на льготном основании из Англии, значительную часть которых, как можно предполагать, занимает оборудование, завезенное для АРОС.

[3] Вместе с вывозом «Персрыбы».

импортные товары, в течение всего этого года самым открытым образом котировались на рынке с надбавкой 15—25% к обозначенной на них сумме вывезенного товара. Это значило, что каждый импортер за вывезенный им товар уплачивал его стоимость по заграничному прейскуранту, плюс всякие транспортные, таможенные и другие накладные расходы и, наконец, плюс стоимость экспортного сертификата. Другими словами экспорт совершался из страны по бросовым ценам за счет фактического удорожания для широкого потребителя импортных товаров.

Однако, эти крановые цифры являются совершенно недостаточными, так как уже сказано, что в течение этих лет проходил постепенно ускоряющийся процесс падения крана. По данным тех же таможенных отчетов средний курс крана в французских франках выражался в следующих цифрах:

Годы	Фр.
1307	2.57
1308	2.14
1309	1.94
1310-1311	1.23

Не касаясь вопроса, насколько точно в отчетах выведен средне-годовой курс крана в франках, и взят ли там официальный курс франка или какой-либо другой — это для хода нашего рассуждения в данном случае играет второстепенную роль — пересчитаем основные цифры предыдущей таблички из кранов в франки и получим следующие цифры:

Годы	Ввоз	Вывоз			Сальдо оборота		Общий оборот	
		Нефтепродукт. АРОС	Собственно персид. товар.	Всего	С вывозом нефтепр.	Без нефтепродукт. АРОС	С нефтепродукт. АРОС	Без нефтепродукт. АРОС
1307	2107.1	2666.6	1233.6	3900.2	+ 1793.1	— 873.5	5007.3	3340.8
1308	1968.6	2327.5	1042.6	3370.1	+ 1401.5	— 926.0	5338.7	3011.2
1309	1572.4	1950.1	889.7	2839.8	+ 1267.4	— 682.7	4412.2	2462.1
1310-1311	823.1	1252.1	883.1	2135.2	+ 1312.1	+ 60.0	2958.3	1706.2

Данные о персидской внешней торговле за последний год перед кризисом и три кризисных года, пересчитанные нами из кранов в франки, являются особенно показательными. В общей сложности внешняя торговля Персии в течение трех кризисных лет упала вдвое. Снизились все слагаемые части общего оборота: упал вывоз нефтепродуктов АРОС, упал вывоз собственно персидских товаров. Интересно просмотреть колонку цифр сальдо персидского внешнеторгового оборота. Здесь мы видим, что первый год кризиса (персидский 1308 г.) давал наибольший не в пользу Персии разрыв между ввозом и вывозом

(926 млн. фр.); в этом, в частности, объективно сказалась тенденция переложения тяжести кризиса со стороны империалистических стран на колониальные и полуколониальные страны, и это обстоятельство, одно из прочих, послужило причиной, побудившей Персию провести ряд мер, долженствующих елико возможно оградить ее от воздействия кризиса. Нерешительно и недостаточно последовательно став на этот путь, Персия однако тем самым в известной степени стала на путь обострения противоречий с империалистическими странами. Следующий год, 1309, мы уже видим некоторое уменьшение пассивного сальдо персидского торгового баланса. Это уменьшение, как видно из приведенных цифр, было достигнуто не за счет увеличения экспорта (экспорт продолжал падать), а за счет значительного снижения импорта (с 1968.6 млн. фр. до 1572.4 млн. фр.). Наконец третий год, 1310-1311,[1] мы видим при почти стабилизовавшемся экспорте резкое снижение импорта, почти в два раза против предыдущего года (с 1572.4 млн. фр. до 823.1 млн. фр.). За этот счет, если верить персидским отчетам, на сильно пониженной основе, было достигнуто полное балансирование внешнеторгового оборота, даже с незначительным активным сальдо (60 млн. фр.). Как уже было упомянуто, тяжесть сведения торгового баланса легла в основном на персидского широкого потребителя.

Что касается отдельных категорий товаров, большое количество цифрового материала и 11 диаграмм в начале отчета дают достаточно материала, чтобы судить об изменениях, происшедших в этой области. Правда и здесь крановые цифры являются недостаточно показательными,[2] но все же по ним можно судить об относительном изменении отдельных товарных групп. Так, хлопчатобумажные ткани[3] возросли во ввозе за год с 142.8 млн. кр. до 231.2 млн. р. (здесь и в дальнейшем кр. обозначает краны, а р. — реалы).[4] Ввоз сахаров,[5] однако, сильно снизился: с 104.9 млн. кр. до 74.4 млн. р. Третье место по ввозу в Персию в 1309 г. занимали машины и оборудование;[6] в этом году ввоз этой группы товаров сошел на шестое место, резко снизившись с 88.1 млн. кр. до 33.6 млн. р. Отсюда, кстати, видно, что льготные условия для завоза этой группы товаров, проведенные в связи с введением закона о монополии внешней торговли, не достигли своей цели. И, следовательно, вторая основная цель, поставленная этим законом, а именно — покровительство

---

[1] Как уже сказано, мы в данный момент не располагаем цифрами персидского внешнеторгового оборота за первый квартал персидского календарного 1310 года.

[2] Мы пересчета их не делаем; при более углубленном анализе это необходимо делать в каждом отдельном случае, как это уже было сказано выше.

[3] Tissus de coton pur de toute espèce.

[4] См. табл. XI_2 отчета за 1310-1311 г. и таблицу под тем же номером отчета за 1309 г.

[5] Sucres en pains et en poudre.

[6] Machines et outiles et leur parties détachées.

созданию своей внутренней промышленности, судя по данным этого отчета, выполняется значительно хуже, чем даже раньше, до введения закона о монополии внешней торговли. Таким образом, все разговоры о том, что Персия серьезно стала на путь индустриализации, объективно опровергаются со всей очевидностью приведенными цифрами.

Ввоз чая, занимавший в 1309 г. четвертое место во ввозе в Персию, в этом году сошел на пятое место, снизившись в абсолютных цифрах с 65.9 млн. кр. до 38.3 млн. р. Незначительно увеличился ввоз керосина, бензина и минеральных масел (с 45.1 млн. кр. до 52.5 млн. реалов). Равным образом частично увеличился ввоз автомобилей и прочих перевозочных средств[1] (с 35.0 млн. кр. до 455 млн. р). В отношении остальных многочисленных товарных категорий нет нужды останавливаться особо в нашей краткой рецензии. Перейдем к экспорту.

Прежде всего об экспорте нефтепродуктов. Экспорт нефтепродуктов АРОС в крановом выражении остался почти неизменным (1005.2 млн. кр. в 1309 г. и 1017.9 млн. р. в 1310 г.).[2] Главнейшим потребителем южноперсидских нефтепродуктов, как это видно из специально составленной таблички,[3] является Англия с ее колониями и протекторатами. Из общей суммы в 1017.9 млн. р. на ее долю падает по вывозу 705.8 млн. р. (431.6 млн. р. собственно в Англию, 165.6— в Египет, 81.3 — в Британскую Индию и 27.3 — в Ирак). Из других стран южноперсидские нефтепродукты вывозятся во Францию (156.5 млн. р.), в Бельгию 48.8 млн. р., в Италию 41.7 млн. р., в Германию 40.8 млн. р. и др.

Из статей собственно персидского экспорта первой шли всегда ковры. Свое место в этом году они также сохраняют, в абсолютных крановых цифрах даже увеличив вывоз со 124.7 млн. кр. до 188.5 млн. р. Из специальной статистической таблички[4] экспортированных в этом году персидских ковров с разбивкой по месту их происхождения, мы заключаем о продолжающемся снижении роли Султанабада, бывшего ранее главнейшим центром в Персии по производству ковров. Второе место по экспорту собственно персидских товаров в продолжение последних двух лет (после потери этого места опиумом) занимают сухофрукты. В абсолютных крановых цифрах (и даже с учетом курсовой разницы) экспорт сухофруктов в этом году значительно возрос: с 57.9 млн. кр. до 118.0 млн. р., главным образом за счет увеличения экспорта сухофруктов в Германию. Очевидно в этом сказалась необходимость, в условиях действия монополии внешней торговли, перекрывать свой ввоз в Персию вывозом каких-то

[1] Voitures, véhicules de toute espèce y compris automobiles, camions, velocipèdes, motocyclettes, pneus et pièces détachées.

[2] За округлением — 1018.0; см. приведенную выше табличку на стр. 30; об особом характере, экспорта этой статьи мы коснулись при рассмотрении персидского таможенного отчета за 1309 г

[3] См. таблицу VI этого отчета.

[4] Таблица VIII отчета.

персидских товаров. Третье место по экспорту занял в этом году вывоз хлопка, очень сильно возросший. Вывоз хлопка в 1310-11 хоз. г. выражался в 108.5 млн. кр. против 31.3 млн. кр. в 1309 г. Из этого количества на на 104.2 млн. р. было вывезено хлопка в СССР. Уже в этом факте видно положительное значение советско-персидской торговли, в особенности в период кризиса. Четвертое место занимает вывоз гумми-драганта, возросший в этом году до 35.6 млн. р. против 16.2 млн. кр. в 1309 г. Пятое место занимает вывоз риса, в крановых цифрах почти не изменившийся против предыдущего года (33.3 млн. р. против 32.0 млн. кр. в 1309 г.). Сильно увеличился вывоз сырой кожи (с 9.1 млн. кр. до 28.2 млн. кр.). Особенно резко снизился вывоз опиума (даже без учета курсовой разницы) с 49.1 млн. кр. в 1309 г. до 20.9 млн. р. в этом году. Кризис особенно резко поразил экспорт этой статьи.[1] Значительно увеличился вывоз живого скота (с 6.6 млн. кр. до 13.1 млн. р.), главным образом за счет закупок СССР (из общего количества на СССР падает 12.4 млн. р.), в этом опять-таки сказался благоприятный для Персии характер советско-персидской торговли: Советский Союз в период кризиса изыскивал все новые и новые статьи возможного персидского экспорта и покупал у Персии такие товары, которые в условиях кризиса не могли, или почти не могли покупаться империалистическими странами, переживающими кризис. Из числа прочих статей персидского экспорта следует отметить продолжающийся вывоз демонетизированного серебра, однако сильно сниженный против предыдущего года.

Особенно интересную картину представляет рассмотрение персидского внешнеторгового оборота по отдельным странам. Следующая таблица показывает персидский внешнеторговый оборот в его распределении по странам-корреспондентам (показан только товарооборот, совершающийся в порядке этого неттобаланса).

Впервые в этом году СССР вышел на первое место по персидской внешней торговле, и по импорту и по экспорту. Единственной страной, которая в условиях кризиса и вызванного им режима монополии внешней торговли смогла вести с Персией на условиях полного равенства свою торговлю, и даже в этих условиях относительно развивает ее, оказался Советский Союз. Из рассмотрения отдельных статей персидского экспорта мы уже видели, что Советский Союз значительно расширил свои покупки в этом году. Советский Союз занимал первое место по закупкам в Персии хлопка, риса, гумми-драганта и др. Что касается персидского импорта из Союза, то главнейшие предметы первой необ-

[1] Здесь сказался, кроме того, прямой нажим со стороны империалистических стран, в лице Лиги наций, в сторону снижения Персией экспорта своего опиума; о специфическом характере экспорта опиума из Персии нами также сказано при рассмотрении персидского таможенного отчета за 1309 г.

ходимости Персия получала отсюда. СССР занимал первое место по ввозу в Персию хлопчатобумажных тканей, сахаров, нефтепродуктов.

Страны	Ввоз	Вывоз	Общий оборот
	В тысячах реалов		
СССР	268 585	250 953	519 538
Британская Индия	110 322	87 148	197 470
Англия	66 492	71 812	138 304
США	42 757	79 716	122 473
Германия	42 041	63 427	105 468
Ирак	1 673	43 121	44 794
Турция	281	33 494	33 775
Япония	24 877	5 970	30 847
Франция	14 572	9 196	23 768
Италия	17 945	4 064	22 009
Бельгия	16 033	489	16 522
Чехословакия	12 696	130	12 826
Египет	152	6 694	6 846
Оман	439	6 197	6 636
Голландия	4 917	928	5 845
Афганистан	196	5 403	5 599
Австрия	1 030	4 438	5 468
Швеция	968	3 154	4 122
Китай	1 330	1 921	3 251
Польша	1 621	459	2 080
Швейцария	1 059	524	1 583
Греция	468	124	592
Испания	444	—	444
Маскат	2	85	87
Прочие страны	463	22 647	23 110
Общий оборот	631 363	702 094	1 333 457

Англия (собственно Англия и Британская Индия) в этом году впервые после войны потеряла первое место во внешней торговле Персии. Она продолжала занимать первое место по ввозу в Персию чая, но на сильно пониженной основе. Соединенные Штаты сохраняли свое первое место по ввозу в Персию автомобилей и по вывозу из Персии ковров.

Интересно сравнить изменения размера участия СССР и Англии в персидской внешней торговле. Это наглядно видно из следующих цифр (в миллионах кранов-реалов):[1]

	1307 г. (1928-29 г.)	1308 г. (1929-30 г.)	1309 г. (1930-31 г.)	1310-11 г. (1931-32 г.)
1. Ввоз в Персию	819.9	919.9	810.5	669.2
а) В том числе из СССР	291.1	274.7	234.2	274 0
б) » » » » Англии	315.2	356.4	368.6	204.6
2. Вывоз из Персии	480.0	497.2	458.6	718.0
а) В том числе из СССР	166.3	148.6	158.8	266.9
б) » » » » Англии	103.9	102.3	83.4	159.0

[1] Включая «льготный ввоз» и экспорт рыбопродуктов, но без экспорта нефтепродуктов.

Из рассмотрения этих цифр видно, что Англия, не сбалансировавшая свою торговлю с Персией в последний год перед кризисом в три раза (315.2 млн. кр. ввоз в Персию, 103.9 млн. кр. вывоз из Персии), увеличила этот разрыв в 1308 г. в три с половиной раза, а в 1309 г. даже почти в четыре с половиной раза. Однако в 1310-1311 г. в условиях режима персидской монополии внешней торговли, ей пришлось увеличивать свои закупки в Персии и особенно резко снизить импорт в Персию. За этот счет ее удельный вес в персидской внешней торговле сильно снизился и уступил первое место Советскому Союзу. Что касается СССР, то его торговля с Персией отнюдь не испытывала таких резких скачков, и благодаря нашей последовательной торговой политики в отношении Персии, в частности в условиях кризиса, мы вышли на первое место. Такой характер советско-персидской торговли послужил основанием для заключения в конце 1931 г. советско-персидского договора,[1] построенного на совершенно особых основаниях.

В этом отчете впервые после нескольких лет перерыва дается вновь статистика товарооборота по отдельным таможенным пунктам. В виду того, что этого раздела в предыдущих отчетах не было, оставляем эти данные без каких-либо сравнений и сопоставлений.

Кроме этого в отчете приведено очень много других интересных данных, как-то: движения судов по портам Каспийского моря, Персидского залива и реки Каруна, стоимость фрахтов, описание и маршруты персидских внутренних путей, интересные данные о пассажирском движении через границу, сведения о таможенных поступлениях за ряд лет и прочие сведения.

В отчете приведен во французском переводе целый ряд законов, в том числе некоторые, до сих пор не появившиеся в переводе на каком-либо из европейских языков. Наиболее важные из них — это новый закон о монополии внешней торговли от 11 июля 1932 г.[2] и новый закон о переходе на золотую единицу от 13 марта 1932 г.[3] Все это вместе взятое придает особый интерес рецензируемому отчету.

Май, 1933.

---

[1] Договор подписан в Тегеране 27 X 1931 г.; ратифицирован летом 1932.

[2] Nouvelle loi du Monopole du Commerce approuvée le 19 Tir 1311 (10 Juillet 1932).

[3] Loi de la désignation de l'unité monétaire légale de Perse, votée par le Parlement le 22 Esfand 1310 (13 Mars 1932) et approuvée par S. M. impériale.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Н. Поппе

БИБЛИОГРАФИЯ МОНГОЛОВЕДНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1917—1932 ГОДА

В связи с широко развернувшимся языковым строительством в Монгольской Народной Республике, Бурят-Монгольской АССР и Калмыцкой Автономной Области вопросы монгольского языкознания приобрели совершенно исключительное значение. За истекшие пятнадцать лет Октябрьской революции монгольское языкознание шагнуло далеко вперед и обогатилось большим количеством различных работ как теоретического, так и прикладного характера. Как и нужно было ожидать, главная масса относящихся к этой области работ вышла в свет в СССР, но кое-что появилось также и за границей.

Литература эта настолько разбросана в различных сериях и журналах, что произвести точный учет ее стоит довольно больших усилий. Учитывая большое значение вышедшей за это время литературы, мы сочли небесполезным дать точный обзор ее, который вероятно окажет известную помощь не только практическим работникам, но и специалистам в области монгольского языкознания.

В обзор включены по совершенно естественным причинам лишь такие работы, которые представляют собою ценность в научном отношении. Буквари, книги для ликвидации неграмотности и школьные учебники низшего типа в обзор не включены.

Литература разбивается на следующие отделы:

I. Грамматики, учебники, словари.
II. Диалектология.
III. Образцы народной словесности и диалектологические записи.
IV. Сравнительное языкознание и отношение монгольских языков к другим языкам.
V. Этимологии и объяснения отдельных слов.
VI. История языка и старые памятники.
VII. История письменности, латинизация, языковое строительство.
VIII. История науки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМ — Asia Major (Leipzig).
БС — Бурятоведческий сборник (Иркутск).
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия.
ВИК — Вестник Института культуры (Верхнеудинск).
ДАН — Доклады Академии Наук СССР.
ЗИВ — Записки Института востоковедения Академии Наук СССР.
ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук СССР.
ЖБ — Жизнь Бурятии (Верхнеудинск).
ИАН — Известия Академии Наук СССР.
К и ПВ — Культура и письменность Востока.
ЛЭ — Литературная Энциклопедия.
Мат. МОНК — Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР.
Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР.
ЯС — Яфетический сборник.
JA — Journal Asiatique.
JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne.
KCsA — Körösi Csoma Archivum (Budapest).
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung.
RO — Rocznik Orjentalistyczni.

Полностью приводятся заглавия серий и журналов, повторяющихся в библиографии не часто.

I. Грамматики, учебники, словари

1. Б. Барадин. Краткое руководство по грамматике и графетике нового бурят-монгольского литературного языка. Верхнеудинск, 1931, 78 стр.

Содержит краткую грамматику языка новой латинизированной письменности. Отрицательная рецензия дана Н. Н. Поппе. См. Новые работы в области латинизации монгольской письменности. Библиография Востока. Вып. I. Ленинград, 1932, стр. 42.

2. Вл. Л. Котвич. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Ржевнице у Праги, 1929, XII + + 418 стр. (литогр.).

Автор в предисловии высказывается против перехода калмыков от Зая-пандитовского алфавита на новый.

3. Доцент Инн. Клюкин. Ключ к изучению живой монгольской речи и письменности. Ч. I. Фонетика, простейшая грамматика и образцы живой монгольской речи и письменности.

Тр. Гос. Дальневост. Ун-та. Сер. VI, 4, Владивосток, 1926, 85 стр.

Грамматика эта должна быть признана неудовлетворительной. Введение методологически слабое. Фонетическая часть очень слаба.

4. И. М. Манжигеев, Ц. Д. Номинханов и Г. Д. Санжеев. Учебник монгольского языка (для первого курса). Изд. Института Востоковедения им. Н. Нариманова. Москва, 1932, 5 + 191 стр. (стеклограф).

Методически приемлемый учебник языка новой латинизированной письменности. Огромное количество описок понижает его ценность.

5. И. М. Манжигеев, Ц. Д. Номинханов и Г. Д. Санжеев. Учебник монгольского языка (для второго курса). Изд. Института Востоковедения им. Н. Нариманова. Москва, 1933, 5 + 150 стр.

Во втором выпуске этого учебника описок еще больше, чем в учебнике для первого курса.

6. Petkin, Çern. Ors xalьmg slovarь (Русско-калмыцкий словарь под ред.

Б. Бадмаева). Саратов, 1931, 276 стр.

Краткий русско-калмыцкий латинизированный словарь.

7. Н. Н. Поппе. Практический учебник монгольского разговорного языка. Ленинград, 1931, VIII + 180 стр.

Представляет собою первую более или менее полную грамматику халха-монгольского языка. Транскрипция — русская. Рецензия (отрицательная) Б. Барадина. ВИК, № 1, 1931 г.

8. Н. Н. Поппе. Учебник монгольского языка. Ленинград, 1932, XVII + + 359 стр.

Учебник распадается на три части. В первой дается хрестоматия с грамматическими объяснениями, во второй грамматика языка старой письменности и нового литературного (латинизированная), в третьей словари: русско-монгольские и обратные.

9. Г. Д. Санжеев. Монгольско-русский словарь (латинизированный). Изд. Института Востоковедения им. Н. Нариманова. Москва, 1932, 173 стр. (стеклограф).

В общем, полезный словарь, но издан небрежно, со множеством описок.

10. Г. Ц. Цыбиков. Учебник монгольского языка для самостоятельного изучения грамотными по-русски. Ч. 1. Букварная. Верхнеудинск, 1927, IV + 56 стр.

Самоучитель монгольского языка. Много опечаток.

11. Г. Ц. Цыбиков. Учебник монгольского языка для самостоятельного изучения грамотными по-русски. Изд. 2-е исправленное и дополненное. Верхнеудинск, 1929, VI + 92 стр.

Самоучитель монгольского языка. Лучше первого издания, но опечаток по прежнему очень много.

12. Русско-монгольский терминологический словарь. Под общей редакцией Г. Р. Ринчинэ и с введением Б. Барадина. Верхнеудинск, 1928, X + + 198 стр.

Во введении Б. Барадин повторяет все свои прежние ошибочные в методологическом отношении взгляды на язык. Словарь неудовлетворителен, так как большинство терминов создано искусственно без учета данных живого языка.

13. E. Hauer. Das Şan-tzě-king. In dreisprachigem Texte mit einem chinesischen, mandschurischen und mongolischen Wörterverzeichnisse samt einer deutschen Übertragung. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Universität zu Berlin. XXVI—XXVII, Berlin, 1924, S. 61—128.

Содержит параллельный монгольский текст в латинской транскрипции и монгольско-немецкий словарик.

14. A. N. T. Whymant. A mongolian Grammar, outlining the Khalkha-Mongolian with notes on the Buriat, Kalmuck and Ordoss Mongolian. London, 1926.

Весьма посредственная грамматика. Транскрипция очень не точна. Множество ошибок как в смысле передачи форм, так и их объяснения.

II. Диалектология

15. Б. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Северная Монголия. II. Ленинград, 1927, стр. 1—42.

На стр. 1—11 даются наблюдения над живой речью халха-монголов к востоку от Улан-Батора по р. Керулену. Впервые устанавливается факт различения в халха-монгольском языке гласных

ө и у. Автор приводит интересные данные по языку революционной эпохи и устанавливает возникновение особого нового языка, в который вошли элементы языка старой письменности. В дальнейшем приводятся записи песен и пословиц. Обращает на себя внимание местами неправильный перевод: так, напр. вместо ху̇чі̆та̄̆ герē нојі̆ӊ болдо̆г у̇г^у ē «из властного дома не становятся князем» нужно ху̇чі̆тēгēрē нојі̆ӊ болдо̆г у̇г^у ē «насильно князем не становятся».

16. Б. Я. Владимирцов. О двух смешанных языках Западной Монголии. ЯС, II, Петроград, 1923, стр. 32—52.

Автор ставит в своем исследовании совершенно новый в области монгольского языкознания вопрос о языковом скрещении. Приводя ряд ценных наблюдений над языками Западной Монголии, автор некоторыми положениями своими подходит близко к точке зрения нового учения о языке на языковое скрещение.

17. Н. Н. Поппе. Заметки о говоре агинских бурят. Труды монгольской Комиссии № 8. Ленинград, 1932, 23 стр.

Содержит краткий очерк диалекта бурят Агинского аймака БМ АССР.

18. Н. Н. Поппе. Отчет о поездке на Орхон летом 1926 г., Мат. МОНК, вып. 4, стр. 1—25.

На стр. 12 говорится о фонетических особенностях языка халха-монголов на Орхоне. Далее, издаются фрагменты надписей из Эрдени-дзу, дается перевод их и объяснение некоторых слов.

19. Н. Н. Поппе. К изучению бурятских говоров. ЖБ № 10—12, 1928 г., стр. 94—98.

Содержит краткие итоги работ лингвистической экспедиции в Аларский аймак.

20. Н. Н. Поппе. Новые исследования бурят-монгольского яз. ЖБ, 1930, № 5—6, стр. 100—105.

Сообщаются краткие итоги работ лингвистической экспедиции в Агинский аймак.

21. Н. Поппе. Бурятский язык. БСЭ, т. VIII, стр. 234—237.

Дается общий очерк языка и библиография.

22. Н. Поппе. Бурятский язык. ЛЭ т. I, стр. 626—628.

Дается общий очерк языка и библиография.

23. Н. Н. Поппе. Дагурское наречие. Мат. МОНК, вып. 6, Ленинград, 1930, I + 176 стр.

Даются тексты в русской транскрипции, небольшой словарь и очерк грамматики. Доказывается, что дагурский язык не принадлежит к тунгусским, как думали раньше, но представляет собою один из архаичных языков монгольской группы.

24. Н. Н. Поппе. Аларский говор, ч. I. Мат. МОНК, вып. 11, IV + + 130 стр.; ч. II, Мат. МОНК, вып. 13, II + 216 стр.

Первая часть содержит точное фонетическое описание диалекта аларских бурят и очерк морфологии. Автор грешит в сведении многих особенностей к дальнейшим развитиям языка монгольской письменности. Вторая часть содержит тексты сказок и былин в русской транскрипции и русский перевод их.

25. Н. Поппе. Калмыцкий язык. ЛЭ, т. V, стр. 68—70.

Дается краткий очерк языка и библиография.

26. Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор. Мат. МОНК, вып. 15, Ленинград, 1931, II + 112 стр.

Хорошо написанный очерк говора дархатов у оз. Косогола. Прилагаются

тексты в точной русской транскрипции и словарик.

27. Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. Мат. МОНК, вып. 8, Ленинград, 1930, 11 стр.

Автор сообщает главные особенности говора нижнеудинских бурят, посещенных им в 1928 г.

28. Erich Haenisch. Beiträge zur mongolischen Schrift- und Volkssprache. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. XXVIII, Abt. I. Ostasiatische Studien. Berlin, SS. 170—185.

Даются халха-монгольские тексты в очень неточной латинской транскрипции. Записи неудовлетворительны. Грамматические примечания повторяют давно известное и притом с ошибками.

29. Antoine Mostaert. The mongols of Kansu and their language. Bulletin of the Catholic University of Peking, No 8, Dec. 1931.

Дается обзор языков разных монгольских народностей провинции Гань-су.

30. A. Mostaert et A. de Smedt. Le dialecte Monguor parlé par les mongols du Kansu Occidental. Anthropos, XXV, 1930, pp. 145—165; 801—815; 657—669; 961—973.

Прекрасный очерк фонетики языка монгор в окрестностях Си-нин в западном Гань-су. Язык этот сохранил много архаичных черт, в том числе *f* в начале слова.

31. A. Mostaert. Le dialecte des Mongols Urdus (Sud). Anthropos, XXII, 1927, pp. 160—186; 851—869.

Очерк фонетики наречия монголов Ордоса. Транскрипция безукоризненна. Является одним из лучших описаний монгольских языков.

32. N. Poppe. Geserica. Untersuchung der sprachlichen Eigentümlichkeiten der mongolischen Version des Gesserkhan. AM III, SS. 1—32, 167—193.

Дается очерк фонетики, морфологии и синтаксиса языка пекинского издания Гесер-хана и устанавливается, что язык его находится под большим влиянием южно-монгольских наречий.

33. N. Poppe. Skizze der Phonetik des Bargu-Burjätischen. AM, VII, SS. 307—378.

Содержит фонетически очень точное описание диалекта баргу-бурят из окрестностей монастыря Ганджур в Барге.

34. P. Anton Volpert. Etwas über die T'u yen, Ureinwohner von West-Kansu. Anthropos, XVII—XIX, 1923—1924, стр. 553—556.

Сообщаются некоторые сведения об этой монгольской народности в Гань-су и ее языке.

III. Образцы народной словесности и диалектологические записи

35. Б. Я. Владимирцов. Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия.) Ленинград, 1926, XI + 202 стр.

Содержит тексты в очень точной академической транскрипции на диалектах баитов, дэрбэтов, мингатов и др. народностей С.-З. Монголии.

36. Ц. Ж. Жамцарано. Произведения народной словесности бурят. Серия «Образцы народной словесности монгольских племен», т. I. Петроград, 1918, XXXIV + 648 стр.

Содержит тексты былин в русской академической транскрипции. Транскрипция не совсем точна (не различаются звуки ө и у), вследствие чего записи имеют гораздо больше значения для фольклориста, чем для лингвиста. Записи

эти аттестуются собирателем как образцы произведений эхрит-булгатов, но можно пожалеть, что автор точнее не указал, какие из них на эхритском диалекте и какие на булгатском, ибо, как показали позднейшие исследования, диалекты их разные и не совпадают.

37. Ц. Ж. Жамцарано. Произведения народной словесности бурят. Серия «Образцы народной словесности монгольских племен», т. II. вып. 1. Эпические произведения эхрит-булгатов. Гэсэр-Богдо. Эпопея. Ленинград, 1930, I+166 стр.

Содержит запись эпопеи Гэсэр в русской академической транскрипции. Собиратель не различает некоторых гласных, вследствие чего запись имеет гораздо больше значения для фольклористов.

38. Ц. Ж. Жамцарано. Произведения народной словесности бурят. Эпические произведения эхрит-булгатов. Серия «Образцы народной словесности монгольских племен», т. II, вып. 2. Ленинград, 1932, 1+167—330 стр.

Даются записи в русской академической транскрипции былин цикла Гэсэра — Ошор-богдо и Хурiн-Алтаi.

39. Н. Н. Поппе. — Произведения народной словесности халха-монголов. Северо-халхаское наречие. Серия «Образцы народной словесности монголов», т. III, Ленинград, 1932, VIII+167 стр.

Даются записи песен, сказок и былин в точной латинской транскрипции.

40. Г. Санжеев. Песнопения аларских бурят. ЗКВ, III, стр. 459—552.

Даются записи аларско-бурятских песен в русской академической транскрипции с переводом. Перевод не всегда точен. Некоторые слова автором транскрибируются неверно (напр. hаргуĭ «дорога», вместо харгуĭ).

41. N. Poppe. Zum Khalkhamongolischen Heldenepos. AM, V, стр. 183—213.

Дается запись былины Enke bolod kaan в точной латинской транскрипции и перевод. Является наиболее точным образчиком записи. Тем не менее местами спутаны ө и у.

42. G. J. Ramstedt. Kalmückische Sprachproben. Erster Teil. Kalmückische Märchen. MSFOu, XXVII, Helsinki, 1909—1919, 237 стр.

Богатое собрание калмыцких текстов в безукоризненно точной латинской транскрипции. Прилагается перевод текстов.

IV. Сравнительное языкознание и отношение монгольских языков к другим языкам

43. Д. А. Абашеев. К вопросу реализации бурят-монгольского языка. БС, III—IV, стр. 13—17.

Автор говорит о русских заимствованиях в бурятском языке и о том, каким изменениям подвергаются слова при заимствовании.

44. А. Н. Боржонова. К вопросу о влиянии русского языка на бурятский. БС, III—IV, стр. 18—30.

Говорится о русских заимствованиях в бурятском. С автором трудно согласиться, когда он изображает западных бурят совершенно обрусевшими.

45. А. Н. Боржонова. О взаимоотношении бурят и русских, БС, II, стр. 25—33.

Автор говорит о влиянии русского языка на бурятский и преувеличенно изображает обрусение бурят.

46. Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского пись-

менного языка и халхаского наречия. Введение и Фонетика. Ленинград, 1929, XII + 436 стр.

Труд этот является не только самым крупным из числа работ автора его, но также самым крупным трудом в области монгольского языкознания вообще. Хотя автор его и стоит на позициях формальной школы языкознания, он в ряде случаев стремится подойти к изучаемым явлениям с материалистической точки зрения. Такова, напр., теория автора о том, что ряд фонетических изменений в конечном итоге обусловлен переходом монголов от звероловства к скотоводству (стр. 241). Громадное значение и ценность этого труда, страдающего однако также недостатками, из которых самым крупным является возведение всех особенностей живой речи к языку письменности и игнорирование классового характера последней, заключается в обилии тщательно проверенного материала и безукоризненном сопоставлении форм разных монгольских языков. Труд этот выходит, собственно говоря, за пределы монгольского языкознания, поскольку он может рассматриваться как сравнительная грамматика монгольских, тюркских и тунгусских языков. Особенное внимание автор уделяет вокализму. Консонантизм разработан менее полно. Неравномерность отделов вокализма и консонантизма является одним из недостатков труда. В частности, автор совершенно обошел вопрос о взаимоотношении согласных основы и суффиксов, как вообще им очень неполно очерчены отношения суффиксов к основе.

47. Б. Владимирцов. Mongolica I. ЗКВ, I, стр. 305—341.

Настоящая работа является безусловно одной из лучших работ автора. Во вступительной части дается прекрасная критика позднеевского монголоведения, тщательно отмежевавшегося от всех соседних областей — тибетанистики, синологии, туркологии и т. д. Далее дается очень тщательное и богатое фактами исследование разных слов иранского происхождения в монгольском языке, главным образом, тохарского и согдийского. Так как многие из этих слов проникли в монгольский язык через уйгурский язык, где они уже натурализовались, не все из них могут служить доказательством непосредственных ирано-монгольских языковых отношений и должны рассматриваться скорее как уйгурские элементы в монгольском языке. Автор не делает разницы между словами, непосредственно проникшими из иранских языков в монгольский, и словами, проникшими туда через уйгурское посредство.

48. Б. Владимирцов. Арабские слова в монгольском, ЗКВ, V, стр. 73—82.

Приводится список слов арабского происхождения. Следует отметить, что большинство из них проникало в монгольский язык из тюркских языков, вследствие чего арабское происхождение их в монгольском языке нужно понимать лишь как арабское в конечном счете. В список включены многие имена собственные, засвидетельствованные лишь в некоторых памятниках и неизвестные монгольскому языку помимо этого. Арабское происхожение ряда слов сомнительно, как, напр., *araki* — «молочное вино» якобы из арабск. *ʿaraq* «финиковый эксудат». Не включено слово *mal* «скот» (в арабском «имущество»), которое с таким же успехом могло бы считаться арабским словом.

49. Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе. Из области вокализма монголо-турецкого праязыка. ДАН, 1924, стр. 33—35.

Авторами устанавливается соответствие монг. *i* = тур. *a* первого слога и приводятся примеры его.

50. Е. Д. Поливанов. К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков. ИАН, 1927, стр. 1195—1204.

Доказывается родство корейского языка с тунгусскими, монгольскими и тюркскими языками.

51. Н. Н. Поппе. К консонантизму алтайских языков. ДАН, 1924, стр. 43—44.

Статья посвящена вопросу о соответствии монгольского *lč* = тюркск. *š*.

52. Н. Н. Поппе. Система глухих смычных в алтайских языках. ДАН, 1925, стр. 11—13.

Статья посвящена согласным p, q, k, t, ť в начале слова в монгольских, тюркских и тунгусских языках.

53. Н. Н. Поппе. О родственных отношениях чувашского и тюркских языков. Чебоксары, 1925, 32 стр.

В статье затронут вопрос о взаимоотношении чувашского языка и других, в том числе монгольского.

54. Н. Н. Поппе. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам. ИАН, 1924, стр. 289—314; 1925, стр. 23—42; 1925, стр. 405—426.

В статье главное внимание уделено чувашскому языку и устанавливается, что он не восходит к тюркскому праязыку, как думали, но представляет собою особую ветвь алтайских языков. Попутно даются соответствия его монгольскому языку и разбираются разные вопросы фонетики монгольского языка. Работа носит формально-компаративный характер.

55. Г. Д. Санжеев. Манчжуро-монгольские языковые параллели. ИАН, 1930, стр. 601—626; 673—708.

Содержит очерк взаимоотношений манджурского и монгольского языков.

56. Władysław Kotwicz. Contributions aux études altaïques I—III, RO, VII, стр. 130—234.

Работа посвящена монгольским числительным и названиям цветов и их отношению к соответствующим тюркским и тунгусским словам.

57. B. Laufer. Sino-Iranica. Chinese contribution to the history of civilisation in ancient Iran. Chicago, 1919. Appendix I. Iranian elements in mongol.

Дается список слов иранского происхождения в монгольском языке.

58. B. Laufer. Jurči and mongol numerals. KCsA, I, 1921—1925, стр. 112—115.

Дается сравнение монгольских числительных с джурдженскими.

59. N. Poppe. Sur un phonème turco-mongol. ДАН, 1924, стр. 97—98.

В статье разбирается вопрос о гласном ė в монгольском, тюркских и чувашском языках.

60. N. Poppe. Die Nominalstammbildungssuffixe im Mongolischen. KSz XX, S. 89—126.

Исследование суффиксов образования именных основ, как простых суффиксов, так и сложных. В общем разобрано свыше ста суффиксов.

61. N. Poppe. Altaisch und Urtürkisch. Ungarische Jahrbücher, VI, Heft 1—2. Berlin, 1926, SS. 94—121.

Автор обнаруживает себя в статье как сторонник праязыковой теории. Хотя работа в основном относится к области тюркского сравнительного языкознания, в ней затрагиваются многочисленные вопросы монголо-тюрко-

тунгусского сравнительного языкознания, как напр., соответствия r = z, l = š и т. д.

62. G. J. Ramstedt. Die Palatalisation in den altaischen Sprachen. Annales Academiae Scientiarum Fennicae, B, XXVII, Ss. 239—251.

В статье затронуты между прочим вопросы исторической грамматики монгольских языков в части появления палатализованных согласных.

63. G. J. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. JSFOu XXXVIII, 1, 34 стр.

Будучи посвященной вопросу об отношении чувашского языка к тюркским, статья эта затрагивает также ряд вопросов связанных с монгольским языком, поскольку чувашский язык сравнивается здесь с тюркскими и монгольскими. Автор приходит к заключению, что чувашский язык восходит к пратюркскому языку.

Рец. N. Poppe. AM, I, стр. 775—782.

64. G. J. Ramsted. Remarks on the Korean language. MSFOu, LVIII, pp. 441—453.

Определяется место корейского языка и доказывается родство его между прочим с монгольским языком.

65. G. J. Ramstedt. Die Verneinung in den altaischen Sprachen. MSFOu, LII, Ss. 196—215.

Разбираются отрицания в тюркских, тунгусских и монгольских языках.

66. Aurélien Sauvageot. Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. Collection linguistique publiée par la Société de Linguistique de Paris, XXX, Paris, 1930, XLII+142 стр.

Даются сравнения ряда монгольских слов с тунгусскими, финно-угорскими и т. д.

67. S. M. Shirokogoroff. Ethnological and linguistical aspects of the Ural-Altaic hypothesis. Reprinted from Tsing Hua Journal, № 6, Peiping, China, 1931, 198 стр.

Труд посвящен вопросам, связанным с урало-алтайской теорией. Привлекаются данные монгольского языка для сравнения с другими языками.

V. Этимологии и объяснения отдельных слов

68. А. К. Богданов. К значению слов *ǐigürē aγulγan* в письме иль-хана Аргуна к Филиппу Красивому. ДАН, 1928, стр. 237—240.

Разъясняются эти слова как «вкладывая в крыло».

69. Б. Я. Владимирцов. О прозвище Даян-хан. ДАН, 1924, стр. 119—121.

Устанавливается, что *даян* означало «всенародный хан». Название это ставится в связь со словом dajār «все вместе».

70. Б. Я. Владимирцов. Поправки к чтению монгольской надписи в Ердени-дзу. ДАН, 1930, стр. 186—188.

Исправляется неверно понятое место надписи. Автор правильно отмечает, что вместо *čölege* «период» нужно читать *čölge* «провинция» и делает еще несколько поправок и уточнений к переводу других мест. Часть замечаний не новы, так как повторяют замечания проф. P. Pelliot (T'oung Pao, XXVII, стр. 21) на ту же тему.

71. Б. Я. Владимирцов. Об одном слове встречающемся в грамоте Иль-хана *Arγun'a*. ДАН, 1929, стр. 152.

Автор отстанавливается на форме *ögiye* «отдам» и обосновывает ее другими фактами языка.

72. Б. Я. Владимирцов. По поводу древне-тюркского *Ötüken yïš*. ДАН, 1929, стр. 133—136.

Автор сближает ряд слов, засвидетельствованных в орхонских надписях, с монгольскими и устанавливает более правильное чтение их.

73. Б. Я. Владимирцов. Монгольское *ongniγud* — феодальный термин и племенное название. ДАН, 1930, стр. 218—223.

Доказывается, что *ongniγud* является дальнейшим развитием формы *ongliγud*, мн. ч. от *ongliγ* «вановский».

74. Б. Я. Владимирцов. Монгольское *nökür*. ДАН, 1929, стр. 287—288.

Автор отказывается от своего прежде высказанного мнения, согласно которому монгольское *nökür* является заимствованным из персидского и, наоборот, доказывает, что слово это из монгольского было заимствовано в персидский язык.

75. Н. Н. Поппе. Монгольские этимологии. ДАН, 1925, стр. 19—22. Даются этимологии слов *adali*, *keüser*, *kilbar*, *keme* =, *γuyu* =, *toγoluγsan*.

76. W. Kotwicz. Mongol terms of orientation. OR, IV, стр. 188—189.

Дается разбор монгольских названий направлений и стран света.

77. B. Munkácsi. Kalmückische Namen der Wochentage. KCsA, I, 1921—1925, стр. 412.

Дается разбор калмыцких названий дней недели.

VI. История языка и старые памятники

78. Б. Владимирцов. Следы грамматического рода в монгольском языке. ДАН 1925, стр. 31—34.

В этой исключительной по своему значению статье устанавливается с несомненностью наличие в монгольском языке категории женского рода. Приводятся факты как из живого языка, так и из древнего. В частности, используются показания Рашид-эд-Дина.

79. Б. Я. Владимирцов. Об одном окончании множественного числа в монгольском языке. ДАН, 1926, стр. 61—62.

Приводятся примеры образования мн. числа при помощи суфф. -*d* от основ, оканчивающихся на гласные, что раньше считалось несвойственным языку монгольской письменности.

80. Б. Я. Владимирцов. Заметки к древне-тюркским и старо-монгольским текстам. ДАН, 1929, стр. 289—296.

Объясняются слова *idil*, *ǯam*, *ïru*, *dayir* и некоторые суффиксы.

81. Б. Я. Владимирцов. Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке. ДАН, 1924, стр. 55—56.

Автор устанавливает прежде неизвестную форму причастия на -*i* и приводит ряд убедительных примеров.

82. Б. Я. Владимирцов. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии Наук от проф. А. Д. Руднева. ИРАН, 1918, стр. 1549—1568.

В основном содержит описание рукописей, но в первой части отмечаются языковые особенности старых рукописей, по языку восходящих к XIV ст.

83. Б. Я. Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra. Петроград, 1921, стр. П + 162 + + 2.

Содержит издание текста с переводом и примечаниями и литературно-историческое исследование. Для лингвиста

ценность представляет собою глава «К изданию текста» («О трех периодах развития монгольского письменного языка») стр. 41—66, в которой история языка монгольской письменности делится на три основных периода: первый до XIV ст., второй с XIV по XVII ст., третий с начала XVII до начала XX ст. Сообщается много ценного фактического материала, характеризующего эти периоды.

Рец. Н. Н. Поппе АМ, II, стр. 179—182.

84. Б. Я. Владимирцов. Анонимный грузинский историк XIV в. о монгольском языке. ИАН, 1917, стр. 1487—1501.

Содержит список монгольских слов, сообщаемых одним грузинским историком XIV в., а также объяснение их и историко-фонетическое исследование их.

85. Б. Я. Владимирцов. О тибетско-монгольском словаре Li-çiḥi gur-khan. ДАН, 1926, стр. 27—30.

Даются объяснения редких и мало засвидетельствованных монгольских слов.

86. Доцент И. А. Клюкин. О чем писал Иль-Хан Аргун Филиппу Красивому в 1289 г. Владивосток, 1925, VIII + 45 стр.

Даются поправки к чтению ряда мест послания Аргуна.

87. И. А. Клюкин. Письмо Улдзэйту Иль-Хана к Филиппу Красивому, Эдуарду I-му и прочим крестоносцам. Труды Гос. Дальневосточ. Ун-та. Серия VI, 2. Владивосток, 1926, 26 стр.

Автор исправляет чтение ряда мест послания Ил-хана Улдзэйту и предлагает новое чтение, делая несомненный шаг вперед в области интерпретации этого важного документа.

88. Инн. Клюкин. Древнейшая монгольская надпись на Хархира'ском («Чингисхановом») камне. Труды Гос. Дальневост. Ун-та. Сер. VI, 5. Владивосток, 1927, 40 стр.

Дается новое чтение ряда мест надписи в честь Исункэ. Поправки автора нужно считать убедительными. К работе приложено резюмэ на французском языке, страдающее большим количеством погрешностей против французского языка.

89. Вл. Л. Котвич. Монгольские надписи в Эрдэни-дзу. Сб. МАЭ, V, вып. I, стр. 205—214.

Издается фрагмент одной надписи XIV ст. с переводом и объяснениями отдельных слов. Статья представляет собою интерес для истории монгольского языка.

90. Вл. Котвич. Поправки к разбору монгольских писем персидских иль-ханов, ЗКВ, I, стр. 342—344.

Исправляется чтение некоторых мест посланий иль-ханов. Автор правильно указывает, что вместо шинегуд нужно читать шiңкут «соколы», вместу кöрӱг «портрет» — гӱрӱс «драгоценные камни» и т. д.

91. Вл. Котвич. К изданию Юань-чао-би-ши. ЗКВ, I, стр. 233—240.

Автор вносит ряд поправок к чтению отрывка из Юань-чао-би-ши, изданного проф. P. Pelliot в статье «A propos des Comans».

92. Н. Н. Поппе. Пережитки культа огня в монгольском языке. ДАН, 1925 г., стр. 14.

Дается этимология слов *odqan* «младший сын» ← *od* «огонь» и *qan* «хан».

93. Н. Н. Поппе. Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини. ЗКВ, I, стр. 195—208.

Приводится список названий животных в формах XIV ст. и на основании

их дается исследование особенностей языка того периода.

94. Н. Н. Поппе. Монгольские числительные. Языковедные проблемы по числительным. Сборник статей, т. I. Ленинград, 1927, стр. 97—119.

Дается палеонтологический разбор числительных. Устанавливается происхождение некоторых из них, как, напр., «шесть»←«два» × «три», и связь некоторых со словом «рука» («пять»). Тем не менее автор делает попытки возвести составляющие их элементы к праязыку и этим самым не порывает связи с формальным языкознанием.

95. Erich Haenisch. Untersuchungen über das Yüan-ch'ao-pi-shi, die geheime Geschichte der Mongolen. Des XLI Bandes der Abh. der Phil.-hist. Klasse der Sächsischen Akademie der Wissenschaften, № IV. Leipzig, 1931, 100 стр.

Содержит издание части текста Юань-чао-би-ши в транскрипции с примечаниями и переводом. Замечания лингвистического характера слабы.

96. N. Poppe. Рецензия на предыдущее сочинение. OLZ, 1932, S. 618.

В рецензии указывается на неточность транскрипции, на неразличение *h* и *χ* и в частности разбирается непонятое автором книги название племени *χonggirad*.

97. P. Pelliot. Les formes turques et mongoles dans la nomenclature zoologique du Nuzhatu'l-Ḳulūb. Bulletin of the Ṣchool of Oriental studies, vol. VI, part 3, 1931, pp. 555—580.

Разбираются м. п. монгольские названия животных, сообщаемые Хамдаллахом Казвини в формах XIV ст.

98. P. Pelliot. Un mot mongol sous les T'ang. T'oung Pao, pp. 250—252.

Разбирается монгольское название Гучен.

99. P. Pelliot. Un passage altéré dans le texte mongol ancien de l'Histoire secrète das Mongols. T'oung Pao, pp. 199—202.

Разъясняется одно место текста, где встречается слово *turastan* «вооруженные щитами».

100. P. Pelliot. Le prétendu vocabulaire mongol des Ḳaitaḳ du Daghestan. JA, 1927, pp. 279—294.

Автор устанавливает, что кайтакский глоссарий Эвлия Челеби зависит от такого же глоссария Хамдалаха Казвини. Разбираются отдельные монгольские слова.

Рец. Н. Поппе в ЗКВ, III, стр. 564—579.

101. P. Pelliot. Les mots à h-initiale, aujourd'hui amuie dans le mongol des XIII-e et XIV-e siècles. JA 1925, pp. 193—263.

Статья посвящена вопросу о согласном *h* в начале слова в языке XIII и XIV ст.

Рец. Н. Поппе в ЗКВ, III, стр. 564—579.

102. N. Poppe. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. ИАН, 1927, стр. 1009—1040, 1251—1274; ИАН, 1928, стр. 55—79.

Издается монгольско-арабский глоссарий 1245 г. и дается очерк языка с привлечением других данных по монгольским языкам XIII—XIV ст.

103. N. Poppe. Beiträge zur Kenntnis der altmongolischen Schriftsprache. AM, I, Ss. 668—675.

Дается очерк языковых особенностей ряда старых рукописей, восходящих к XIV ст.

VII. История письменности, латинизация, языковое строительство

104. Б. Барадин. Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры. Баку, 1929, 36 стр.

Статья содержит ряд полезных практических предложений. В теоретической части она слаба и обнаруживает ряд идеалистических промахов автора.

105. Б. Барадин. Очередные задачи новой речевой культуры. ВИК, № 1, 1931 г., стр. 39—46.

Автор намечает ряд мероприятий в связи с развитием новой письменности в области разработки теоретических проблем, в области подготовки кадров и т. д.

106. Б. Барадин. Технология речевой культуры. ВИК, № 2—3, 1931 г., стр. 32—36.

Автор дает схему языкознания. Установление автором теории количественной (структурной) формы языка и теории качественной (квалификационной) формы языка и т. д. обнаруживает полную несостоятельность ее и методологическую неудовлетворительность.

107. Б. Я. Владимирцов. Монгольский международный алфавит XIII века. К и ПВ, кн. X, стр. 32—42.

Содержит очерк языка квадратной письменности и ее системы.

108. Б. Я. Владимирцов. Монгольские литературные языки (К латинизации монгольской и калмыцкой письменности). ЗИВ, I, стр. 1—17.

Статья написана в порядке ударного обязательства в связи с латинизацией монгольской письменности. Содержит краткий очерк истории монгольской письменности и литературных языков монголов. В противоположность прежде высказанному своему мнению (Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, стр. 20), автор доказывает кереитское происхождение языка монгольской письменности (стр. 6).

109. Л. Гомбоин. Против антимарксистских теорий в области бурят-монгольского языкознания. Культура Бурятии, № 2, 1932 г., стр. 5—7.

Автор выступает против идеалистических установок в монгольском языкознании и ошибок, допущенных в своих трудах Цибиковым и другими авторами, и критикует точку зрения проф. Котвича, высказавшегося в пользу сохранения старой письменности калмыков.

110. Н. Н. Поппе. О системах письменности, применявшихся монголами и авторами трудов о монгольском языке. К и ПВ, кн. V, 1929, стр. 111—118.

Дается обзор памятников монгольского языка на арабском, китайском, армянском, и грузинском алфавитах, а также систем письменностей, бывших в употреблении у монголов.

111. Н. Н. Поппе. К вопросу о создании нового монгольского алфавита. К и ПВ, кн. V, стр. 28—34.

Предлагается проект латинского алфавита. Проект неудовлетворителен, так как приспособлен не к реальным языкам, но претендует на создание универсального обще-монгольского алфавита.

112. Н. Н. Поппе. Еще о новом монгольском алфавите. К и ПВ, кн. VI, 1930, стр. 68—72.

Дается новый проект алфавита, почти полностью совпадающий с ныне принятым.

113. Н. Н. Поппе. К латинизации монгольского алфавита и переходу на новый литературный язык. ЗИВ, I, стр. 19—34.

Статья посвящена московской конференции по латинизации 1931 г. и итогам ее работы. Приводится новый алфавит и основные правила орфографии.

114. Н. Н. Поппе. Проблемы нового литературного монгольского языка. ИАН, 1932, стр. 151—160.

Статья посвящена вопросам становления нового литературного языка монголов и бурят-монголов. Отмечается роль коллективизации в деле образования нового языка и преодолении мелких местных говоров.

115. Н. Н. Поппе. Больные вопросы латинизации бурят-монгольской письменности. ВИК, № 1, 1931 г., стр. 55—60.

Автор выступает против извращений в области латинизации и в особенности против книги Б. Барадина «Краткое руководство по грамматике и графетике нового бурят-монгольского литературного языка», разоблачая идеалистические установки ее и фактические неправильности данных в ней формулировок.

116. Г. Ринчинэ. К проблеме бурятской терминологии. ВИК, № 2—3, 1931 г., стр. 37—43.

Автор говорит о необходимости использования интернациональной терминологии и в связи с этим дает критику ряда терминологических словарей, вышедших за последнее время.

117. Г. Ц. Цыбиков. О новом бурят-монгольском алфавите (НБМА), БС, V, стр. 54—57.

Автор сообщает в порядке информации о мероприятиях по латинизации и, указывая на некоторые недостатки нового алфавита, намечает пути устранения их.

118. Г. Ц. Цыбиков. Монгольская письменность, как орудие национальной культуры. Верхнеудинск, 1928, 17 стр.

Дается краткий очерк истории письменности. Во второй главе автор говорит об орфографии и терминологии.

119. P. Pelliot. Les systèmes d'écriture en usage chez les anciens mongols. AM, II, стр. 284—289.

Автор доказывает несостоятельность легенд об изобретении монгольских письменностей Чойджи Одзером и Пагба Ламой.

VIII. История науки

120. Н. Н. Поппе. О предварительных итогах изучения основных наречий бурят-монголов и очередные задачи бурят-монгольской диалектологии (стенограмма доклада), ВИК, № 2—3, 1931 г., стр. 60—70.

Докладчик дает краткий очерк истории изучения диалектов и намечает ближайшие задачи.

121. Н. Н. Поппе. О современном состоянии бурят-монгольского языкознания (стенограмма доклада). ВИК, № 2—3, 1931 г. стр. 45—60.

Докладчик освещает современное состояние бурятского языкознания, дает критику разным направлениям в языкознании вообще и намечает пути изжития недостатков.

122. Н. Н. Поппе. История и современное положение вопроса о взаимном родстве алтайских языков. Стенограмма отчета Первого Всесоюзного Тюркологического съезда. Баку, 1926, стр. 104—118.

Дается обзор теорий о родственных отношениях монгольского и других языков и обрисовывается современное положение этого вопроса.

К. К. Флуг

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ О ТАЙПИНСКОМ ДВИЖЕНИИ

Китайская литература о тайпинском движении сравнительно велика, но использование ее в европейской литературе совершенно недостаточно. Значительная часть китайского материала состоит из правительственных изданий; другая часть материала разбросана по разнообразным сочинениям, что, при отсутствии или недостаточности соответствующих библиографий, затрудняет его использование. Настоящая, далеко не исчерпывающая библиографическая заметка основана главным образом на материалах китайского фонда Института востоковедения Академии Наук СССР и является лишь основой для будущей полной и детальной библиографии.

Вэй Чжун ван цинь би коу гун. 1864. Показания лже-Чжун-вана, написанные им самим.

Автобиография Чжун вана тайпинов (Ли Сю чэна), написанная им незадолго до его казни в Нанкине, содержит ценный материал по изучению истории тайпинского движения, в особенности, его последней фазы. Текст оригинала, хранящегося в семейном архиве Цзэн Го фаня, воспроизведен в Чжун го би ши, изданной в 1904 г. в Японии. Автобиография Ли Сю чэна, переведенная на английский язык W. T. Lay, вышла в Шанхае в 1865 г. под заглавием The autobiography of the Chung Wang. Воспоминания о Ли Сю чэне приведены в книге Lin-le (Lindley), Ti-Ping Tien kwoh; the history of the Ti-Ping revolution, including a narrative of the authors personal adventures (1866), автор которой находился некоторое время на службе у Чжун вана. Автобиография была частично использована S. W. Williams в его книге The Middle kingdom (1895).

Гуан сюй Шунь тянь фу чжи, 130 цз. 1886. Описание Шунь тянь Фу, изданное в эру гуан сюй.

Некоторые данные, касающиеся восстания, можно найти в отделе биографий высших чиновников «гуань ши» (цз. 74). См. напр. биографии Ху Ци вэня, Вэн Синь цуня и др.

Да Цин... хуан ди шэн сюнь. Литогр. изд. в 100 бэнях, б. г. Собрание указов императоров Цинской династии.

а) Из указов имп. Сюань цзуна (Дао гуана, 1821—1850) в 130 цз. для изучения истории тайпинского движения важен отдел Цзин цзянь гуй «подавление смуты» (цз. 81—87), где имеется материал, освещающий положение китайской империи непосредственно перед началом восстания. б) В собрании указов имп. Вэнь цзуна (Сянь фына, 1851—1862) особенно интересны отделы У гун «военные подвиги» (цз. 15—22), Ли цзян ши «поощрение офицеров» (цз. 60—67), Бао чжун цзе «Прославление верности государю» (цз. 88). в) Указы Му цзуна (Тун чжи, 1862—1874) в 160 цз. касаются последнего периода движения. О тайпинах см. главным образом те же отделы (цз. 14—18; 68—131; 134—137).

Дун Хуа сюй лу, 75 цз., литогр. изд. б. г.

Продолжение анналов Цинской династии, изданное Ван Сянь цянем в 1884 г. и являющееся дополнением основных анналов, составленных Цзян Лян ци и Сян Юанем на основании документов и материалов Комиссии по составлению государственной истории (Го ши гуань) находившейся у ворот Дун хуа в Пекине. Тайпинов касается отдел Дао гуан (цз. 16).

Дун чжэн цзи люе, 1899. Описание восточной кампании.

Входящие в название данного сочинения слова цзи люе или фан люе в последующих заглавиях, указывают на то, что они составлялись особой комиссией при Фан люе гуань, входившей в Цзюнь цзи чу (Государственный совет при Цинах). Сочинения такого рода составлялись по приказанию императоров и представляют собой истории военных походов или каких-нибудь иных крупных событий в государстве. Самое старое из них относится к 1682 г.

Ли Вэнь чжун гун цюань цзи. Нанкин, 1905. Полное собрание сочинений Ли Хун чжана.

Из всего собрания, состоящего из 100 бэней крупного формата, необходимы отделы, содержащие собрание его докладов «цзоу гао» в 80 цз. и переписка с друзьями «Пэн ляо хань гао» в 20 цз. В первом следует обратить особое внимание на цз. 1—8 (доклады за 1862—1865 гг.); во втором на цз. 1—5 (письма до 1864 г.), где можно найти богатый и интересный материал. Остальные отделы, заключающие в себе телеграфную корреспонденцию «Дянь гао» за 1880—1901 гг., корреспонденцию в И шу (Цзун ли ямынь), начиная с 1870 г., и другие не представляют собой такого интереса, так как относятся к более позднему времени. Некоторые письма Ли Хун чжана к генералу Гордону и другие документы периода восстания хранятся в Британском музее. Их перечень, с указанием содержания, помещен у Douglas, Suppl. catalogue of chinese books and MSS., 75. Начало выступления Ли Хун чжана в качестве активного противника тайпинов относится к 1853 г., когда им был организован отряд местного ополчения для борьбы с восставшими. Обратив на себя внимание Цзэн Го фаня, бывшего в то время главнокомандующим правительственных войск, Ли Хун чжан продолжал с небольшими перерывами принимать участие в войне вплоть до последнего ее периода, когда он совершил памятный в истории восстания предательский поступок, казнив после сдачи Сучжоу вождей тайпинов и нарушив данное им обязательство в том, что жизнь их будет сохранена. Подробная биография Ли Хун чжана помещена в первой книге собрания его сочинений (цз. шоу, стр. 12—34).

Ло Вэнь чжун гун нянь пу, 2 цз. Пекин, 1895.

Биография Ло Бин чжана (1798—1867), губернатора в Хунани, а затем руководителя военными действиями в Сычуани, где им был разбит И ван (Ши Да кай) тайпинов. Биография, составленная Чжан Инь хуанем, содержит ряд текстов, указов, докладов и других документов, совершенно еще не использованных в качестве материалов для изучения истории тайпинского движения.

Пин дин Юе фэй цзи люе, 18 цз.; Фу лу, 4 цз. Отчет об усмирении мятежников из Юе.

Официальная история тайпинского восстания за период с начала его до взятия в плен Хун Фу дяня (см. о нем Giles. Biographical Dictionary, стр. 344), составленная на основании подлинных доку-

ментов, докладов, донесений и пр. по образцу Шэн у цзи, известного описания военных кампаний при Цинской династии, изданного в 1842 г. Приложение (фу лу) содержит биографию вождей восстания, сведения о религиозных установлениях тайпинов, рассказы о происшествиях и чудесных событиях, случившихся за период восстания и пр. Составитель Ду Вэнь лань и др. Предисловие генерала Гуань Вэня, служившего под командой Цзэн Го фаня, датировано 1865 г.

Пин Чжэ цзи люе, 16 цз., изд. Чжэ цзян шу цзюй, 1873.

Отчет о военных операциях против тайпинов в Чжэцзяне (после 1860 г.), составленный Чэнь Чжун ином и опубликованный по распоряжению губернатора Чжэцзяна Ян Чан сюня.

Сян цзюнь цзи, 20 цз. изд. Ван Дин аня, 1889.

Описание военных действий армии в Сяне (Хунань). Тайпинам посвящены 13 первых цзюаней, остальные касаются восстаний няньфэев и магометан.

Сян ли цзюнь у цзи люе, 4 цз. (Входит в серию Сюе тан цун кэ).

Изложение событий (начиная с 1858 г.), в котором особое внимание уделено значению некоего Чжан Си вэня из Тянь цзиня в деле организации отрядов сельского ополчения и роли Англии и Франции. Опубликовано Ло Чжэнь юем с рукописи, автор которой принимал личное участие в борьбе против тайпинов. Содержит много интересных деталей и воспроизводит значительное число подлинных документов. В конце книжки послесловие, написанное Ло Чжэнь юем.

Тай пин тянь го вэнь цзянь. (Входит в серию Чжан гу цун бянь, X, Шанхай, 1930).

Сообщение члена тайпинского правительства Хуан Юаня, датированное 23 днем 12 месяца 11 года тайпинов (1861) и адресованное на имя некоего Лю, где излагаются соображения по поводу политики, которой следует держаться Чжун вану по отношению к англо-французским силам.

Тай пин тянь го е ши, Шанхай, 1923.

Неофициальная история небесного государства тайпинов.

Книга составлена на основании подлинных документов и содержит обширный и разнообразный материал по истории тайпинского движения, биографии выдающихся деятелей тайпинов, данные об их военной и гражданской организации, воспроизведения многочисленных текстов, указов, прокламаций и других документов, изданных тайпинами. Книга издана по рукописи, найденной случайно сравнительно недавно; автор ее, оставшийся неизвестным, несомненно имел доступ к архивам тайпинов. См. о ней статью Stanley в China Journal, IV, no 4, где приведены выдержки в переводе на английский язык.

Тай пин тянь го ши ляо. В серии Вэнь сянь цун бянь, I (десять предыдущих частей этой серии носят название Чжан гу цун бянь).

Материалы по истории тайпинов. Среди опубликованных в них документов имеется письмо Чэнь Юй чэна (он же Ин ван) к Чжан Ло сину, предводителю няньфэев, действовавших одно время в союзе с тайпинами. Письмо датировано 12 годом Тай пин тянь го (1862).

У чжун пин коу цзи, 8 цз. 1875. О подавлении мятежа в У.

Описание военных действий правительственных войск в Цзянсу, захватывающее последний период движения (после 1860 г.).

Ху Вэнь чжэн гун цзи.

Доклады и письма Ху Линь и, изданные Цзэн Го цюанем, младшим братом Цзэн Го фаня. Ху Линь и (1812—1861)

был видным генералом, отличившимся в войне с тайпинами; Вэнь чжун его посмертный титул (см. Giles, Biogr. Dict., стр. 320).

Хуан чао цзин ши вэнь сюй бянь, 110 цз. Лит. изд. Тянь чжан шу цзюй, 1902. (Имеется также издание 1888 г. в 120 цз.).

Дополнительное собрание государственных документов, отчетов, донесений и писем, касающихся различных областей государственной жизни при Цинской династии. Является продолжением Хуан Чао цзин ши вэнь бянь, изданного в 1826 г. Составитель Гэ Ши сюнь из Шанхая. О тайпинах см. преимущественно: 1) цз. 81: Лунь Юе си цзэй пин бин ши бэнь мо, — Очерк повстанческого движения и военных действий в Гуанси (1854), автор которого, Янь Чжэн цзи, говорит о первом периоде восстания. Отчеты Ху Линь и о ходе военных операций против тайпинов также могут быть использованы; 2) цз. 82: доклад Ло Бин чжана о взятии в плен Ши Да кая и о ликвидации восстания; проекты, касающиеся обороны провинций и организации местного населения для борьбы с тайпинами; 3) цз. 88: доклады Чэн Цзу чжи и др., частично касающиеся тайпинского движения.

Хэ фэй Хуай цзюнь чжао чжун сы цзи. 3 стр.; входит в цз. 8 Мин Цин ба да цзя вэнь чао. (Сочинения восьми писателей Минской и Цинской эпох.) Лит. изд. Шанхай, б. г.

Надпись на стэле в Хэ фэе (уезд в Аньхуе) в память Хэнаньской армии, истории ее формирования и заслуг в борьбе с тайпинами и няньфэями.

Цзо Ко цзин хоу цзоу гао, 120 цз. 1866. (Другое название Цзо Вэнь сян гун цзоу шу).

Сборник докладов Цзо Цзун тана (1812—1885; Вэнь сян его посмертный титул), с 1861 г. командовавшего Чжэцзянской армией. Доклады, касающиеся военных операций против тайпинов за период 1861—1866 гг., и совершенно ещё не использованные в качестве материала для изучения истории движения, помещены в первой части сборника «Чу бянь», состоящей из 38 цз.

Цзэн Вэнь чжэн гун цюань цзи, 156 цз., 1876 г. (имеются и другие издания).

Полное собрание сочинений Цзэн Го Фаня. Как известно, Цзэн Го Фань (1811—1872) был крупным деятелем, возглавлявшим борьбу китайского правительства с тайпинами. Его значению в организации этой борьбы и подавления восстания посвящена большая работа W. H. Hail, Tseng Kuo Fan and the Taiping rebellion (1927). Из всего собрания сочинений особенно важны следующие отделы:

Цзэн Вэнь чжэн гун цзоу гао, 30 цз.

Собрание докладов Цзэн Го Фаня, начиная с 1850 г. Один из докладов, касающийся гибели Чжун вана, переведен, кажется, J. O. Bland и E. Backhouse на английский язык. Отдельное издание докладов, опубликованных Се Фу чэном в 11 цз. + 4 цз. дополнения, вышло в 1874 г. в Шанхае под заглавием Цзэн Вэнь чжэн гун цзоу и.

Цзэн Вэнь чжэн гун шу чжа, 33 цз.

Письма Цзэн Го Фаня. Из его обширной корреспонденции особенно важны письма к Ху Линь и (см. о нем выше), к Ло Бин чжану, бывшему начальнику Цзэна, и к Цзо Цзун тану. В письмах Цзэн Го Фаня к Ло Бин чжану, последний назван по своему «хао» Ио мынь или по названию должности чжун чжэн; Цзо цзун тан обозначается по своему хао Цзи гао.

Цзэн Вэнь гун цзя шу, 10 цз. изд. Шэнь бао гуань, Шанхай (есть и др. изд.).

Письма Цзэна к домашним (за 1840—1871). Помимо подробных отчетов о ходе борьбы с тайпинами, о дезертирстве в правительственной армии, оценки деятельности генералов Ward и Gordon, данных об «Ever Victorious army» и др., письма интересны еще тем, что характеризуют Цзэн Го фаня как человека. Собственно о движении, начиная с 1851 г., см. цз. 4 и сл.

Цзэн Вэнь чжэн гун да ши цзи, 4 цз.

То же изд.

О важнейших событиях в жизни Цзэн Го фаня. Жизнеописание его, составленное Ван Дин анем под редакцией Ли хун чжана и Цзэн Го цюаня. В тексте приводится ряд официальных документов, касающихся тайпинов.

Цзэн Вэнь чжэн гун нянь пу, 12 цз.

То же изд.

Биография Цзэн Го фаня. Составил известный Ли Шу чан, бывший впоследствии посланником в Японии и начавший свою служебную деятельность в качестве секретаря Цзэн Го фаня.

Цю июе чжай жи цзи лэй чао, 2 цз.

Извлечения из дневника Цзэн Го фаня, расположенные в систематическом порядке. Насколько мне известно, существует и полное издание в 40 цз., опубликованное с рукописи фототипическим способом. Изложение содержания части дневника, касающейся путешествия по Европе, имеется в статье A. P. Parker. The diary of marquis Tseng (Chinese Recorder, XXII, 1891, no 7)

Цзяо пин Юе фэй фан люе, 420 цз. 1872.

История подавления мятежников Гуан дуна.

Официальная история Тайпинского движения за период с 28 июня 1850 по 14 марта 1866 г., составленная И Синем и др. Несмотря на полноту содержащихся в ней сведений и документальных данных, страдает тенденциозностью в освещении событий и дает слишком мало данных, могущих послужить материалом для экономического анализа, что, впрочем, свойственно и остальным правительственным изданиям.

Письма Чэн Сюе ци.

Это — письма участника движения, (перешедшего впоследствии на сторону правительства) к генералу Gordon, хранящиеся в Британском музее. См. Douglas, Suppl. Cat., стр. 17.

Шань дун цзюнь син цзи люе, 22 цз. изд. Шэнь бао гуань, Шанхай, 1879.

Описание военных действий в Шаньдуне, составленное на основании официальных источников. О тайпинах в цз. 1.

Юе фынь цзи ши, 13 цз. 1869.

Изложение событий во время движения в Юе (Гуандун), заканчивающееся 1860 г. События изложены главным образом с точки зрения военной тактики, с перечнем воинских частей, принимавших участие в кампании, списком убитых во время военных действий и пр.

Юе фэй ци шоу гэнь ю, 1864.

О возникновении тайпинского движения. Изложены события начиная с 1851 г. до взятия Сучжоу и казни тайпинских вождей. Анонимный автор рукописи, хранящейся в Британском музее, принимал личное участие в восстании.

Юй цзюнь цзи люе, 12 цз., 1877.

История Хэнаньской армии. Исторический очерк военных действий Хэнаньской армии против тайпинов, туфэев, магометан и др. за период царствований имп. Дао гуана и Сянь фына, составленный Инь Гэн юнем и другими. Собственно о тайпинах в цз. 1.

РУКОПИСНЫЕ СОБРАНИЯ И АРХИВЫ

С. А. Козин

АЗИАТСКИЙ АРХИВ ПРИ ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

(КРАТКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ)

В течение прошлого столетия Азиатский музей Академии Наук (учр. 1818) сохранял традицию деления на три отдела (отделения):

1. Книги на европейских языках;
2. Рукописные материалы по востоковедению на европ. языках, и
3. Восточные манускрипты и книги, печатанные на Востоке.

В начале нынешнего столетия II-е отделение переименовывается в III-е и, наконец, в «Азиатский архив».

Источники и способы пополнения Азиатского архива были те же, что и всего Азиатского музея, а именно: инкорпорация бывших Петровской Кунсткамеры и Museum. Petropolitanum; пожертвования меценатов (гр. Уваров, Мусин-Пушкин); «приношения в дар» от востоковедов (St. Julien, И. Бичурин); покупка ценных собраний (Шиллинг фон Канштадт, А. М. Позднеев); приобретение по наследованию (Френ, Дорн, Васильев, Лемм, Жуковский, Медников) и разного рода случайные поступления.

В третье отделение (Musei Asiatici Sectio III) поступали всевозможные рукописи, как равно и приложения к ним, на европейских языках, имеющие отношение к востоковедению. Самый типичный способ пополнения — это водворение всего рукописного состава рабочей комнаты ученого: mss. (манускрипты) и всякого рода черновики его работ, заметки, выписки, записные книжки, дневники, корреспонденция, корректурные листы, авторские экземпляры печатных работ с рукописными дополнениями, исправлениями и пометками.

В соответствии с этим главнейшими типами единиц хранения Азиатского архива являются: mss. книг и статей различной степени готовности к печати, сырые материалы и черновики к готовившимся работам, дневники, корреспонденция; эстампажи, муляжи, факсимиле, фотоснимки (главным образом как приложения к готовившимся или изданным трудам), иконографические коллекции.

Уже приведенные данные дают основание заключить, насколько условны и далеки от своего действительного содержания термины «Азиатский музей» и «Азиатский архив».

Обращаясь к ближайшему обследованию состава Азиатского архива, необходимо прежде всего привести нижеследующие суммарные сведения по данным сводных карточек регистрации всех архивохранилищ Академии Наук. Регистрация эта была выполнена в 1930 и 1931 гг. в объеме следующих вопросов стандартной карточки: **1**. Порядковый № карточки; **2**. Наименование фонда или коллекции; **3**. За какие годы; **4**. В каком количестве (в един. хран. или приблиз. по весу); **5**. Состояние (разобран, не разобран и т. п.); **6**. Имеются ли описи и какие (краткие, подробные, печатные); **7**. Полное наименование учреждения, в котором хранится материал. Местонахождение или шифр; **8**. Состав фонда или коллекции; **9**. Дополнительные сведения, не вошедшие в предыдущие пункты.

В связи с ответом по 2-му пункту карточки все содержание карточки укладывалось в пять сводных карточек для пяти следующих фондов его: I. Старый фонд (Ind. Sect. III); II. Новый фонд (Ind. Sect. III nova), III. Фонд особого хранения и пользования, IV. Необработанный фонд и V. Делопроизводственный архив Института востоковедения Академии Наук (б. Азиатский музей).

Необходимо, впрочем, объяснить, что фонд делопроизводственного архива всегда состоял и состоит при секретариате Института, и что в дальнейшем фонд особого хранения и пользования был присоединен к новому фонду.

Сведения по пунктам **3**—**9** в отношении каждого из названных пяти фондов представляются в следующем виде:

I. Старый фонд. **3**. 1640—1840; **4**. 347 ед. хран. (по Ind. Sect. III, №№ 1—352); **5**. Разобран. Частью в переплетах, картонных папках, частью в связках; **6**. Mus. As. Index Sect. III-ae, Vol. I ms.; **7**. Институт востоковедения Академии Наук СССР, комн. 50; **8**. Неизданные работы по востоковедению, а также автографы, черновики и авторские (с пометками) экземпляры изданных трудов. Эстампажи, муляжи, факсимиле и другие репродукции памятников письменности народов Востока. В том числе востоковедные материалы и собрания: Андреев, Blaramberg, Bayer, Brucc, Бичурин, Бернауэр, Березин, Бретшнейдер, Charmoy, Choudoir, Доброловский, Дорн, Демезон, Digeon, Fraehn, Dim. de Yori, Григорьев, Годзевский, Гошкевич, Жаба, Зоммер, Jährig, Ивановский, Катанов, Кун (Kuhn), Klaproth, Kauffman, Kehr, Кантемир, Кроковский, Ксенофонтов, Lubenauen, Леонтьевский, Lerch, Лаксманн, Müller, Messerschmidt, Макарий, Наливкин, Палладий, Pichler, Перовский, Резанов, Reineggs, Райский, Rückert, Розен, Симонич, Schnitcher, Татаринов, Тизенгаузен, Wald, Wiedemann, Халфин и др.

II. Новый фонд. **3**. 1840—1930; **4**. 700 ед. хран. (по Ind. Sect. III-ae, Nova, №№ 1—700; **5**. Разобран. Частью в переплетах и картонных папках, частью в связках; **6**. Mus. As. Ind. Sect. III-ae, Vol. II. Nova. Ms; **8**. Idem. В том числе: Алексеев, Анучин, Бретшнейдер, Бичурин, Бартольд, Бурдуков, Бантыш-Каменский, Богданов, Барадийн, Буссе, Бакулин, Васильев, Владыкин, Виташевский, Голстунский, Huth, Долбежев, Дьяков, Дмитревский, Ермаков, Жуковский, Жаров, Залеман, Иохельсон, Куник, Кохановский, Котвич, Кротков, Каменский, Ладыгин, Липовцов, Марр, Минаев, Мардарьев, Менше, Ольденбург, Очиров, Овсянико-Куликовский, Протасьев, Попов, Потебня, Позднеев, Радлов, Рычков, Ромаскевич, Розенберг, Schmidt, Туманский, Хатта-Шериф Гюльканейский и др.

III. Фонд особого хранения и пользования. **3**. 1850—1912; **4**. 17 ед. хран. (по Ind. Sect. III, nova №№ 570—582; 419, 583, 604; 649, 651; **5**. Разобран. Частью в переплетах, частью в связках; **6**. Mus. As. Sect. III-ae. Vol. II. Nova. Ms. **7**. Idem; **8**. Востоковедные материалы, включающие документы современного политического значения: поступившие из Аз. части Гл. штаба офиц. отчеты по Средней Азии и пр.; дневники и документы Косаговского; архив Эзова; коллекция документов Пекинской миссии (1909—1912).

IV. Необработанный фонд. **3**. 1880—1910; **4**. 15 полок × 1.5 метра; **5**. Разобран, но не исследован и не описан; **6**. описей нет; **7**. Idem; **8**. Неизданные работы по востоковедению, в том числе материалы и собрания: Березовский, Елисеев, О. Розенберг и др.

V. Делопроизводственный архив ИВ (б. Азиатский Музей). **3**. 1817—1930 (отсутствует архив за 1873—1875 гг.); **4**. 136 ед. хран. **5**. Разобран. Частью в переплетах и картонн. папках, частью в связках. **6**. Имеются лишь описи бумаг годичных сборников. **7**. Idem. **8**. а) Годичные сборники официал. бумаг; б) Журналы входящих и исходящих бумаг; в) Разносные книги; г) Книги денежной и материальной отчетности; д) Книги инвентарные и Accessions-Catalog; е) Тетради с расписками о получении и возврате книг.

Таким образом все содержание Аз. архива, не считая материалов необработанных (св. карт № 4), составляют 1037 единиц, или порядковых номеров, причем во многих случаях под одним и тем же порядковым номером описаны целые собрания или коллекции, содержащие иногда по несколько десятков, а то и сотен единиц хранения в тесном смысле. Напр. собрание mss. академика Васильева, нося в описаниях один порядковый номер III nova 665, содержит 226 входящих номеров для отдельных его рукописей или их групп.

Что касается, затем, методов и состояния обработки материалов Аз. архива, то таковые различны в отношении инвентаризации, описаний и каталогизации.

Так, специальной инвентаризации эти материалы не имели и проводились по общим, неудовлетворительно разработанным записям Аз. музея. При этом, естественно, формулярные сведения по отдельным коллекциям очень часто оказывались неполными или недостаточными, а в некоторых случаях — вовсе миновали всякой инвентаризации. Если принять, наконец, во внимание едва ли не столетнюю давность такого положения вещей, то станет ясным, что проведение специальной инвентаризации Аз. архива в настоящее время не может не представляться делом чрезвычайно сложным и трудным.

Работа по описанию фондов Аз. музея, начатая академиком Залеманом в восьмидесятых годах прошлого столетия, носит характер предварительных кратких описаний коллекций и отдельных объектов в порядке их поступления в третью секцию, которая сообщает каждой единице свой шифр III или III nova, с последующими порядковыми номерами, основными и входящими. Напр. III 57, III 363 nova, или III 455 nova, 1—75.

Описания эти должны быть дополнены, во-первых, перечислением отдельных целых работ или однотипных комплексов материалов, включенных нередко в один порядковый номер при общем указании на их автора; при этом разумеется должна быть проделана большая предварительная работа по классификации и отождествлению материалов; и во-вторых, — всеми по возможности данными, установленными для современной стандартной библиографической карточки.

Однако, значение уже выполненной обработки материалов Аз. архива все же велико. Оно определяется уже самым фактом привлечения к таковой не менее трех четвертей всего состава этого хранилища, в котором материалы главнейших собраний разобраны, приурочены к определенным авторам и даже трудам, классифицированы, а нередко и полностью вчерне обработаны (главным образом корреспонденция; напр. Залемана, Жуковского и др.). Сравнительно меньшая часть этой массы доведена до состояния полной обработки даже с технической стороны. Так, большинство материалов Кантемира, Каменского, Френа, Дорна и др. имеет вид рукописных книг в переплетах, с надлежащими титульными данными, включая сюда и корреспонденцию, разбитую на томы и хранящуюся в особых книгообразных конволютах, при особых алфавитных указателях.

В результате выполненной работы по предварительному описанию фондов Аз. архива могли быть опубликованы как суммарные сообщения о составе всего хранилища в целом, так и подробные научные описания отдельных собраний, как например:

1) В Mus. As. Petropolitani Notitiae, I, II, III, 1902, стр. 063—069, список рукописным трудам доктора Э. Бретшнейдера, В. М. Алексеев;

2) Ibidem, VII, 1904, список материалам Ц. Жамцарано и Б. Барадийна 1903—1904, стр. 050—084, C. Salemann;

3) Азиатский музей Росс. Акад. Наук, 1918—1919, краткая памятка, Петербург 1920, стр. 6—8, статья С. Ф. Ольденбурга — «Азиатский архив»;

4) Изв. Росс. Акад. Наук, 1918, стр. 1323—1350, статья И. Ю. Крачковского — «Опись бумаг барона В. Р. Розена»;

5) В Зап. Коллегии востоковедов, III, изд. Акад. Наук СССР, Ленинград, 1929, стр. 267—278, статья И. Ю. Крачковского — «Дополнения к библиографии работ бар. В. Р. Розена и материалов о нем»;

6) В Изв. Акад. Наук СССР, по ОГН, 1929, стр. 399—412, статья С. А. Козина — «О неизданных работах И. Бичурина»;

7) В Докл. Акад. Наук СССР, сер. В, 1929, стр. 245—247, статья его же — «К вопросу о неизданных работах И. Бичурина»;

8) В Изв. Акад. Наук СССР, по ООН, 1931, стр. 759—774, статья его же — «Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева по данным Азиатского музея Акад. Наук СССР».

Подготовлены к печати:

9) А. Н. Самойлович, Описание mss. материалов Академика В. В. Радлова, 1918 (При материалах Радлова под шифром Аз. архива III 589 nova);

10) А. А. Ромаскевич, Опись бумаг В. А. Жуковского, ms. 132 стр. in 4°, 1932, ibidem, III 690 nova;

11) А. П. Шнейдер, Описание рукописного наследия И. П. Минаева, ibid. III 690 nova.

Из небольшого перечня опубликованных работ о содержании Аз. архива видно, что общие описания его слишком суммарны, а специальные описания охватывают слишком незначительную часть его фондов, чтобы дать сколько-нибудь полное представление о его богатствах. Организация Института востоковедения Акад. Наук дала возможность с прошлого года приступить к детальному разбору, приведению в порядок и инвентаризации архива, результатом чего было составление карточного каталога, который лег в основу данной работы. Задача дать развернутые описания может быть разрешена лишь тогда, когда мы будем иметь выполненные специалистами научные описания всех отдельных собраний и коллекций или, по крайней мере, настолько развернутые предварительные описания, чтобы они могли служить достаточным материалом для составления подробных библиографических карточек на каждую единицу хранения, а следовательно и для соответственных алфавитных и предметных каталогов.

Представляется не бесполезным в ряде статей, начиная с настоящей, подытожить и опубликовать библиографические сведения по Аз. архиву, хотя бы на основе имеющихся предварительных кратких описаний, какими бы недостатками они ни обладали в смысле неточности и неясности определений, их неполноты и даже ошибочности. При выполнении этой задачи я полагаю необходимым дать,

прежде всего, алфавитный указатель имен всех авторов, с кратким перечнем их рукописных трудов, равно как и анонимных объектов хранения Аз. архива, а в дальнейшем сгруппировать материал по темам систематически и сопроводить краткими пояснениями, справками и оценками типа catalogues raisonnés.

Нижеследующий алфавитный указатель, обнимающий содержание вышеприведенных сводных карточек, составлен по принятому в подобных случаях смешанному латино-русскому порядку литер. Предметный указатель в каждой литере следует за именным. После имени автора (или анонимного объекта) и краткого перечня его рукописных трудов следует шифр, под коим он значится в предварительных описаниях собраний и коллекций Аз. архива, по Ind. Sect. III и III-ae nova.

РЕЦЕНЗИИ

Gopalan. History of the Pallawas of Kanchn Ed. for the University with Introduction and Notes by S. Krishnaswamy Aiyangar. Madras, 1928. (The Madras University, Historical Series III) Стр. XXXIII + 245. 2 Табл. 1 карта.

За последнее время все чаще и чаще индийскими учеными создаются труды по истории Индии. Благодаря им в научный оборот поступило уже и поступает много новых источников; частные и общественные библиотеки дали нам ряд памятников, которые либо считались утерянными, либо вовсе не были еще известны.

Таким образом, заслуга индийских ученых чрезвычайно велика. Приходится, однако, сказать, что за редкими исключениями эта новая литература по истории Индии методологически слаба. Издаваемые труды носят главным образом характер династических историй и касаются преимущественно так наз. политической истории. Мы не получаем поэтому надлежащего представления о ходе развития исторического процесса в Индии, вся сущность его ускользает от нас.

Мы не видим затем необходимой систематической проработки вопроса об источниках. Старое представление о «неисторичности» индийцев, правда, рушилось, но ясного представления об имеющемся в наличности богатейшем материале по истории Индии нет. Между тем без этой предварительной работы нельзя настоящим образом приступить к исследованию истории Индии. Некоторым оправданием для указанной категории индийских исследований может служить то обстоятельство, что даже руководящие в настоящее время труды по истории Индии не дали нам еще сколько-нибудь серьезной проработки вопроса об источниках. Даже в последнем, посмертном издании известного труда пионера нового изучения истории Индии В. А. Смита[1] мы не находим сколько-нибудь обстоятельного критического обзора первоисточников; недостаточное отражение нашел этот вопрос и в важном коллективном труде «Кембриджская история Индии[2].» Ни в том, ни в другом труде, также как и в новых индийских работах, мы не находим и критической проработки предшествующей литературы предмета, между тем это совершенно необходимо для четкости новых установок: необходимо знать, что из прежних достижений является, по крайней мере на данном этапе исследований, еще приемлемым, а что нужно считать отжившим; только таким путем целиком будет использована предшествующая научная работа и вместе с тем будет устранен и лишний балласт. То обстоятельство, что и большая часть индийских исследователей истории Индии, как и автор разбираемой книги, занимаются по преимуществу династийными историями и так наз. политической историей, приходится, пови-

[1] The early History of India from 600 B. C. to the Muhammedan conqest including the invasion of Alexander the great by V. A. Smith. Fourth ed. rewised by S. M. Edwardes. Oxford, 1924.

[2] The Cambridge History of India. Vol I. Ancient India. Ed. by E. J. Rapson. Cambridge, 1922.

димому, объяснить тем, что они как бы загипнотизированы своими западными коллегами, которые сами работают под влиянием все еще живых взглядов Запада на Восток. Это точка зрения очень большого числа современных исследователей Индии так характерно и ярко высказана в послесловии издателем посмертного четвертого издания книги В. А. Смита, С. М. Эдвардсом, что я считаю необходимым привести эту цитату целиком, в подтвержение только что сказанного мною о разных западных историках: «Политическая история Индии не может соперничать в значении с историей Греции, Рима или новой Европы для выявления эволюции конституций в городах и государствах. Индийцы, как и другие народы Востока, обыкновенно довольствовались простым деспотическим управлением, потому что разница между одним правительством и другим заключалась скорее в личных свойствах и способностях различных деспотов, чем в переменах, происшедших вследствие развития учреждений. Установления отдельных талантливых самодержцев, как Чандрагупта Маурья, Ашока и Акбар, погибли по большей части вместе с их создателями. Нарождающаяся индийская конституция, которая теперь созидается, является иноземным импортом, не вполне понятным народу, ко благу которого она предназначается, и может быть она никогда не будет им вполне понята и может никогда вполне не акклиматизируется.

Самая важная часть истории Индии это история ее мысли. . . .»[1]

Слова эти являются совершенно непонятным анахронизмом, ибо при всех дефектах, которыми еще страдает литература по истории Индии, все же она уже давно говорит об истории учреждений в Индии; этим вопросам посвящены многие десятки книг и статей, которые, казалось бы, должны быть известны автору послесловия к книге В. А. Смита. Трудно себе представить, чтобы он мог забыть старую знаменитую работу его соотечественника сэра Генри Мэна об индийской общине. Непонятно также, как историк Индии мог забыть о большой литературе об известном политическом трактате Арташастра Каутильи, который, к какому бы времени его ни относить, дает обильный материал по учреждениям Индии, забыта Эдвардсом и громадная юридическая литература Индии.[1]

Тем больше заслуга индийских ученых, которые, не взирая на такое отношение специалистов к истории Индии, выводят на свет все новые и новые исторические данные.

Разбираемый нами труд выгодно отличается от большинства аналогичных трудов тем, что, хотя и кратко, дает указания на литературу предмета, и тем, что дает характеристику категорий источников. Автор указывает затем на богатый архитектурный материал, на памятники литературы и на устное предание. Ничего не сказано им о документах, кроме эпиграфических. Вероятно автор их не нашел, так как, к сожалению, до сих пор на документы, кроме имеющихся на

[1] L. c., стр. 500—501.

[1] Ему крайне будет полезно прочесть интересную и поучительную статью: Sir John Magnard. Material in inscriptions For the History of Institutions. Journ. Penjab-Hist. Soc., IX, 93—105 (1925). В этой статье обильный материал для истории индийских учреждений, который наглядно показывает всю неосновательность представления о примитивной «деспотии», под которой будто-бы все время жила Индия. Материал, опровергающий Эдвардса, необыкновенно обилен и характерен. Укажем еще, напр., на труд Ramesh Chandra Mojumdas Corporate Life in ancient India. Sec. ed. revised and enlarged. Book 1922, которую Эдвардс должен был знать; в этой работе собраны многочисленные данные о различных организациях, на основании книжного и эпиграфического материала.

камне или на металле, обращается в Индии очень мало внимания, хотя мы знаем, что даже до сих пор Индия необыкновенно богата документами и на березовой коре, пальмовых листьях, бумаге и что в Индии на документ обращалось очень много внимания в образцово устроенных канцеляриях, и на юге Индии, к которой относится разбираемая книга, на что у нас есть многочисленные указания. Ценен приложенный в конце труда хронологический указатель надписей Паллава, с кратким указанием содержания надписей, которых перечислено 151.

Кроме общего фактического очерка, касающегося судеб династии и излагающего вопросы хронологии, сообщаются ценные данные об общем государственном устройстве, администрации. Сообщаются интересные данные и по аграрному вопросу. Говорится и о литературе и об искусстве этого периода.

Вообще работа Р. Гопалана весьма полезна, и прав профессор С. К. Аянгар, когда он в своем предисловии рекомендует этот труд.

Сергей Ольденбург

Kanade R. G. Library Hand-book and Index. Bombay, 1931. (Literary Society's series № 3)

Совершенно правильная мысль автора дать представление об индийских библиотеках осложнилась, к сожалению, желанием дать сведения о библиотечном деле в мировом масштабе, и в результате получилась книга ни о чем особенно ясного представления не дающая.

Исторические сведения о библиотеках почерпнуты, повидимому, из случайных источников и потому в большинстве случаев научного значения не имеют. Исторические представления автора характеризуются, напр., тем, что он Веды относит ко времени от 5000—20 000 лет до нашей эры, дата абсолютно, конечно, фантастическая.

Несмотря на эти очень крупные недостатки, свидетельствующие об отсутствии в Индии серьезной библиотечной организации дела, книга Р. Г. Канаде сообщает нам все же ряд сведений о библиотеках в Индии, сведений, которых с такой полнотой мы пока нигде не находим, даже в столь несовершенном виде.[1]

К сожалению, сведения очень бессистемны, библиография, помещенная в отдел указателя, составлена с библиографической точки зрения совершенно не удовлетворительно.

Надо пожелать, чтобы автор для следущего издания своей книги познакомился с тем, как подобного рода работы должны делаться, тогда он окажет большую услугу всем индианистам и вообще интересующимся Индией, так как вопрос о библиотеках чрезвычайно важный, и наши сведения о библиотеках в Индии более чем скудны.

Сергей Ольденбург.

Pran Nath, Dr. A. Study in the Economic Condition of Ancient India. London, 1929. Стр. VIII + 172. (Asiatic Society Monographs, vol. XX).

Книга полезна обильным материалом, который она сообщает по вопросам мер, цен, по указаниям на классы, на которые делилось население, по заработной плате, налогам и т. п.

Основным недостатком работы является ее крайне слабая обработанность и отсутствие ясного плана. Автор выбрал

[1] Надо отметить, что даже прекрасный справочник The Indian Year Book не дает никакого представления о библиотечном деле в Индии.

чрезвычайно интересную и важную тему, попытался привлечь довольно значительную литературу предмета, но не смог справиться с взятой на себя задачей. Правда, надо признать, что сейчас, при крайне слабой разработке вопроса об экономике древней Индии, задача эта и для всякого крайне труда.

Индианисты прежних поколений, за редчайшими исключениями, вопросами экономики древней Индии не занимались, и никем до сих пор даже не сделана попытка выяснить источники по экономике, которых, несомненно, если систематически проработать вопрос, окажется весьма большое количество. Но это в значительной мере первоисточники, как напр., надписи, которые требуют больших предварительных исследований, представляющих к тому же большие трудности в технической терминологии, нам пока не достаточно известной. Мало того, мы можем с уверенностью сказать, что есть различные категории источников, которые либо нам совершенно еще неизвестны, либо не достаточно, как я только что сказал, обследованы.

Теперь, когда, наконец, начинает пробуждаться интерес к вопросам экономики индианистов (больше, впрочем, среди индийцев, чем среди европейцев), всплывают вдруг индийские рукописи с совершенно новым для нас содержанием. Несомненно кроме того, что окажется немало и архивных материалов. Мы, к сожалению, пока очень мало знаем об индийских архивах, хотя хорошо знаем, что техника документации стояла в Индии высоко, и дипломатика была чрезвычайно развита. Работники на местах, единственные, кому доступны индийские архивы, ими почти совершенно не занимаются.

В книге—введение и семь глав: I. Территориальное деление в древней Индии. II. Администрация. III. Вес, меры длины, монеты, проценты. IV. Цены. V. Население страны. VI. Землевладельческие классы. VII. Трудящиеся классы.

Несомненно, что о таких больших вопросах трудно было сказать что-нибудь исчерпывающее на десяти печатных листах и дать связный очерк.

Тем не менее в книге собрано очень много интересного материала, и затронут ряд существенных вопросов. Так, очень любопытны три таблицы заработной платы для разных категорий рабочих: VII века в Непале, XI века на юге Индии, XVI века при Великих Моголах. Вопрос о мерах, весах и монетах так сложен и велик для Индии, что он только, и притом очень частично, затронут автором. Не без интереса таблицы цен на разные съестные припасы, почерпнутые из надписей.

Несмотря на указанную выше недостаточную систематичность книги, нельзя не признать ее пользы. Надо пожелать, чтобы автор основательно переработал свой труд и более основательно познакомился с трудами по экономике вообще.

Сергей Ольденбург.

Шамилов, Араб. Курдский пастух. Рисунки и обложка Сары Шор. — М., ОГИЗ «Молодая Гвардия», 1931, 64 стр.

Появление небольшой брошюры т. Шамилова является, будем надеяться, началом большого дела. Среди выпускаемой на русском языке обширной литературы, посвященной жизни многочисленных, населяющих наш Союз народов, о курдах мы имеем еще сравнительно небольшую литературу.[1] Что же

---

[1] После октября на русском языке вышли следующие работы (газетные статьи сюда не вошли): Ляйстер, А. Ф. и Чурсин, Г. Ф. География

касается литературы на курдском языке, то мы имеем некоторое усиление печатной продукции лишь за последние годы. В силу сказанного, появление «Курдского пастуха» является для развертывания дальнейшей работы фактом большой важности, тем более, что в брошюре т. Шамилов правдиво рассказывает о самом себе — о полной лишений и нужды жизни курдского пастуха-бедняка, находившегося под ярмом двойного гнета и эксплоатации — русского царизма, с одной стороны, и собственной феодальной верхушки — с другой. Если мы имеем русский перевод книги Ахмеда Ходададэ,[1] без всяких экзотических прикрас рисующую подлинную картину жизни керманшахского курда-бедняка, то брошюра т. Шамилова делает то же в отношении курда-бедняка района Карса.

Фигура автора «Курдского пастуха», т. Араба Шамоевича Шамилова настолько ярка, что будет не лишним сказать о нем несколько слов, продолжив таким образом написанную им в брошюре автобиографию. После Февральской революции, еще до Октября, т. Шамилов вступает в красногвардейский отряд т. Шпака, действовавший на Сев. Кавказе. Октябрь застает его там же политруком повстанческого партизанского отряда. Находясь в непрерывных боях, т. Шамилов получает контузию и три раны. Имеет несколько боевых отличий. После окончания гражданской войны направляется в Моск. Инст. востоковедения, но со 2-го курса мобилизуется на партийную работу, на которой находился вплоть до последнего времени. Возвратившись в Армению, т. Шамилов ведет большую общественно-политическую работу среди курдов, выпускает на курдском языке ряд статей и брошюр.[1] Является одним из авторов курдского латинизированного алфавита, занимается разработкой грамматики курдского языка, причем эмпирическим путем открывает в этом языке категорию рода. В настоящее время состоит преподавателем курдского языка в ЛЛИ в Ленинграде и продолжает работать над собой. Тов. Шамилов еще не совсем овладел русским литературным языком, почему «Курдский пастух» был сначала написан на курдском языке, а затем переведен на русский. К сожалению, переводчики и редакция выполнили свою задачу неудовлетворительно: во многих местах чувствуются шероховатости и промахи, но, самое главное, в значительной степени утрачены непосредственность, свежесть образов и красочность, присущие литературно-художественным произведениям т. Шамилова (напр. «Курды Алагёза», еще не напечатанное продолжение «Курдского пастуха», рисующее классовую борьбу среди курдов после Октября). Таким образом, т. Шамилова следует использовать не только востоковедам, но и литературным организациям.

Кавказа. Тфл., 1924, стр. 313—15. То же 1929, стр. 299—304; Чурсин, Г Ф. Азербайджанские курды (Этногр. заметки). Изв. Кавк. Ист.-арх. инст. Тфл., 1925, III, стр. 1—16; Марогулов, И. Курдский алфавит. Культура и письм. Востока, Баку, 1928, II, стр. 43—7; Кожухов, А. И. и др. Краеведческ. хрестоматия. Советск. Туркменистан. Ашх., 1930, стр. 65. Фото; Шамилов, А. Курды Закавказья. Рев. и культура, М., 1930, № 15—16, стр. 86—9; Изучение курдов Копет-дага. Туркменоведение, Ашх., 1931, № 7—9, стр. 57; Шагинян, М. Советское Закавказье, Л.—М., 1931, стр. 33—50; Букшпан, К. Азербайджанские курды..., Баку, АЗГНИ, 1932, 92 стр., карта; Пчелина, Е. По Курдистанскому уезду Азербайджана. (Путевые заметки). Советская этнография, Л., 1932, № 4, стр. 108—121, 18 илл. и фигур.

[1] Крестьянская доля. Повесть о персидской деревне. Перев. с персидск. В. Тардов. М., 1931, ГИХЛ, 230 стр. (См. рец. в № 1 «Библ. Востока»).

[1] На русском языке из работ т. Шамилова, кроме «Курдского пастуха» и цитированных выше «Курдов Закавказья», вышли в сильно сокращенном редакцией виде «Курдские дервиши». «Атеист», М., 1930, № 59, стр. 41—46.

Возвращаясь к самой брошюре, следует еще раз отметить, что она четко вскрывает классовые отношения, существовавшие в русском дооктябрьском Курдистане и, подобно А. Ходададэ, развертывает на фоне биографии пастуха-бедняка живую картину жизни различных слоев курдского общества. Перед читателем проходит страдный путь маленького Араба, работающего батраком-пастухом у разных хозяев, уходящего на заработки в дальние селения, во время мировой войны служащего переводчиком в разных войсковых частях, чернорабочим на постройке железнодорожных линий и, наконец, сблизившись в 1916 г. с группой рабочих-большевиков, в 1917 г. вступающего в партию.

Интересно отметить, что, в отличие от буржуазного исследователя закавказских курдов, С. А. Егиазарова,[1] настойчиво замазывающего классовые противоречия внутри курдского общества, в частности в вопросе о кочевой общине (оба), т. Шамилов, испытавший на собственной спине гнет курдского феодала, дает диаметрально противоположную оценку, вскрывая эти противоречия. Так, Эгиазаров утверждает, что «все члены обы, как бедные, так и богатые, пользуются одинаковыми правами, глава же обы только первый между равными...» (стр. 18). Тов. Шамилов, наоборот, отмечает, что глава обы (оба-баши) — злейший эксплоататор и угнетатель и о каком-то «равенстве» между «богатыми и бедными не может быть и речи». В горах, на летних кочевках, говорит т. Шамилов, курды объединяются в своеобразные коллективы. «Оба» — небольшая община, объединяющая на летний период от 40 до 80 хозяйств для совместной пастьбы скота на горных пастбищах. Во главе обы стоит «оба-баши», самый богатый и влиятельный член общины; он ведает всеми делами обы, распределяет и уплачивает налоги, указывает места пастьбы и определяет момент перегона скота с одной кочевки на другую... Оба-баши — всегда глава рода и кулак, т. е. хозяин над бедняками и батраками, поэтому от пастухов требуется, чтобы они, кроме своих прямых обязанностей, исполняли бесплатно всю работу по пастьбе и уходу за скотом оба-баши. Они должны по утрам пригонять и крупный скот и баранту оба-баши к кочевкам, пересчитывать животных каждый вечер и сообщать об этом хозяину, по утрам убирать «аглы», огороженные места для овец, относить весь мусор и навоз подальше от кочевки» (стр. 26—7).

Еще ярче выступает эксплоататорская роль оба-баши из следующего отрывка, говорящего об оплате пастуха: «Взрослый пастух получал за летнюю службу от 8 до 12 барашков, а подпасок — от 3 до 5. По местному обычаю с каждых 20 овец пастух получал одну; по этому расчету, если у кулака-хозяина было стадо в 200—350 голов, он давал пастуху 10—12 голов, что представляло собой более чем скромную плату за тяжелый и опасный труд пастуха. Но кроме того курдский кулак ухитрялся эксплоатировать нас еще и другим, окольным, путем: он входил в соглашение с менее состоятельными соседями и брал за плату их небольшие стада на летнюю кочевку; по мелочам набиралось еще 200—300 овец, которые паслись вместе с его стадом. Пастух, отвечая за целость этого добавочного стада, не получал никакой дополнительной платы от хозяина» (стр. 40).

К сожалению, редакция выпустила несколько строк брошюры, где указы-

[1] Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии. Зап. Кавк. отд. русск. геогр. общ., Тфл., 1891, XIII (2), стр. 1—60.

вается еще один способ грабежа пастуха оба-баши. Последний взимает с пастуха в конце сезона пол-барашка (эквивалентно равняется одному козленку) или целого барашка «за пастьбу на арендованном оба-баши участке».

Таким образом, т. Шамилов дает исчерпывающую картину эксплоататорской деятельности оба-баши.

На стр. 6 имеются данные по плате, получаемой пастухом коров («гаван», в отличие от названия пастуха овец — «шеван»): «за пастьбу коров отец мой брал по $1^1/_2$ и 2 кило пшеницы в год и от 5 до 10 копеек за каждую штуку. Он должен был пасти с первых чисел апреля до выпадения снега — до последних чисел ноября».

Остается пожелать, чтобы жизнь курдов Закавказья и Туркменистана получила должное отражение на страницах нашей печати. Надеемся, что ОГИЗ поспешит издать вторую повесть т. Шамилова «Курды Алагёза», а наши литературные органы помогут ему вооружиться писательской техникой.

Еще несколько слов об издании «Курдского пастуха»: рисунки Сары Шор вполне удовлетворительны и гармонируют с содержанием брошюры.

Ф. Ростопчин.

Новый проект латинизации персидского алфавита. Alefbâye Nô-Çâpxâneye Rôcanai (11 стр.).

Кроме этих данных на обложке разбираемой брошюры написано персидским шрифтом: In Ketabcə məççanist и никаких других сведений ни об авторе, ни об издателе, ни о месте издания не указано. Приведенные данные обозначают: «Новый алфавит. — Типография Rovşənai. — Эта брошюра распространяется бесплатно».

Опрятно, почти роскошно изданная, с тщательной корректурой (все опечатки исправлены от руки чернилами), брошюра является характерным свидетельством того, что вопрос о латинизации персидского алфавита в Персии не только не снят с очереди, но, наоборот, даже как будто вновь поставлен на очередь. Брошюра эта никак не старше 1931 года.

В брошюре выдвигается следующий проект персидского латинизированного алфавита (Alphabet nouveau Persan, сокращ. AN; приводим с соответствиями латинизированному алфавиту, употребляемому в Туркмении, сокращ. HA).

Согласные:

AN: b p t j ç h x d z r ĵ s c f q k g l m n v y

HA: b p t ç c h x d z r ƶ s ş f q k g l m n v j

Гласные;

AN: a e o u i â; ô, ey, ê

HA: ə e o u i a; ov, əj, —

Как видно, от применяющегося на советской территории персидского алфавита AN отличается в 10-ти обозначениях: j, ç, ĵ, c, y, a, â, ô, ey, ê.

Апостроф в AN используется как знак пропуска звука на стыке слов (напр., k'in вместо ke in).

Брошюра начинается предисловием, где автор, упоминая о выводах, к которым пришли якобы «все мыслящие и просвещенные люди Персии» о том, что главное зло и причина культурной отсталости страны — трудность настоящего арабского письма, — утверждает, что «важнейшим средством для излечения нашей внутренней боли» является замена арабского шрифта латинским. Этот проект, по словам автора, соста-

влен по тщательном изучении и с учетом всех алфавитов, применявшихся в Персии, или изобретенных в восточных странах, а также применяющихся или предлагавшихся у соседних народов — турков, таджиков. Обоснований своему проекту автор не дает, а только рекомендует испытать на деле и убедиться в его достоинствах.

Внизу страницы жирным шрифтом лозунг: «Этим алфавитом будете писать так, как произносится». Затем следует таблица алфавита, в которой против каждой буквы стоит слово — пример на данную букву. После таблицы несколько замечаний, касающихся применения того или иного обозначения.

Потом идут примеры написания рекомендуемым алфавитом отрывков из поэзии и прозы известных древних авторов. В конце примеров, под заголовком «Yâd gereftane alefƀâye nô» (по НА «Jad gereftəne əlefƀaje nov» — изучение нового алфавита) приведена статейка, кратко выражающая взгляды автора на необходимость изучения данного алфавита.

Эта статейка начинается так (приводим текст на двух алфавитах — НА и AN — для сравнения):

AN: Barâye ƀâsavâdhâ do sâat va ƀarâye bisavâdhâ do hafte bictar vaqt namixâhad.

НА: Bəraje basəvadha do sa'ət və ƀəraje bisəvadha do həftə biștər vəqt nəmixahəd.

«Для грамотных требуется два часа, а для неграмотных — не больше двух недель».

Продолжаем перевод этой статейки, так как она является любопытным документом:

«Это есть единственный путь сделать население грамотным. Отцы, которые ценят драгоценную жизнь своих детей, не должны соглашаться, чтобы они тратили вместо одного дня целую жизнь, и в результате все же оставались бы в смущении перед каждым новым словом. С этим алфавитом образование в Персии распространится с чрезвычайной быстротой и послужит на пользу нашему народу, так что и в Персии, где образование монополизировано ограниченным количеством людей, оно будет доступно всем. Всеобщее обучение есть основа и принцип современной культуры и единственный путь к нему — легкость чтения и письма. Новый алфавит — предпосылка ко всеобщему обучению. Письмо есть только средство передачи звуков и их фиксирования. Это весьма важное в культурном отношении средство у нас крайне несовершеннно. Для того, чтобы не утомлять детские мозг и мысль напрасной работой, мы должны реформировать существующий алфавит, чтобы он перестал быть загадкой; нам нужно иметь простое и легкое средство к обозначению звуков. Новый алфавит выполняет это назначение».

В конце брошюры приводятся замечания о применении заглавных букв и о правилах расстановки знаков препинания «по международной системе» и алфавит заглавных и строчных букв, печатных и рукописных.

Является ли этот проект чем-то новым по сравнению с прошлыми проектами персидской латинизации?

В прошлом мы знаем, помимо давнишних опытов и мечтаний о реформе арабского шрифта для персидского языка (Мальком-Хан в 60-х годах прошлого столетия — см. работу Е. Э. Бертельса в журн. «Культура и письменность Востока», 1928, кн. 3), ряд проектов перехода на латинский шрифт, падающих в основном на 1928 г., когда на страницах персидской печати вопрос

о латинизации обсуждался довольно подробно. Газета «Шафаḳ-и-Сурх̮» открыла специальную дискуссию по этому вопросу и опубликовала несколько проектов. Из проектов, относящихся к этому времени, следует отметить:

1. Проект Таги-Заде (Предисловие к его книге Moqəddəməje tə'lime 'omumi ja jəki əz sərfəslhaje təməddon (Teheran, 1307) «Предпосылки к всеобщему обучению», где помещен этот проект, помечено 26 VIII 1928 г.);

2. Проект Решида Ясеми (сент. 1928 г.);

3. Проект Сеида Нафиси (описанный Л. И. Жирковым в его статье в № 1 журн. «Революция и письменность Востока»);

4. Проект Хосейна Зенджани (окт. 1928 г.);

5. Проект газеты «Шафаḳ-и-Сурх̮» (окт. 1928 г.).

Все эти проекты, за исключением проекта Решида Ясеми, являющегося проектом транслитерации арабского шрифта, построены на принципе соответствия одного звука одной букве. Главные расхождения в этих проектах падают, с одной стороны, на обозначения, бывшие и в истории развития НА одно время спорными, и, с другой стороны, на обозначения специфических звуков, не имеющихся в европейских языках.

В приводимой здесь таблице показаны упомянутые расхождения.

НА............	ç	c	x	s	ş	’̲	q	g	j	ə	e	a
Таги-Заде......	g	c	x	j	$	—	q	w	y	a	ê	aa
Сеид Нафиси ...	j	c	x	jj	ç	w	q	g	y	a	e	â
X. Зенджани ...	c	ç	h	j	x	—	q	g	y	e	è	a
«Шафаḳ-и-Сурх̮»	j	w	x	y	c	--	ө	ç	i	a	e	a
Р. Ясеми.......	j	ĵ	x	g	ш	ê	q̂	г	y	a	é	àâ

Наиболее разнообразно выражена буква ş. Ни один из проектов, кроме транслитерации Решида Ясеми, не дает двух различных букв qaf и qəjn, что лишний раз доказывает, что в персидском языке есть только один звук, выражающийся этими двумя буквами, а не два, как склонны утверждать некоторые ориенталисты. Проект Ясеми, требующий для обозначения каждой буквы арабского алфавита большего количества знаков, чем другие проекты, вынужден, помимо разнообразных диакритических знаков, прибегать к помощи другого, не латинского алфавита — у него взяты русские г, ш, з. Вообще этот проект столь сложен, что может вызвать подозрение, не сделано ли это нарочно, чтобы показать, что латинизация приведет к усложнению, а не к облегчению изучения грамоты.

Газета «Шафаḳ-и-Сурх̮» додумалась в своем проекте до применения ө для q и w для c; w встречается еще довольно неожиданно в проекте Таги-Заде на месте g; но там это имеет историческое объяснение, на которое ссылается и автор. Можно отметить любопытное применение обозначения доллара $ для ş; этот момент указывает на стремление использовать запас шрифтов, имеющийся для печатания на всяком европейском языке, и существующую клавиатуру европейских пишущих машин.

Как видно, новый проект латинизации персидского алфавита (AN) строится на тех же самых принципах, что и другие проекты; ближе всего он стоит к НА; расхождения, имеющиеся между ними — невелики. Хотя этот проект, повидимому, испытал на себе довольно сильное влияние НА, автор его однако, сохраняя эти расхождения, имеет характерную для мелкобуржуазных группировок тенденцию заключиться в своей национальной обособленности и, главное, оторвать персидский алфавит от советского варианта. В буквах c и ç новый

проект совпадает с алфавитом кемалистской Турции.

Для такой страны, как Персия, знаменательно отношение европейских ученых к этому вопросу.

Английский иранист Денисон Росс вынес из своей поездки в Персию в 1929 г. «убеждение», что не следует Персии менять свой прекраснейшей по форме арабский шрифт на безобразный — латинский, и уж если менять, то на древнеперсидский (зендский) алфавит, сближающий персов с парсами — крупной буржуазией Бомбея.

В 1931 г. французский иранист Масильон — не менее крупная величина в буржуазной иранистике — высказался, наоборот, за скорейший — по примеру Турции — переход на латинский алфавит, причем им был даже разработан план последовательного переиздания персидских классиков латинским шрифтом.

Под эстетическими стремлениями англичанина Росса к «прекраснейшим формам» довольно прозрачно скрывается реакционная политика колониального чиновника, а «незаинтересованность» в Персии французского империализма подсказывает Масильону его точку зрения.

Совсем недавно, в середине апреля 1933 г. на первых заседаниях Меджлиса 9-го созыва, при обсуждении программы правительства, Дешти, редактор газеты «Шафаḳ-и-Сурх̱», уделивший в свое время довольно много внимания вопросам латинизации, коснулся необходимости проведения правительством реформы алфавита. Хотя его замечание было обронено вскользь, мимоходом, вопрос этот вызвал живой отклик и горячие реплики, кратко, в скобках, зафиксированные стенографистом: «Один из депутатов: правильно. Голоса; нет, неправильно. Совсем неправильно. — Шум. Звонок председателя». Если бы даже голосов, кричавших «неправильно» было и больше, отсюда видно все же, что вопрос о латинизации в той или иной форме фигурирует в высказываниях депутатов Меджлиса и вызывает к себе достаточно горячее отношение, что уже само по себе может быть симптоматично, тем более, что сейчас поборник латинизации Таги-Заде — нынешний министр финансов, на которого ссылался и Дешти, играет далеко не последнюю роль на политической арене Персии.

Все это — появление брошюры о новом проекте алфавита, постановка этого вопроса в парламентских обсуждениях — показывает, что вопрос о латинизации алфавита в Персии назрел и разрешение его хотя и медленно, но все-таки приближается.

А. Былова.

Отарова, Н. Внешняя торговля Персии (за 1913/14 и 1925/26—1928/29 гг.); Тифлис 1931, изд. Закавказско-Восточной и Азербайджанской торговых палат.

Небольшая (72 стр.) брошюра Н. Отаровой представляет собой опыт оценки ввоза и вывоза Персии за определенный период, с точки зрения экономического развития страны. Автор, несомненно весьма искушенный в деле оперирования персидскими таможенными статистическими таблицами и вообще очень добросовестно подошедший к поставленной задаче, много потрудился, чтобы добиться истинных итогов внешней торговли Персии.

Целый ряд поправок (по ввозу и вывозу АРОС;[1] по ввозу огнеприпасов и военного снаряжения; по движению благородных металлов; по вопросу

[1] «Anglo-Persian Oil Company».

о курсе червонца) был сделан для того, чтобы получить итоги, возможно близкие к истине. Однако полной очистки цифр внешней торговли от всего наносного автор не добился; да и сделать это почти невозможно. Нельзя, например, определить какое количество муки и других продовольственных товаров ввозилось в 1914 г. для снабжения оккупационных войск царской России. Поэтому сравнение ввоза того периода с годами 1925/26 и 1926/27 неизбежно будет весьма приблизительным. К промахам автора надо отнести, например, неисключение из цифр ввоза импорта для нужд иностранных миссий и представительств, явно не имеющего касательства к вопросам развития экономики Персии и ее внешней торговли. Несмотря на это, брошюра Н. Отаровой несомненно дает вполне доброкачественный материал. Очень хорошо было бы проработать и углубить его в социально-экономическом разрезе. Однако, это трудно сделать в силу двух обстоятельств: непринятия во внимание курса крана в 1914 г. по сравнению с послевоенными годами и из-за построения всей работы по классификации товаров, принятой Международным конгрессом по коммерческой статистике в Брюсселе (9 IX 1910 г.).

При сравнении таких значительных периодов по внешней торговле, как 14 лет (1914—1928 г.) в отношении страны с весьма неустойчивой валютой, нельзя ограничиваться приведением и сопоставлением итогов в кранах; нужно обратить внимание на внешне-торговые курсы крана по отношению к мировой валюте за каждый из анализируемых отрезков времени. Фактические соотношения могут быть значительно различны от итогов, получаемых при сличении тех же цифр, выраженных в кранах.

С другой стороны, совершеннейшей нелепицей является применение так наз. международной классификации товаров. То, что может быть нужно при рассмотрении итогов мировой торговли или отдельных капиталистических стран, совершенно неуместно при анализе внешней торговли зависимой, полуколониальной страны. Больше того, применение к Персии брюссельской классификации товаров есть, по существу, замазывание самой сути — колониального характера персидской внешней торговли, приспособляемости хозяйства этой страны к спросу стран-метрополий, поставки сырья на мировой рынок.

Этот факт нужно рассматривать как методологическую, из типа деколонизаторских, ошибку автора работы. Из других дефектов следует указать, раньше всего, на хромающую терминологию. Нельзя чисто торгашеские понятия переносить в исследовательскую работу. В частности, это наиболее повторяется в вопросе о хлопчатобумажных тканях, которые автор именует мануфактурой; нельзя упускать из виду, что этот термин в экономической науке отнесен к совершенно другому понятию.

Имеются неточности и в комментариях к отдельным таблицам. Нельзя, например, выдавать (стр. 15) увеличение ввоза орудий производства в течение 14 лет на 1.2% — за «бурный рост по сравнению с довоенными годами». Далее, на стр. 17, указывая на падение ввоза сахара за период с 1925 по 1929 г. в сравнении с 1914 г., автор объясняет это явление увеличением обложения. Это неверно, хотя бы потому, что резкое увеличение обложения сахара имеет своим началом сахарную монополию (1925 г.), а сокращение ввоза в Персию сахара вдвое мы наблюдаем с периода, последовавшего сейчас же за мировой

войной. Таких замечаний можно сделать несколько, но все это мелочи. Эти мелочи с лихвой перекрываются трезвым заключительным диагнозом автора. Он говорит: «техническая реконструкция в Персии за изучаемый период имела место лишь в области транспорта в сторону автомобилизации страны, что вызвало ускорение товарооборота. В области промышленности нельзя отметить заметных процессов строительства, так же как и в области сельского хозяйства нельзя констатировать каких-либо изменений процессов производства». Очень приятно встретиться с таким выводом, как результатом проработки громадного материала.

Чтобы закончить рецензию, нужно поставить на вид автору еще один момент: чрезвычайную его осторожность в вопросах оценки материального благосостояния широких масс населения. Судя по отдельным местам работы, автор еще не решил для себя вопроса об эксплоатации империализмом персидского крестьянства и разорении его. Похоже на то, что автор склонен менее утвердительно рассматривать некоторые из решений шестого конгресса ИККИ, из числа тех, что уже давно служат отправными положениями в нашем изучении условий развития колоний и зависимых стран в эпоху монополистического капитализма. Не говоря уже о вышеотмеченном факте по вопросу падения ввоза сахара, являющегося явным результатом катастрофического обнищания масс и сокращения покупательной способности населения, мы и дальше встречаемся с весьма примиренческим отношением к факту эксплоатации населения и обнищания его. Так обстоит с вопросом о росте вывоза ковров. Автор не дает твердого объяснения этому явлению. В то же время ему известно, что овцеводство не развивается, а вывоз шерсти в невыделанном виде, наоборот, возрастает. В этих условиях рост вывоза ковров, и рост весьма значительный, может быть только результатом распродажи населением ковровых фондов — тех ковров, которые имеются в каждой, даже бедной семье и которые в персидских бытовых условиях являются обязательным предметом домашнего обихода.

Что автор не чужд был сомнения в действительности эксплоатации Персии империализмом, можно судить по следующему резонерскому замечанию, которое мы находим в заключении (стр. 35). Он пишет: «Благосостояние широких масс населения и, главное, крестьянства не показывает каких-либо признаков улучшения» Само построение этой фразы свидетельствует, что автор об ухудшении материального благосостояния населения не думал. Он был занят поисками «признаков улучшения» и не нашел их. Тогда он констатировал «отсутствие роста благосостояния населения» (там же, стр. 35) и этим ограничился. Классификация товаров, выработанная Международным конгрессом по коммерческой статистике в Брюсселе, затемнила многое и не позволила пойти дальше. Между тем, именно это «дальше» мы вправе требовать сейчас от каждого автора, работающего над персидской проблемой.

М. Сенджаби.

Шьям Сундар Дас. Курс языковедения.

श्यामसुंदर दास बी॰ ए॰ भाषा-विज्ञान अर्थात भाषा संबंधी मुख्य मुख्य सिद्धांतों और भारतीय भाषाओं के विकास, विशेषत: हिंदी भाषा के विकास के संबंध में विवेचन ॥ प्रकाशक रामचंद्र वर्म्म, साहित्य-रत्न-माला कार्यालय, काशी, सं० १६८१ वि०, पहली बार, मूल्य ६).

В силу предрассудков, укоренившихся в индологии весьма давно, индологические работы, написанные местными индийскими авторами на местных языках, остаются обычно неизвестными. В лучшем случае европейские специалисты используют их в качестве материала для своих работ. Оправданием подобного отношения к туземной индологической традиции служило иногда то, что работы местных авторов по своим методологическим принципам весьма заметно отличались от европейской научной литературы, и потому переработка их и изложение их основных идей в форме, принятой в Европе, зачастую требовала значительного труда.

В последние десятилетия, однако, индийские специалисты, прошедшие европейскую школу, в своих методологических принципах следуют европейской традиции. Таким образом «отвод» с этой стороны отпадает. Тем не менее старое отношение к местной традиции остается, и ссылку на работы местных авторов в трудах европейских специалистов можно встретить очень редко. Как правило, индологические работы на местных языках не попадают в библиографические справочники. В силу этого весьма многие индийские авторы и ряд индийских научных организаций, для обеспечения возможности более широкой циркуляции своих работ, переходят на английский язык.

Однако в последние годы, с обострением националистического движения, в Индии наблюдается тенденция возможно меньше пользоваться английским языком. Наиболее яркие формы эта тенденция принимает в общественно-политической жизни, и ею определяется стремление лишить английский язык его позиций и добиться официального признания за хиндустани, lingua franca современной Индии, прав государственного языка для всей Британской Индии.

Совершенно понятно, что эти тенденции не могли не сказаться и на научной продукции, особенно в области гуманитарных наук. В результате этого мы имеем ряд капитальнейших работ, которые изданы целиком на местных языках. Таковы, например, грамматика хинди Kāmtāprasād Guru[1] и огромный толковый словарь хинди,[2] изданный бенаресским обществом नागरी प्रचारिणी सभा, председателем которого является Çyām Sundar Dās, автор рассматриваемого труда.

Как показывает название, труд Çyām Sundar Dās'a भाषा विज्ञान (bhāṣā vijñān) посвящен изложению основных принципов современной лингвистики, иллюстрированных фактами из истории развития индийских языков вообще и хинди в частности, и соответствует европейским курсам по введению в языковедение. Курс читался автором в Бенаресском университете. Курс распадается на 10 глав и весьма выгодно отличается от аналогичных работ некоторых индийских авторов тем, что он целиком построен на местном материале. Для древних (ведического и санскрита) и среднеиндийских (пали и пракритов) языков автор использует богатую европейскую научную традицию, но материал, иллюстрирующий развитие новоиндийских языков (9-я глава Adhunik deçbhāṣā'oṅ kā vikās), в большинстве случаев дается свежий, яркий и весьма показательный. Опираясь на прекрасное знание современных диалектов, автор вносит ряд коррективов в те положения, которые установлены были в свое время R. Hoernle и поддержаны G. Grierson'ом. Шьям Сундар

1 Kāmtāprasād Guru, Hindī Vyākaraṇ, Kāçī, Nāgarī Pracāriṇī Sabhā, Prakāçak Indian Press, Ld., Prayāg, 1984.

2 Hindī Çabdasāgara, arthāt Hindī Bhāṣā ka ek bṛhat koç, Kāçī 1924—1929.

Дас сохраняет однако основное положение R. Hoernle о разделении современных языков на две группы — внешнюю и внутреннюю, против которого довольно резко, но, по моему, без достаточных оснований высказывается S. K. Chatterji.[1] Шьям Сундар Дас дает следующую группировку современных языков:

I. Bahiraṅg Bhāṣā'eṅ.
  1. Uttar-paççimī Çākhā:
    a) Kāçmīrī,
    b) Kohıstānī,
    c) Lahaṅde kī bolī yā paççimī Paṅjābī aur
    d) Sindhī.
  2. Dakṣiṇī Çākhā:
    a) Marāṭhī.
  3. Pūrvī Çākhā:
    a) Uṛiyā,
    b) Bihārī,
    c) Baṅglā aur
    d) Āsāmī.
II. Madhyavartī Bhāsā:
  1. Pūrvī Hindī.
III. Antarraṅg Bhāṣā'eṅ:
  1. Paççimī Çākhā:
    a) Paççimī Hindī,
    b) Rājasthānī,
    c) Gujarātī,
    d) Panjābī.
  2. Uttarī Çākhā:
    a) Paççimī Pahāṛī,
    b) Madhya Pahāṛī aur
    c) Pūrvī Pahaṛī.

В 5-й и 9-й главах автор дает краткую историю каждого из названных 17 главнейших языков, характеристику их диалектов, а также краткие сведения о литературе, имеющейся на различных диалектах соответствующих языков.

[1] S. K. Chatterji. The Origin and Development of the Bengali Language, Part I, pp. 150—169.

Наибольший интерес представляет последняя, 10-я глава (हिंदी भाषा का विकास), где автор останавливается на ряде актуальных вопросов. Говоря об иноязычном влиянии на хинди, Шьям Сундар Дас отмечает важнейшие элементы, вошедшие в хинди из дравидийских языков, из персидского, арабского, португальского и английского языка, и рассматривает те фонетические процессы, которыми сопровождается освоение иноязычных элементов. При рассмотрении санскритских элементов хинди и других индуистских языков он с особой убедительностью показывает, что построение любого из индуистских литературных языков сопровождалось его санскритизацией, и потому находит вполне естественным и необходимым то огромное количество санскритизмов, которое характеризует современные литературные языки. Самому автору пришлось создать ряд весьма оригинальных санскритских новообразований для выражения европейских лингвистических терминов.

Переходя к рассмотрению диалектов хинди, Шьям Сундар Дас включает в это понятие следующие идиомы: rājasthānī, avadhī, braj bhāṣā, buṅdelī bhāṣā и khaṛī bolī. В отношении последнего диалекта, который в настоящее время употребляется в качестве прозаического литературного языка, автор придерживается положения, обоснованного в свое время Г. Грирсоном, что khaṛī bolī в своей основе является мирутским диалектом хинди. Хотя мирутский диалект, действительно, близок к khaṛī bolī, тем не менее, вряд ли можно в настоящее время утверждать это с полной уверенностью. Ряд исторических фактов, установленных в последнее время T. Gr. Bailey[1] и M.

[1] T. Grahame Bailey. Urdu: the Name and the Language. JRAS, April 1930, pp. 391—400.

Qadri,[1] заставляет пересмотреть положения Г. Грирсона и склониться к тому, что в основе урду и khaṛī bolī лежит лахорский или близкий к нему диалект панджаби.

Шьям Сундар Дас сумел в кратком очерке рассмотреть не только общие принципы языкового развития, но и весьма удачно иллюстрировать их фактами из истории многочисленных индийских языков, четко обозначив основные этапы развития индийских языков вообще, особенно наглядно представив эволюцию хинди. Не размениваясь на детали, он дает только наиболее характерное для индийских языков. В этом большая заслуга автора.

В вину автору можно поставить то, что он не всегда критично относится к старым положениям, установленным европейскими авторами. Располагая материалом, превосходящим во много раз те данные, которыми в свое время располагал Г. Грирсон, автор в некоторых случаях подставляет готовые выводы, не всегда оправдываемые его материалом. Теоретические рассуждения автора дают основание думать, что он недооценивает значение диалектов для развития литературных языков. Единственный способ сделать тот или иной диалект литературным, по мнению автора, состоит в насыщении его элементами санскрита. Совершенно понятно, что подобные утверждения вытекают из общих буржуазно-националистических тенденций Шьям Сундар Даса. Этими же тенденциями объясняется и то широкое значение термина «хинди», которое мы видим у автора. Признавая, что по совокупности диалектических особенностей и на основании исторических данных раджастани и восточный хинди (авадхи) должны пониматься особыми языками, автор все же рассматривает их как диалекты хинди только на том основании, что узкая прослойка верхушечных классов, вышедших из среды населения, говорящего на диалектах раджастани и авадхи, пользуется хинди в качестве литературного языка.

А. Баранников.

[1] Mohiuddin Qadri. Hindustani Phonetics (n. d.) со ссылкой на его же труд Panjab mẽ Urdu (n. d.).

Рамачандра Шукла. Развитие литературы хинди.

रामचंद्र शुक्ल, हिंदी साहित्य का विकास (в приложении к हिंदी शब्दसागर), प्रकाशक काशी नागरी प्रचारिणी सभा, १९२९, काशी में मुद्रित ॥

В одной из своих рецензий на новые труды по истории литератур хинди и урду[1] я отметил, что научное изучение истории литератур на этих языках стоит в самом начале своего развития. До последнего времени большинство работ в этой области представляло собой в сущности простые справочники, которые позволяли кое как ориентироваться в огромной массе литературных фактов. В старых справочниках, например, в «Истории литературы» Garcin de Tassy[2], авторы располагаются в алфавитном порядке без учета хронологического момента и независимо от того, на каком языке писал тот или иной автор. В начале XX в. создаются справочники, где делаются серьезные попытки уложить всю массу литературных фактов, до сих пор мало изученных, в более или менее надежные хронологические рамки. Таким ценнейшим справочником является большой труд братьев Miçra[3]

[1] Записки Кол. Вост., т. II, вып. I, Л., 1926, стр. 187—194.

[2] Garcin de Tassy. Histoire de la Littérature Hindoui et Hindoustani. T. I, 1839, T. II, 1847, Paris.

[3] Miçrabandhu Vinod, arthāt Hindī Sāhitya kā itihās tathā kavikīrtan, Lakhnaū, Sam. 1983—1984.

(मिश्रबंधु), первое издание которого вышло в 1912 г., а второе в 1926-27 г. Значение этого фундаментального труда выступает с достаточной наглядностью, если мы вспомним первые попытки представить картину развития литературы хинди, т. е. обзор литературы शिवसिंहसंगर'а (शिव-सरोज) и основанный на нем труд G. Grierson'а.[1] Большей систематичностью и хронологической ясностью отличается труд F. E. Keay'я,[2] который представляет по существу краткое извлечение из Miçrabandhu Vinod, и книга E. Greaves'а,[3] отличающаяся значительно большей самостоятельностью в трактовке материала.

Таким образом первые попытки дать историю литературы хинди принадлежат англичанам, которые по существу только делают выводы и извлечения из местных авторов, ведущих огромную подготовительную работу по собиранию памятников, их систематизации, изданию и частично даже по переводу их на английский язык.

При таких условиях понятен интерес, который вызывается трудом местного автора, пытающегося дать цельную картину развития литературы хинди.

Методологические установки Rāmacandra Çukla определяются теми немногими фразами, которые мы находим во введении. «Эволюция литературных форм определяется эволюцией общественной психологии...» Поскольку «общественная психология зависит от политических, социальных, классовых и религиозных условий, в которых развивается литература, отсюда вытекает необходимость краткого рассмотрения этих условий».

[1] G. Grierson. Modern Vernacular Literature of Hindustan. Calcutta, 1889.

[2] F. E. Keay. A History of Hindi Literature, Associated Press, Calcutta, 1920.

[3] E. Greaves. Hindi Literature. Allahabad, 1928.

Таким образом Рамачандра Шукла отходит от формального метода, имеющего в Индии весьма давнюю традицию, усваивая метод культурно-исторический. Новая установка выдерживается автором довольно слабо и выражается в кратких очерках наиболее крупных общественных движений, нашедших свое отражение в литературе хинди, и в тех вводных замечаниях, которые предпосылаются каждому из четырех периодов, на которые автор делит развитие традиции литературы хинди. Эти периоды следующие:

1) ādi-kāl (vīrgāthā-kāl, saṁ. 1050—1375)

2) pūrva-madhyakāl (bhakti kāl, saṁ. 1375—1700)

3) uttar-madhya-kāl (rītikāl, saṁ. 1700—1900)

4) ādhunik kāl (gadya kāl, saṁ. 1900—1984).[1]

В основу разделения положено различие в идеях и формах, превалировавших в соответствующие периоды. Несмотря на неопределенность принципа, положенного в основу разделения, весьма удачно устанавливаются хронологические рамки, поскольку каждый из названных периодов совпадает с расцветом литературной продукции различных классов, а именно: 1) феодально-дворянская поэзия периода борьбы с мусульманством, 2) поэзия городской мелкой буржуазии, особенно ремесленников, 3) искусственная придворная поэзия, 4) поэзия и проза новой буржуазии европейского типа.

С исключительной эрудицией и мастерством Ramacandra Çukla рассматривает каждый из названных периодов и более дробные подразделения внутри них, подробно останавливается на «ведущих» авторах и кратко характеризует остальных. При рассмотрении каждого

[1] Эра Vikramāditya.

автора R. Çukla дает довольно значительные выдержки из его произведений, прекрасно характеризующие его язык, стиль и основные идеи. Важно отметить, что некоторые авторы и образцы их произведений являются у R. Çukla впервые, как результат его поисков и изысканий.

Особенно удачно изложено развитие литературы в начальный период, так как эта эпоха давно уже привлекала внимание историков литературы и является наиболее разработанной. Автор весьма удачно суммирует здесь все достижения в этой области и дает яркую характеристику развития идей, сюжетов, форм, стиля и языка феодально-дворянской поэзии (эпоса и баллад), развившейся в период борьбы с мусульманами и междуусобных войн между отдельными феодальными образованиями. При большом формальном мастерстве автора, его понимание исторических событий этого периода часто весьма беспомощно и наивно.

Значительно слабее изображен у автора «ранний средний период» (Pūrv Madhyakāl). Здесь трактуются поэты — представители индийских демократических течений, которые в индологической литературе известны под именем вишнуизма в его обеих формах — рамаизма и кришнуизма. Как известно, во главе этих литературных течений в это время стояли представители низших каст — ткачи, плотники, кожевники, портные, мелкие торговцы и т. д., и автор брахман относится к их литературной продукции с заметным высокомерием. Признавая за поэзией этого периода большую оригинальность и высокую художественность, автор тем не менее относится к ней с большим неодобрением по следующей причине: «так как в это движение входило мало образованных людей, то произведения (авторов не брахманов) привели «к развитию сектантства». Причины, почему в это движение входило мало образованных людей (т. е. брахманства) и почему деятельность представителей низших каст привела к образованию сектантства (стр. 81), автор оставляет без объяснений. С неменьшим порицанием, чем к раннему рамаизму, автор относится и к раннему кришнуитскому движению, так как кришнуитские поэты, по мнению автора, своими произведениями опьянили толпу (jantā ko rasonmatta kiyā), не приняли в соображение того влияния, которое произведут их идеи на «неопытные умы». У них, по мнению автора, не было идеи социального блага, «они совершенно не думали о том, куда ведут своих последователей» (стр. 103). Исходя из этих внешне моральных, фактически же кастово-брахманских соображений, автор уделяет весьма мало внимания крупным и оригинальным авторам из ремесленников, особенно крупнейшему из них — Кабиру, отрицавшему все современные ему социальные установления, в частности касты, и издевавшемуся над религиозной узостью индусов и мусульман. Равным образом, автор только в нескольких словах упоминает о Нанаке, основателе сикхизма. С большим воодушевлением R. Çukla говорит о крупнейшем поэте литературы хинди, Тулси Дасе (Tulsī Dās), который, по его мнению, был сторонником традиционного индийского уклада и учил «любви к верным слугам, полагающим душу за господина, и преданности правителям, лелеющим свой народ, как родных детей». При этом автор забывает о том взрыве негодования, которым была встречена Рамаяна Тулси Даса именно в брахманской среде. Очевидно, современники Тулси Даса не находили в его произведениях тех похвальных качеств, о которых говорит автор.

Весьма подробно автор рассматривает поэтов третьего периода (Uttar Madhyakāl, rītī kāl, 1700—1900). Главное достоинство виднейших поэтов этого периода — совершенствование формы и разработка вопросов поэтики при полном упадке и обнищании содержания даже крупнейших произведений. Этот период целиком совпадает со временем установления британской власти, с постепенным разорением и обнищанием Индии, особенно ее крестьянства, ремесленников и мелкой городской буржуазии. Литературными центрами делаются многочисленные дворы раджей, утративших свое былое значение, и их придворные поэты воспевают былую славу их предков и мнимые подвиги измельчавших потомков. Кришнуитская поэзия, которая с самого своего начала была пронизана сильным эротическим элементом, в новой среде обращается в чистую эротику. Совершенно понятно, что эта религиозно-эротическая и панегирическая литература в идеологическом смысле была крайне убога и возмещала свое идейное убожество совершенством формы. Это формальное совершенство, связанное со схоластической «ученостью», необходимой приправой риторизма, и завоевывает симпатии R. Çukla.

Также подробно говорит автор о современном периоде (Ādhunik kāl), т. е. периоде, последовавшем за революцией 1857 г. (у автора 1900—1908). Весьма ярко автор рисует полный упадок литературной традиции к началу этого периода, развитие новой, по-европейски образованной интеллигенции, благодаря деятельности которой постепенно вырабатывается прозаический язык и прозаическая литература. Серьезное внимание он уделяет переводческой деятельности, давшей переводы важнейших произведений европейских литератур, а также литератур бенгальской, маратской и санскритской. С большой эрудицией автор описывает также освоение новых литературных форм — романа, новеллы, рассказа и т. д. В отличие от всех предшествующих историков литературы хинди, Ramacandra Çukla доводит свое рассмотрение литературных фактов вплоть до современности, давая краткие характеристики авторов, действующих в настоящее время.

При небольшом объеме труда (212 стр. in quarto), Ramacandra Çukla с большой эрудицией овладел своим материалом и дает наиболее связный систематический очерк литературы хинди за период почти в тысячу лет. Он с большим уменьем в большинстве случаев выдержал пропорцию между биографическими данными о каждом авторе, рассмотрением его идей и форм и иллюстративным материалом из его произведений. Этим он часто выгодно отличается от названных трудов индийцев и европейцев. Большим изъяном является методологическая сторона работы R. Çukla. Помимо того, что его труд проникнут чистейшим субъективизмом, он не сумел стать выше обычной кастовой брахманской точки зрения на литературные факты, и потому наиболее оригинальные из них почти выпали из его рассмотрения.

А. Баранников.

Шьям Сундар Дас. Язык и литература хинди.

श्याम सुंदरदास, हिंदी भाषा और साहित्य। प्रकाशक इंडियन प्रेस, लिमिटेड, प्रयाग, १६८७, प्रथम संस्करण, मल्य ६).

Автору рассматриваемого труда «Язык и литература хинди» принадлежит также названный выше труд по языко-

знанию. Настоящая работа его распадается на две части: а) язык хинди («Hindī Bhāṣā», стр. 1—164) и б) литература хинди («Hindī Sāhitya», стр. 165—539) и является наиболее систематическим изложением истории языка и литературы хинди. История языка представляет собою переработку последних глав ранее рассмотренной работы Çyām Sundar Dās'а, которая в значительно дополненной и переработанной форме была напечатана в приложении к редактировавшемуся автором словарю хинди («Hindī Çabda sāgara», части 43—45, стр. 1—56) и для настоящего издания была подвергнута новой переработке, причем автор внес много свежего материала, дал более полные характеристики разных этапов развития хинди и его диалектов.

Первая часть, hindī bhāsā состоит из 6 глав: 1) древние языки Индии, 2) современные языки Индии, 3) иноязычное влияние на хинди, 4) фонетические особенности хинди, 5) диалекты хинди, 6) морфология хинди. Наибольший интерес представляет 2-я глава, трактующая о современных индийских языках, и 5-я глава, посвященная диалектам хинди. Во второй главе даются краткие характеристики важнейших новоиндийских языков, их развития и важнейших диалектов, преимущественно тех из них, на которых сохранилась литературная традиция. В пятой главе автор рассматривает диалекты хинди, отмечает область распространения каждого из них, дает характерные особенности и указывает на значение их в развитии литературной традиции. Таким образом языковой очерк является вводным к очерку истории литературы. К языковому очерку приложена серия карт (в красках), дающая картину распространения различных языков, диалектов и субдиалектов.

В предисловии к своему труду Çyām Sundar Das ставит вопрос об установке его литературной части, той установке, которая оправдывает его появление при наличии значительного в последнее время числа трудов по истории литературы хинди. В отличие от трудов предшествующих историков литературы, автор не собирается давать анализа творчества отдельных авторов; его задача характеризовать главнейшие особенности различных периодов развития литературы хинди в целом.

Таким образом Hindī Sāhitya Шьям Сундар Даса весьма значительно отличается от всех предшествующих трудов по истории литературы хинди тем, что автор систематически рассматривает весь длительный процесс развития литературы как историю идей и форм, вытекающих из исторически данных политических, социальных и религиозных условий, в которых развивалась центральная часть северной Индии. Автор не ставит вопроса о тех факторах, которые обусловливают появление надстроечных институтов; ни слова не говорит о способах производства и экономике в соответствующие периоды. Помимо идеологических установок автора, это в значительной мере обусловливается и плохой разработанностью вопросов экономики Индии в добританский период.

В соответствии с установившейся традицией Çyām Sundar Dās различает те же четыре периода в развитии литературы хинди, что указаны у Rāmacandra Çukla, Vīrgāthā kā yug, Bhakti kā yug, Rītigranthoṅ kā yug и Navīn Vikās kā yug. Детальному рассмотрению процесса литературного развития в каждом из названных периодов автор предпосылает краткий обзор всей литературной традиции в целом, рассматривая политические (Rājnītik), социальные (Sāmājik)

и религиозные (Dhārmik) причины, обусловившие образование идей, отражающихся в различные периоды развития литературы хинди.

Рассмотрение литературных явлений в рамках каждого периода исполнено по тому же методу: автор более конкретно говорит о политическом, социальном и религиозном состоянии северной Индии, выясняет, какие идеи должны были возникнуть в каждом периоде развития различных классов индийского общества и иллюстрирует свои выводы идеями различных авторов. При рассмотрении произведений отдельных авторов он лишь вкратце останавливается на биографических данных и содержании произведений, предполагая их уже известными. Он подробно говорит об идеологической стороне их произведений, делая акцент на характеристике литературных форм, на особенностях языка и стиля, а также на значении рассматриваемых произведений в развитии индийской общественности.

Весьма интересно подчеркнуть, что Шьям Сундар Дас, в отличие от других авторов, вполне основательно считает наиболее оригинальной эпохой развития литературы хинди эпоху господства в литературе мелкой буржуазии (1400—1700 Викрамадитьи), выступившей с идеями социального равенства, отрицания каст и религиозной узости и косности. Весьма ярко освещает автор как общественные движения среди ремесленников и мелкой буржуазии, так и созданную ими литературу, которая имела огромное значение в процессе классового расслоения и развития сектантства, порвавшего с правоверным индуизмом.

Свое рассмотрение автор доводит до наших дней и дает картину современных литературных движений.

В высшей степени оригинальным является то, что рассмотрение процесса развития литературы хинди у Шьям Сундар Даса дается на базе краткой истории развития различных искусств — архитектуры, скульптуры, живописи и музыки. Насколько мне известно, это есть первая попытка увязать историю литературы хинди с историей других искусств. Конечно, автор смог дать только краткую канву истории развития этих искусств, так как эти области исследованы очень слабо, но сама эта попытка представляет большой интерес, тем более, что выводы, которые получаются от рассмотрения истории архитектуры, скульптуры, живописи и музыки очень ярко подчеркивают своеобразие идей и особенно же своеобразие литературных форм в пределах соответствующих периодов.

В книге Çyām Sundar Dāsa имеется 44 фототипии, где даются образцы наиболее интересных по своему стилю архитектурных сооружений, скульптур, живописи, а также портретов важнейших деятелей литературы с древнейших времен вплоть до современности.

«Язык и литература хинди» Шьям Сундар Даса представляет весьма значительный интерес, как попытка синтезировать всю работу по истории литературы хинди. По мысли автора, каждый, приступающий к чтению его труда, должен быть знаком с трудами общего характера предшествующих авторов, делающих главный упор на рассмотрение отдельных поэтов и их произведений. Такой переход от работ более ранних историков литературы хинди к труду Шьям Сундар Даса в полной мере выявляет большую самостоятельность автора, его большую способность к синтезу, замечательную эрудицию и большое искусство в овладении обширным материалом, а также большую оригинальность как построения труда в целом, так и его

отдельных частей и, вместе с тем, его полную беспомощность в социальном анализе рассматриваемых им явлений.

А. Баранников.

Ram Babu Saksena. A History of Urdu Literature, Allahabad, 1927, Ram Narain Lal, Publisher and Bookseller, 5 rupees, стр. IV + II + 378.

Рецензия на книгу Ram Bàbu Saksena появляется с значительным опозданием, так как книга получена в Ленинграде несколько лет тому назад. Я считаю все же не лишним сказать о ней несколько слов по трем основаниям. Во-первых, для полноты картины изучения литературы хиндустани (т. е. урду и хинди) в последние годы, так как указание на новый труд по литературе урду дополняет сказанное об изучении литературы индуистской формы хиндустани (хинди); во-вторых, эта книга до сих пор печатно у нас нигде не называлась и, наконец, в третьих, в некоторых кругах факт малого знакомства с ней переоценивается, в результате чего целые главы этой работы, переведенные почти без всяких изменений, появляются под другим именем. Такова, между прочим, статья проф. Эс-Хабиб Вафы «Драма Хиндустани».[1]

Как указывает Ram Babu Saksena в предисловии, целью его труда является дать «очерк развития литературы урду с древнейших времен до наших дней с биографическими данными об авторах и критическим рассмотрением их трудов с описанием важнейших из них». Там же автор отмечает, что он избрал в качестве образца труд B. Saintsbury «A Short History of English Literature». Из последнего замечания явствует, что в методологическом отношении книга Ram Babu Saksena не представляет ничего оригинального и является только подражанием (не всегда удачным) ходовым очеркам по истории английской литературы и разделяет их достоинства и недостатки.

Книга распадается на 19 глав: I. Язык и его происхождение; II. Общий обзор литературы урду; III Общая характеристика поэзии урду; IV. Деканская школа ранних поэтов урду; V—VII. Делийская школа поэтов урду; VIII. Лукновская школа поэтов урду; IX. Лукновский двор и его поэты; X. Элегия и элегисты; XI. Поэты, стоящие особняком; XII. Делийский двор и его поэты; XIII. Рампурский и Хайдарабадский двор; XIV. Новое движение в поэзии урду; XV. Проза урду, ее зарождение и рост; XVI. Проза урду: век Галиба и Саид Ахмеда; XVII. Проза урду — развитие новеллы на урду; XVIII Драма урду; XIX. Развитие и достижение литературы урду.

Уже самый перечень показывает, что в последовательности рассмотрения материала нет едзного принципа, так как переплетаются хронологический, локальный и формальный моменты. Фактически настоящий труд мало чем отличается от классического труда проф. Азада[1] с тем невыгодным для автора отличием, что у него совершенно отсутствует иллюстративный материал не только в оригинале, но даже и в переводной форме. Особенно бросается в глаза эта близость в первой части труда (стр. 1—204), трактующей о поэтах старой школы вплоть до революции 1857 г. Хотя автор и говорит, что его книга «is not merely storehouse of facts but stress has also been laid on ideas and tendencies that dominated the

---

[1] Эс Хабиб Вафа. Драма Хиндустани. Вестник иностранной литературы. № 3, за 1929 г.

[1] محمد حسین صاحب آزاد آبِ حیات

age» (Preface.), все же устремление главного внимания на биографические данные, включение в состав рассмотрения всех авторов, когда-либо писавших на урду что бы то ни было, с сообщением мелких подробностей, приближает труд Ram Babu Saksena к тазкирам. Отличие от них заключается в большей критичности и в исключении материала, который в тазкирах имел чисто развлекательный характер. Историческая обстановка, в которой протекала поэтическая деятельность различных авторов, почти совершенно не представлена, благодаря чему труд Ram Babu Saksena носит абстрактно-формальный характер.

Вторая часть труда (стр. 205—374), для которой автор имел мало предшественников, сохраняет тот же характер. Отсутствие подготовительной работы сказывается в том, что суждения автора часто более субъективны. Кроме того, эта часть страдает большими длиннотами, причем расширение объема получается не вследствие углубленного изучения хронологически более близких авторов, а вследствие расширения биографических данных и суждений автора о характере и личных достоинствах и недостатках поэтов и писателей. Лучше всего изложен отдел о драме хиндустани, известный на русском языке под мнимым «авторством» проф. Эс Хабиба Вафа. Свое обещание — дать очерк литературы урду с древнейших времен до наших дней — автор не выполняет, так как деятели литературы первых десятилетий двадцатого века только названы. Анализ их литературных произведений автор обещает дать в отдельном труде в ближайшие годы. Это обещание, насколько мне известно, остается не выполненным.

Весьма ценной является последняя глава, где автор вкратце суммирует достижения литературы урду, останавливаясь как на переводной, так и на оригинальной литературе. Очень интересен вывод автора, отмечающий сближение двух ветвей литературы хиндустани, т. е. литературы хинди и литературы урду. Это сближение, протекающее на основе сближения и осознания общих интересов различных группировок новой индийской буржуазии, проявляется не только в тематике и идеологии, в усвоении новых литературных форм и жанров (в частности прозаических форм), но и в языке, который в сильной степени освобождается от персидских элементов, делает еще более неопределенной ту грань, которая существует между литературным урду и литературным хинди.

Другой вывод, отмечаемый автором, падение техники слова и снижение литературного мастерства, столь высокого в прошлом и понизившегося под давлением британского капитала, что наблюдается во всех областях техники в Индии.

По заявлению Ram Babu Saksena рассматриваемая книга написана им затем, чтобы пробудить интерес и привлечь творческие силы для работы в области литературы урду, которой отводится важнейшая роль в деле развития национального движения. Характерно, что такая книга пишется на английском языке. Из журнала اردو Urdu мы знаем, что через несколько лет этот труд появился в расширенном и переработанном виде и на урду, но, к сожалению, этот перевод в Ленинграде не получен.

А. Баранников.

Indian Linguistics. Bulletin of the Linguistic Society of India. Vol. I, P. I, II—IV, Lahore, 1931.

Проникновение в Европу идей старой классической индийской лингвистики имело исключительное значение для раз-

вития европейского языковедения, особенно фонетики, морфологии и словообразования. Эпигоны классической школы в Индии в течение многих веков довольствовались переработкой и комментированием труда Панини и других авторов. Экономический упадок Индии, связанный с утверждением британской власти, самым жестоким образом сказался на индийской лингвистике, которая постепенно пришла в полный упадок. Только с основанием университетов (которых в настоящее время в Индии 18, и из них 15 основаны в XX столетии) делаются серьезные попытки противостоять этому упадку. Первоначально вся индийская лингвистика в старых индийских университетах была представлена санскритом, преподавание которого находилось в руках пандитов старой школы. Включение в XX в. в университетские учебные планы новоиндийских языков сопровождалось большим повышением интереса к проблемам новоиндийской филологии вообще и к проблемам лингвистики в частности. Совершенно понятно, что первые специалисты в этой области оказались в большом затруднении из-за полной неразработанности проблем новоиндийской лингвистики на местной почве и несоответствия принципов классической лингвистики потребностям изучения новых языков. Классическая лингвистика не только не дала метода, пригодного для изучения новых языков, но даже не имела важных элементов терминологии для новых языков явлений, так как, совершенно понятно, развитие европейской лингвистики, с достижениями которой современные индийские лингвисты должны были считаться, не находило в ней отражения и так как морфология и структура новоиндийских языков принципиально отлична от структуры санскрита. В силу этого индийские лингвисты конца XIX в. и начала XX в. часто весьма беспомощны и зачастую довольно слепо и некритично повторяют готовые выводы и положения европейских лингвистов, особенно Beames'а, R. Hoernle и G. Grierson'а.

С подъемом в кругах индийской буржуазии национального движения и в лингвистике делаются попытки к некоторой самостоятельности, к освобождению от покоряющего авторитета британских и вообще европейских ученых. Ряд индийских ученых проходит не только английскую школу, но весьма усердно изучает проблемы лингвистики в Германии и Франции, а также знакомится с трудами русских лингвистов. В результате этой работы являются труды индийских лингвистов, которые стоят вполне на уровне современных европейских лингвистических знаний. Таков, например, труд Suniti Kumar Chatterji, посвященный истории бенгальского языка.[1] Труд S. K. Chatterji страдает большими длиннотами, некоторой энциклопедичностью и нагромождением огромного количества материала, благодаря чему зачастую ослабляется интерес к нему, тем не менее он является первой крупной работой, в которой реализованы европейские методы обработки лингвистических фактов. Наряду с S. K. Chatterji в Индии в последнее десятилетие выступает целый ряд крупных ученых, специалистов по многочисленным языкам современной Индии.[2]

Эти специалисты до последнего времени работали изолированно, их лингвистические работы публиковались либо в обще-университетских органах соот-

---

[1] Suniti Kumar Chatterji. The Origin and Development of the Bengali Language. In two Parts, Calcutta. University Press, 1926.

[2] Linguistic Society of India насчитывает 723 различных языков и диалектов.

ветствующих университетов, либо в различных журналах смешанного характера. Проблема объединения всех крупнейших индийских лингвистов и координации их работ, осознававшаяся весьма остро, нашла свою реализацию в основании «Индийского лингвистического общества» («Linguistic Society of India»), первое общее собрание которого состоялось в Лагоре в 1928 г. Задачи Общества изложены в речи его первого председателя, проф. Калькутского университета Dr. Taraporewala. Они таковы: 1) Популяризация лингвистических знаний в среде индийской интеллигенции и студенчества при помощи лекций и популярных статей. Интересен один из мотивов, по которым Taraporewala считает необходимой такую популяризацию: «In these days when political sensibilities are strung so extremely high, even linguistic science tends to become political... Even in political circles we hear today the talk of „linguistic provinces" for India and I believe that the surest way of tackling the Hindu-Moslem problem is through a clear understanding of Hindi and Urdu idiom». 2) Объединение специалистов по разным языкам для постановки общих проблем, прослеживаемых на материалах этих языков. 3) Принятие общей транскрипции, опирающейся на международную. 4) Выработка общей лингвистической терминологии, поскольку ни терминология Панини, ни европейская терминология не могут быть признаны удовлетворительными в применении к современным языкам. 5) Создание серии грамматик, отвечающих требованиям современной лингвистической науки. 6) Издание печатного органа Общества.

Орган общества носит название «Indian Linguistics. Bulletin of the Linguistic Society of India». В Ленинграде получен пока только I том (PP. I—VI) за 1931 г.

В первом томе дано девять статей, большинство которых довольно значительного размера. В содержании этого тома положено начало реализации одной из задач общества — продолжить начатую G. Grierson'ом работу по изучению диалектологии Индии, благодаря чему в этом томе дается очень много нового и интересного материала. Только три статьи посвящены старым традиционным темам, разрабатываемым на новом материале. Таковы — статьи S. K. Chatterji о рефлексах старых аспират в новоиндийских языках, L. V. Ramaswami Aiyer'а о коренном ul в дравидийских языках, Duni Chandra о начальном mh в арийских языках.

Вся остальная часть тома посвящена вопросам диалектологии, локальной и социальной. Первая из них принадлежит Siddheshwar Varma и трактует вопрос о среднем роде в диалекте Bhadarwah'а (Neuter Gender in Bhadarwahī), одного из химаиайских округов. Siddheshwar Varma сообщает, что категория среднего рода, которая до последнего времени считалась исчезнувшей в новоиндийских языках, за исключением только двух из них — маратхи и гуджерати, сохранилась также в диалекте Bhadarwah'а. Приводимый автором материал с полной убедительностью свидетельствует о том, что категория эта в рассматриваемом диалекте вполне жизненна во всех категориях форм — именных и глагольных.[1]

Gauri Shankar в своей статье «A Short Sketch of Dogri Dialect» дает краткий очерк одного из северопанджабских диалектов — dogrī. В этом диалекте наблюдается целый ряд интересных явлений, не зафиксированных в «Linguistic

[1] Bulletin of the Linguistic Society of India, Vol. I, p. 1, стр. 7—8.

Survey of India». К грамматическому очерку приложена небольшая фонетическая запись этого диалекта и словарь.

Следующая статья — S. K. Chatterji «Calcutta Hindustani. A Study of a Jargon Dialect» представляет большой интерес как вследствие большого мастерства автора, так и полной для Индии новизне сюжета — исследования социального диалекта — жаргона калькутских кули, стекающихся в Калькутту чуть ли не изо всех провинций Индии, особенно ее северной части. Жаргон калькутских кули поражает исключительной простотой своего грамматического строя, если его сравнить со строем стандартной формы хиндустани. Из отдельных явлений особенно обращает на себя внимание полная утрата категории грамматического рода, меж тем как в литературной форме хиндустани это явление только намечается, да и то очень слабо. Равным образом в жаргоне хиндустани почти утрачена категория числа, по крайней мере для большинства форм. Обычно в значении форм обоих чисел употребляются формы единственного числа, и хотя формы множественного числа также наблюдаются, но они употребляются очень редко и сознаются разновидностями форм единственного числа. В области имен прямые формы обычно употребляются и в значении основ косвенных форм. В области местоимений формы main «я» и tu «ты» почти совсем исчезли из употребления и вместо них употребляются ham «мы» и tum «вы», которые, независимо от их значения, употребляются с глагольными формами единственного числа. Даже формы множественного числа, образованные при помощи log «люди, народ», употребляются со сказуемым в единственном числе, напр. uo log āp aegā «они сами придут». Особенно сжата система глагольных форм. Как указано, формы множественного числа почти отсутствуют. Весьма редко употребляются формы Conjunctiv'а и Passiv'а, отсутствуют безличные конструкции. Формы, мало употребительные в литературном хиндустани, в жаргоне исчезли совершенно. Различие между спряжением переходных и непереходных глаголов, составляющее одну из характернейших особенностей морфологии и синтаксиса хиндустани, здесь полностью утрачено. Равным образом словарь и фразеологический материал хиндустани в жаргоне сведен к самому минимуму. В отношении простоты грамматического строя жаргон таким образом стоит впереди всех известных диалектов и языков Индии. Можно думать, что этот жаргон распространен не только в Калькутте, но и в других городах северной Индии, и мы имеем в его виде особого рода классовую форму хиндустани, простота которой обеспечивает ей возможность широкого распространения среди кули, являющихся на заработки из различных провинций.

Baburam Saksena в статье «Speech» дает образец диалекта, употребляющегося на границе Ауда и Непала. К фонетической записи диалекта приложен перевод на английский язык и небольшие грамматические заметки.

Siddheshwar Varma в статье «Burushaskī Taxts» дает небольшие фонетические записи на двух диалектах Hunza и Nāgarī. Записи сопровождаются небольшим грамматическим очерком.

А. Баранников.

Очередное публикование текстов из Дуньхуанских коллекций.

О богатстве и неслыханном доселе разнообразии открытых экспедициями

Стайна и Пэллио Дуньхуанских коллекций известно далеко не одним только китаистам.[1] Важно, однако, отмечать поступательное и очередное публикование дальнейших материалов этих коллекций, которые, как известно, рассеяны сейчас по всему миру[2] и понемногу появляются на свет, как в виде неизданных копий,[3] так и в обработанном виде.[4] К числу первых надо отнести очередное издание копий некоторых рукописей, сделанное пекинским профессором китайской фонетики и грамматики вообще, Лю Фу,[5] под суммарным титулом, соответствующим, в общем, случайному же содержанию: «Собрание мелких[1] Дуньхуанских неопубликованных материалов» (Дуньхуан до со).[2]

Это содержание самим составителем сборника делится на три большие группы с подотделами. В первую входят произведения изящной словесности, суммарно отнесенные к «мелким вещам» (сяо шо), как, например, оды — фу, песни — гэ, разные — вэнь, цзи, лунь и другие литературные жанры, с трудом переводимые на соответственные русские термины. Далее, к той же группе отнесены «сборные» (цзавень): сказки, притчи и пр.; далее — мелкие вокальные пьесы; далее — стихотворения, среди которых исторические, буддийские, и особенно интересные «простые» (байхуа ши), написанные без литературной вычурности и классических цитат;[3] далее — мелкие «трактаты» (ишу): прославления, проповеди,[4] репертуары танцев и др. Во вторую часть (чжун цзи) должны входить планы и контракты на дома и поля, всякие другие

1 Так, знаменитый отныне по своему содержанию, а также по исключительной — можно сказать, классической — научной обработке, манихейский трактат (Un traité manichéen retrouvé en Chine, traduit et annoté par E. Chavannes et P. Pelliot) является уже достоянием всех изучающих Восток, и трудно представить себе ориенталиста, который мог бы пройти мимо этого текста и этого произведения.

2 Лучше всего по количеству и по значительности эти коллекции представлены в Парижской Национальной библиотеке (Fonds Pelliot); далее — в Лондоне и у нас в Ленинграде. В самом Китае Бэйпинская Национальная библиотека обладает, повидимому, лишь буддийскими сочинениями, и то в небольшом количестве (80 цз). Впрочем, много отдельных рукописей рассеяно по частным рукам в Китае и регистрации пока не поддается.

3 Таковы многочисленные репродукции, сделанные под наблюдением выдающегося китайского археолога Ло Чжэньюя с оригиналов, хранящихся в Парижской Национальной библиотеке. Часть их была своевременно приобретена для Азиатского музея.

4 Не перечисляя их здесь полностью, также укажу на представителей двух типов исследования: одно — для китаистов (Le Chou king en caractères anciens et le Chang Chou che wen, par Paul Pelliot, опубликованный в Mémoires concernant l'Asie Orientale ... t. II) и составило эпоху, разрешив давний спор китайцев о тексте Шуцзина уверенным и надежным путем; другое — для гораздо более широких ориенталистских кругов (Sûtra des causes et des effets du bien et du mal, par. P. Pelliot et R. Gauthiot), оценивших этот научный шедевр полностью.

5 Профессор Лю получил высшее образование и докторскую степень в Париже. Ему принадлежит первое после классических трудов проф. Карлгрена исследование о китайских тонах, и далее: китайская грамматика, построенная на лингвистических началах, и общие очерки, соединенные с пропагандой так называемого китайского национального языка. Он выступает также, как поэт.

1 Собиратель рекомендует, между прочим, не придираться к этому слову *со* и не придавать ему традиционно-одиозного значения, ибо мелкие по размерам вещи могут быть крупными по научному значению и наоборот.

2 Это отдельное издание № 2 Историко-филологического отделения Китайской академии (Голи Чжунъян, Яньцзююань, Лиши Юйянь яньцзюсо), вышедшее, повидимому, не ранее 1930 г., хотя даты обоих предисловий (самого проф. Лю Фу и президента Китайской академии, профессора Цай Юаньпэя) помечены 1925 г. Рецензия (вернее информация) об этом издании помещена в Bulletin of the National Library of Peiping, V), (Голи Бэйпин Тушугуань гуань кань) в отделе новых книг. (Синь шу цзешао).

3 Этого рода «простые» стихотворения, как известно, привлекают со времени литературной революции (1916 и сл. гг.) всеобщее внимание Издаются антологии таких стихотворений (Лидай байхуа ши сюань), впервые без всяких комментариев. Однако, мой преподавательский опыт говорит, что эти «простые» вещи, не требуя, может быть (в чем, между прочим, сомневаюсь), комментариев для китайского учащегося, требуют для учащегося иностранца комментарий в том же размере, как и традиционные антологии.

4 Например, о неубивании коров, о делании добра, о буддийском спасении и т. д.

контракты и условия,[1] тяжебные дела и документы,[2] административно-судебные процессы в делах правителей,[3] брачные документы (образцы их), тексты школьного обучения,[4] религиозные и вотивные условия,[5] календари,[6] гадательные и апотропаические тексты;[7] каталог буддийских книг, письма, адрес усопшему и прочие разные тексты (цза вэнь). В последней части сосредоточены тексты, имеющие лингвистическое значение: словари рифмовых групп и иероглифические.

Таким образом, выбор «мелких» вещей (их всего 104) понятен: разнообразие и современный интерес к их содержанию. К этому надо прибавить собственное признание составителя: «Я хотя и не синолог, и таковым быть не собираюсь, но, видя, как приятели мои синологи стараются, я хотел им, как опытным инженерам, как бы добыть железную руду». Цай Юань пэй, в такт с составителем, думает, что эти материалы послужат и для критики старых текстов, и для истории иероглифики. Кроме того, в них большая социальная современная картина и, что также чрезвычайно важно, памятники народной обиходной литературы. Все это для старой китайской науки было неприемлемо, все это было для нее нестоющей мелочью. Переоценивая наново литературные ценности в общенаучном масштабе, «мы — говорит проф. Лю — изучаем литературу не по отзвукам старой; изучаем иероглифику без фетишизма ее квази-изобретателей из китайской древности, язык — вне ненаучных нащупываний в древнем узком цикле, народную песню и старину — вне всякой метафизики и чертовщины, историю — без дневников давно умерших царей, а тем паче, без всякого суеверного обожания монархов, тасканья за собой кос и реставраторской агитации. Короче говоря, мы в своей новой науке синологии руководимся только фактом и реальностью, желая подойти с ними к каждой стороне жизни китайского народа и внимательно проследить основные линии его культуры».

Таким образом, старый Дуньхуанский фонд использован с новыми целями и для новых тем.

Остается лишь пожелать, чтобы эти ясно поставленные цели были достигнуты, и твердо надеяться, особенно зная китайскую продукцию настоящего времени, что это так и будет. Кроме того, эти тексты дадут нам в Ленинграде не мало поучительных аналогий при разборе наших Дуньхуанских и иных собраний.

Однако, все такие частичные публикования имеют среди всех других невыгодных для них свойств еще способность быстро исчезать с рынка. Пора подумать уже о полном тексте всего Дуньхуанского «наследия», и на этот раз не ручною копией (как у проф. Лю Фу), а фототипическими процессами (например, по типу серий Сы бу цункань). Придется для этого, вероятно, подождать, пока «Коммерческая пресса» в Шанхае не оправится окончательно от разрушений и не приступит к продолжению своей исторической культурной роли, на которую, повидимому, никакие другие издательства не способны. Судя по всему, ждать уже не долго.

В. Алексеев.

[1] О займе шелка, зерна, верблюдов; залоге самого себя; о дележах братьев, о покупке дома, о розысках...

[2] О разделе земель и домов, о взыскании долгов, о наказании непослушного сына... (заглавия даны собирателем по тексту дела).

[3] О податях по Дуньхуанскому уезду, ревизская сказка 750 г., дела, решенные правителем, доклад о поимке вора, о падеже верблюдов и т. д.

[4] Начальные тексты (кай мын яо сюнь) счет (суань-цзин), письмовники...

[5] Пожертвования на храмовой колокол, на переписку священных текстов, на молебны...

[6] Календари 292 и 926 гг.

[7] О счастливых и несчастливых днях и случаях, сонник, гороскоп, заклинательные формулы для дома и семьи...

W. Bang und G. R. Rachmati. Die Legende von Oghuz Qaghan. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist, Klasse. 1932, XXV, Berlin, 1932, 44 стр.

Paul Pelliot. Sur la légende d'Uγuz-Khan en écriture ouigoure. T'oung Pao, XXVII, 1930, стр. 247—358.

Хорошо известный памятник старой тюркской литературы — легенда об Огуз-хане, по справедливому замечанию ак. Pelliot (стр. 248), представляет собой, несмотря на всё достигнутое в области его изучения, много загадочного. Недавно выпущенное Риза Нур'ом новое издание этого произведения, послужившее предметом статьи акад. Pelliot, не рассеивает всех недоумений, которые неизбежно возникали перед исследователями. Невыясненным остается, например, правильное чтение имени Огуз-хана. Акад. Pelliot предпочитает чтение с огласовкой «у», т. е. *Uγuz* и на стр. 257 приводит свои соображения относительно связи этого имени с племенным названием *toquz oγuz* «девять огузских племен», а также со словом *uγuz* «молозиво». Согласно приведенным им соображениям следует отдать предпочтение чтению *uγuz* и в отношении племенного названия. Трудно решить, конечно, насколько такая связь действительно имеется, и с этой точки зрения нам кажется более приемлемым мнение проф. Bang'a, когда в попытках связать имя *Oγuz qaγan* с *uγuz* «молозиво» он видит народную этимологию (стр. 1). Проф. Bang решительно высказывается за сохранение чтения *oγuz*, а не *uγuz*. В подстрочном примечании к стр. 257 акад. Pelliot совершенно справедливо высказывается против попытки объяснить племенное имя *toquz oγuz* как «девять *oγuz* = стрел», т. е. племен. Акад. Pelliot прав, когда он не находит никаких причин связывать *oγuz* с *oq* «стрела». По этому поводу позволим себе упомянуть опущенную им в этом примечании статью L. Ligeti. Die Herkunft des Volksnamens Kirgis (Körösi Csoma Archivum, I Bd., стр. 382), где он высказывает мнение, будто *oγuz* является формой множественного числа на *-z* от *oq* «стрела». Против его мнения можно было бы привести в качестве возражения тот факт, что в языке орхонских надписей согласные между гласными не озвончаются, что, следовательно, *oq* и *uz* дало бы там *oquz*, а не *oγuz*. С другой стороны, во многих современных тюркских языках исчезающим является лишь *γ*, а не *q*, напр. *uγuz* — *ūz* «молозиво». Если бы *oγuz* восходило к *oquz*, дав потом *uz*, то *toquz* «девять» тоже дало бы *tuz*, чего, однако, нет. Что форма *uz* < *oγuz* существовала, доказывает приводимое в этой именно форме название огузов у J. Marquart'a (см. Über das Volkstum der Komanen, стр. 55).

Как акад. Pelliot, так и проф. Bang тщательно разбирают многочисленные формы, засвидетельствованные в этом тексте, среди которых есть много интересных. К таким принадлежит, напр. *čïraγï* «его лицо» (Bang, стр. 26; Pelliot, стр. 251). Акад. Pelliot на наш взгляд правильно объясняет появление *γ* в этой форме и отвергает перевод «лампа». В качестве дополнения приведем форму جيراغى «его лицо», встречающуюся в словаре Мукаддимат ул-Адаб Замахшари. Что же касается объяснения акад. Pelliot формы *suvï* «его вода», где *v* по его мнению тоже появилось в качестве вторичного элемента, выделенного в положении между ним и *ï* (стр. 313), то в виду орхонской формы *sub* (ср. *suγ* и т. п. в ряде языков Сибири) оно представляется спорным. Вместо предлагаемого объяснения *suvï* < *su-v-ï* здесь возможно *suvï* < *suv-ï* < *sub-ï*.

В обеих обсуждаемых работах разбирается множество слов невыясненного происхождения, и естественно, что при таких обстоятельствах в них часто нет единого взгляда на них. Так, напр., слово «левый» акад. Pelliot читает *ǰöng*, считая его, может быть, монгольским заимствованием, в то время как проф. Bang его читает *čong* с тем же значением. Таким образом, обе статьи взаимно дополняют друг друга, доказывая с другой стороны, что многие вопросы, затронутые в них, и теперь еще не могут считаться разрешенными окончательно. Хотя работа акад. Pelliot по объему значительно превышает статью проф. Bang'а, они друг другу не уступают по той причине, что в статье проф. Bang'а затронуты самые главные и действительно спорные места, в то время, как акад. Pelliot с одинаковым вниманием отнесся и к разным деталям, не представляющим собою чего-либо особенного или трудного.

Н. Поппе.

P. Schmidt. Chinesische Elemente im Mandschu. Asia Major, vol. VII, fasc. 4, стр. 573—628; vol. VIII, fasc. 3, стр. 233—436.

Несмотря на то, что манчжурский язык принадлежит к разряду тех восточных языков, которые начали изучаться европейцами, когда те еще только впервые столкнулись с Дальним Востоком, он все же принадлежит к наименее подвергшимся исследованию со стороны лингвистов. Отношения манчжурского языка к другим изучались лишь очень немногими. Так, напр., одной из наиболее ранних работ в области сравнительного изучения манчжурского и других языков является статья P. Schmidt'а, Der Lautwandel im Mandschu und Mongolischen. (Peking Oriental Society Journal, vol. IV, Peking, 1898).

Впоследствии к ней прибавилась большая статья Г. Д. Санжеева «Манчжуро-монгольские языковые параллели» (Изв. Акад. Наук СССР по ОГН, 1930, стр. 601—626, 673—708) и W. Bang'а, Türkisches Lehngut im Mandschurischen (Ungarische Jahrbücher, IV, S. 15—19). Помимо этого данные манчжурского языка посильно привлекались авторами различных исследований монгольских и тунгусских языков. Специально манчжурским языком, с точки зрения исторической грамматики, занимались очень мало. Совершенно не занимались в частности вопросом о китайских элементах в манчжурском языке.

Манчжуры настолько давно пришли в тесное соприкосновение с китайской культурой и китайской языковой стихией, что в язык их проникло весьма значительное количество китайских элементов. Факт этот общеизвестен, тем не менее до сих пор никто не дал себе труда систематизировать этот материал и сделать какие-нибудь выводы из него. Почин в этом деле принадлежит проф. Schmidt'у, и это является уже несомненной заслугой.

В вводной части своей интересной работы автор снова возвращается к неоднократно обсуждавшемуся вопросу о взаимных отношениях так называемых алтайских языков. Устанавливая много общих для них черт, автор воздерживается пока от окончательного суждения о том, является ли родство их праязыковым или благоприобретенным в процессе взаимодействий (стр. 574). Автор все же делает на наш взгляд излишний упор на то, что большинство слов, общих для монгольских, тюркских и манжчуро-тунгусских языков, представляет собою заимствования. Поскольку языки эти, как

можно думать теперь, стали «родственными» друг другу лишь с течением времени и от несходства пришли к большой близости, неизбежным является, что словарный запас их в большинстве случаев представляет собою своего рода перекрестные заимствования, правда, не в том смысле, в каком заимствования обычно противопоставляются «праязыковому» «исконному» запасу слов. Вернее всего во многих случаях мы имеем даже не заимствования, но слова, возникшие в процессе экономического и культурного сотрудничества племен, легших в основу будущих монгольских, тюркских и т. п. народностей.

Перечисляя специфические особенности так называемых алтайских языков, автор несколько излишне подчеркивает фонетические особенности их. Так, напр., наличие или отсутствие тех или иных звуков на наш взгляд не является серьезным критерием. В частности можем рассеять сомнения автора (стр. 575) относительно того, имеются ли в тунгусских языках велярные согласные: на месте тюркских *q* и *k* мы имеем только *k*, но зато имеется *γ* и *g*. Правда, *γ* и *g* здесь функционируют иначе, чем в тюркских языках, поскольку *γ* наблюдается лишь в середине и в конце слов (даже с передним вокализмом). Гораздо существеннее, чем наличие или отсутствие тех или иных согласных, — особенности морфологии. Так, напр., мы считаем чрезвычайно характерной чертой тунгусских и монгольских языков наличие лично- и возвратно-притяжательных суффиксов, из которых вторые отсутствуют в тюркских и в так называемых уральских языках. Далее, существенным является в этих же языках наличие включительного и исключительного местоимения 1-го лица множественного числа и в особенности так называемое «двойное склонение». Наконец, характерным является несовпадение номинатива многих личных местоимений с основой склонения и т. д. Автор совершенно прав, когда он полагает, что связь между манчжурским, тунгусскими и монгольскими языками более тесная, чем монгольских с тюркскими (стр. 576). Вышеприведенные нами факты полностью подтверждают это.

Говоря о делении алтайских языков и об их классификации (стр. 576), автор прав, когда отрицает принадлежность дагурского языка к манчжуро-тунгусской группе. Он, однако, ошибается, когда считает дагурский язык близко стоящим к бурятскому. В настоящее время можно считать окончательно доказанным тот факт, что дагурский язык представляет собою очень архаичный монгольский язык, ближе всего стоящий к монгольским языкам XIII—XIV ст., по которым дошли до нас различные памятники.

Все еще не выясненным оставался до самого последнего времени вопрос о фонетическом значении написаний знаками манчжурского алфавита. Автор вносит ясность и в этот вопрос. В частности он правильно передает манчжурское *иwе* через *иӧ*: точнее это даже *ӧ̄*, типа монгольского в слове халх. *вӧ̄* (ḃöö) 'шаман'.

В ряде частных вопросов автор неправ. Большая часть его промахов относится к устанавливаемым им этимологиям и сопоставлениям манчжурских форм с таковыми других языков. Так, напр., более старой формой для монг. *mongγol*, вопреки автору, является *mongγal*, а не *monγul* (стр. 580). Слова монг. *dotur* 'внутренность' и *dumda* 'середина' не имеют ничего общего между собою и корни их разные, между тем как автор склонен их возводить к одному корню (стр. 580). Автор полагает (там же), что

в манчжурском языке произошло озвончение *x*, в положении между гласными давшего *g*, напр., *salixan* > *saliγan*. Наряду с этим он. устанавливает случаи, в которых, наоборот, появилось оглушение этого *g*. В этом он безусловно прав: в монгольских языках произошло совершенно то же самое, ср. бурятск. *doxŏlxŏ* 'хромать' < *doγol-* и т. д. В частности, в монгольских языках XIII—XIV ст. *γ* в случаях, когда он между гласными сохраняется, часто дает *q*, напр. *ayaqa* 'чашка' и т. п. Некоторые относящиеся сюда примеры, из числа приводимых автором, все же неверны: монг. *čaγan* 'белый' и *gegen* 'ясный' не восходят к формам с **ŋ*. Далее, нужно исправить еще одно недоразумение: теленгитское слово *noŋon* 'зеленый' обнаруживает вторичный *ŋ*, и слово это несомненно монгольского происхождения < *noγōn*. Монгольский суффикс *-γan* (ср. *tarbaγan* и т. п.) не восходит к *-qan*, что же касается того, что *γ* здесь не исчез, то таких случаев очень много: ср. бурятск. *xur'ïγăn* 'палец' = халх. *xurū* и т. п.

Неправильно также сопоставление монг. *čikin* 'ухо' и манчж. *šan* 'ухо'. Слова эти совершенно различные и не сводимы. На недоразумении основано устанавливаемое автором соответствие ольча *p* = тюркск. *p* в начале слова, в доказательство чего приводится уйгурск. *paγïr* 'печень' = ольча *pa* (стр. 584). По этому поводу следует заметить, что уйгурский язык в начале слова не имел *p* и что форма *paγïr* является просто неверно транскрибированной Радловым, который каждый *b* уйгурского языка в начале слова транскрибировал как *p*, подгоняя такие формы под фонетику алтайского (ойротского) и теленгитского языков. Что касается монгольского *b*, соответствующего манчжурскому *f* в середине слова, то автор ошибается, когда полагает, что монгольский *b* развился из *p* (стр. 585). На самом деле здесь отношение обратное и манчжурский *f* развился из *b*. Интересно наблюдение автора над переходом *d*(*t*) в *r*. К приводимым автором примерам (стр. 591) можно прибавить еще тот факт, что в солонском и в дагурском каждый закрывающий слог согласный стремится превратиться в *r*, напр., даг. *xodïr* 'колодец' и т. п. С другой стороны, в солонском наблюдается последовательная ассимиляция двух соседних согласных, напр., *gappa-* 'стрелять' < *garpa-* и т. д.

Приводятся многочисленные примеры чередований *l* и *r* (стр. 589). Повидимому, это явление того же порядка, что в корейском, где есть фонема *r*/*l*, реализующаяся в зависимости от условий по-разному.

Автор склонен считать обычай обозначать старшего и младшего брата различными словами заимствованными у китайцев (стр. 592). Между тем классификационная система родства является ведь одной из наиболее характерных особенностей так называемых алтайских народов. Автор неверно возводит титул *xaγan* к **xawan* < кит. (стр. 592). Титул *qaγan* является очень старым гунско-аварским и впоследствии был известен хазарам и целому ряду народов, не имея ничего общего с манчж. *xa*,*an*. Зато автор прав, возводя тюркск. *biti-*, монг. *biči-* 'писать' к тохарскому *pīde*, в то время как раньше эти слова производились от китайского слова, обозначающего 'кисть'.

Особенно интересны наблюдения автора над манчжурскими неологизмами, представляющими собою во многих случаях переводные заимствования с китайского или калькированные образования (стр. 594).

Во многих случаях китайское происхождение приписывается корейским и монгольским словам напрасно: так, напр., монг. *noγuγan* 'зеленый' с китайским *lü* не имеет ничего общего. Многие монгольские и тюркские слова автор транскрибирует неправильно: так, напр., вместо тюрк. *purqan* 'будда' следует *burqan* (стр. 596), вместо монг. *ildar* 'случай' (стр. 590) следует *ilder* и т. д.

За вводной частью следует словарь китайских заимствований в манчжурском языке. Чтобы его оценить по заслугам и отметить с другой стороны недочеты, необходимо основательное знакомство с китайским языком. Не претендуя на это, мы можем лишь заметить, что собранный материал чрезвычайно богат и в большинстве случаев возбуждает полное доверие.

В общем, несмотря на ряд более или менее крупных недочетов, работу проф. Schmidt'а можно лишь приветствовать. Область, которой он посвятил свое внимание, настолько еще мало разработана, что отдельные промахи, даже крупные, совершенно неизбежны.

В заключение укажем, что работа эта является весьма актуальной. Теперь, когда в Манчжурии происходят очень крупные события и страна эта оказывается отделенной от прочего Китая, очень интересным является проследить на фактах языка, насколько Манчжурия действительно органически никак не срослась с остальным Китаем. Факты языкознания в данном случае подтверждают обратное и являются еще одним лишним доказательством того, что связи эти гораздо более глубокие, чем это часто утверждают.

Н. Поппе.

Ligeti, Louis. Rapport préliminaire d'un voyage d'exploration fait en Mongolie Chinoise 1928—1931. Publié par la Société Kőrösi-Csoma. Budapest, 1933, 64 p. en 8°.

Путешествия с целью изучения монгольского языка и памятников литературы и истории монголов еще недавно принадлежали в Европе к редким явлениям. Отчет д-ра Ligeti о путешествии, совершенном им в течение 1928—1931 гг., наряду с работами других лиц, свидетельствует о том, что западноевропейское монголоведение сдвинулось с мертвой точки, и работы эти сразу восполнили целый ряд пробелов, существовавших не только в западноевропейском, но и советском монголоведении.

Автор интересующего нас отчета посетил наиболее недоступные, а потому и особенно интересные места. О Внутренней Монголии мы мало знаем. За истекший период своей истории монголоведение преимущественно занималось изучением Внешней Монголии, Бурятии и Калмыкии. Лишь изредка и случайно удавалось ставить исследования в других областях монгольского мира. С д-ром Ligeti можно отчасти согласиться, когда он говорит, что создается впечатление, будто монголоведение избегало всего того, что лежало за пределами основных районов исследований, и когда он с полным правом выступает против такой точки зрения на задачи монголоведения (стр. 7). Такая точка зрения действительно заслужила бы самого резкого осуждения. Впрочем, нужно заметить, наше монголоведение никогда не отмежевывалось сознательно от изучения Внутренней Монголии. Правда, оно вполне сознательно ограничивалось на первых порах изучением Внешней Монголии, Бурятии и Калмыкии, поскольку последние всегда были гораздо более доступными для него и поскольку нужно

было предварительно создать какую-то основу, чтобы впоследствии двигаться дальше. И можно лишь еще раз выразить глубокое сожаление по поводу того, что неимоверно обострившееся положение в Китае уже в течение ряда лет мешает осуществлению задачи всестороннего изучения того мало нам известного угла монгольского мира, который раньше не изучался отчасти по той причине, что тогда еще не было надежной базы у научного монголоведения, созданной лишь в течение последних десяти-пятнадцати лет.

Д-р Ligeti объездил за время своего путешествия значительную часть областей Внутренней Монголии. Из Бэйпина он через Калган и Да-тун-фу достиг Куку-хото, посетив также в другую сторону Долон-нор, монастырь Харчин Ван'а.

Таким образом он смог изучать чахар, харачин, оннютов, тумутов и т. д. Дальше Куку-хото он не проник: этому помешали бурные события, разыгравшиеся к моменту его приезда. В окрестностях города шли сражения и действовал бандитизм. Все эти обстоятельства не только нарушили обычную жизнь города и его окрестностей, но отразились также губительно на старых памятниках. Большинство храмов было разрушено и множество ценных памятников старины безвозвратно погибло. В городе свирепствовали голод и болезни. Д-р Ligeti описывает жуткие и характерные картины продажи голодающими своих жен и детей, причем этого рода купли-продажи юридически оформлялись местным ду-тун'ом (стр. 9).

Отказавшись от мысли ехать дальше, автор отчета перенес свои исследования в другие области и посетил впоследствии Баргу, объездив значительную часть баргутских стойбищ и дагурских деревень от Хайлара до Цицикара и Мэргэн'а. Правда и там было не совсем спокойно, поскольку там орудовали русские белобандиты, являющиеся истинным бичом тех мест, что подтверждает своим отчетом д-р Ligeti (стр. 12).

Путешествие оказалось чрезвычайно успешным во всех отношениях. Прежде всего автору отчета удалось собрать чрезвычайно интересный материал по дагурскому языку, сильно дополняющий и уточняющий наши данные по нему. Попав в среду дагуров различных местностей, д-р Ligeti установил между прочим, что только бутхайский говор утратил начальный x, соответствующий h монгольских языков XIII и XIV ст., и что во всех прочих говорах его он сохранился. Изучив ряд языков Внутренней Монголии, автор правильно устанавливает, что во Внутренней Монголии распространен не единый язык, но множество их и притом в различной степени отличающихся друг от друга. Вместе с тем он указывает, что «Материалы по говорам Восточной Монголии» А. Д. Руднева являются чрезвычайно ненадежными и в этом он прав: Руднев не различает не только ȯ и ü но также и ü и u, а также спутал долгие и краткие гласные. Многие из наблюдений д-ра Ligeti подтверждают наши наблюдения. Можно лишь еще раз выразить сожаление, что результаты наших экспедиций все еще не опубликованы и что отставание темпов печатания от наших исследований могут создать впечатление, будто мы сознательно уклоняемся от изучения языков Внутренней Монголии.

Что касается харачинских материалов, собранных д-ром Ligeti, то они проливают много нового света на этот язык. Некоторые сомнения вызывает у нас неразличение в его записях ō и ū (ср. sō 'садись!', но sū 'подмышкой') и нераз-

личение č и ç (~ ṭ), ǯ и ǯ (~ ḍ), ср. čadă 'мочь', но ças (~ ṭ'as) 'снег' и т. д. (стр. 41).

Д-р Ligeti собрал также богатый материал в виде пособий для изучения живого языка (с китайским и манчжурским переводами), составленных школами переводчиков (стр. 35—37). Путешествие показало, что в наших представлениях о расселении внутренних монголов царит некоторый хаос. Поэтому автор отчета поместил на стр. 14—15 очень полезную схему деления Внутренней Монголии.

Очень много интересных наблюдений сделал д-р Ligeti и над современной издательской деятельностью и упоминает ряд книг, которых у нас нет. Не побывав в Монгольской народной республике, автор отчета, повидимому, смутно представляет себе ее. Так, напр., он всегда называет ее Монгольской советской республикой. Также неполны его сведения об издательской деятельности в МНР. Так, напр., упоминаемая им книжка «Čing-gis boγda-yin durasqal-un tegübüri» была действительно издана Монгольским ученым комитетом, в чем автор отчета как будто сомневается (стр. 25). Книжка эта издана в 1923 г. и имеется у нас, как реально существует и другое издание, вышедшее уже в Пекине, а именно монгольский текст Алтан Тобчи (см. Ligeti, стр. 24).

Ряд интересных рукописей, как, напр., старая рукопись Pañcarakṣā, перевод Шираб Сенге, является ценным вкладом в европейские книгохранилища. У нас они, правда, уже имеются. По этому поводу опять уместно выразить сожаление, что нами до сих пор не опубликованы наши каталоги. В Европе находку таких рукописей считают крупным открытием, между тем как они уже давно известны, но сведения о них лежат под спудом.

Автор отчета за время своего путешествия основательно познакомился и с письменным монгольским языком.

Некоторые мелкие погрешности в нем обращают на себя, однако, внимание. Так, напр., слово adaγatan-i нужно транскрибировать ataγatan-i 'завистливых' 'злобных' (стр. 28), вместо tügürikken нужно tögürigken 'кругленький', вместо qoladγaǧu — qoladqaǰu 'удаляя' и т. д. (там же). Дело в том, что в южномонгольских рукописях и изданиях часто ставят точки и при q. Ничего удивительного не представляет собою и написания типа kiǰi 'делая', ǰiqa 'край' и т. д. (см. стр. 38).

Чтобы кончить, укажем еще на ценные сведения по археологии (стр. 29 и сл.) и на интересные указания на места хранения печатного ганджура и ряда томов монгольского денджура, которых у нас нет. Великолепные фотографии и хороший внешний вид издания отчета сильно повышают благоприятное впечатление от книги.

Нужно признать, что путешествие д-ра Ligeti чрезвычайно богато результатами и значительно обогащает наши сведения. В качестве общего замечания укажем, что вообще об экспедициях можно судить лишь по печатной продукции их участников. Интересный отчет д-ра Ligeti свидетельствует о том, что экспедиция была проведена с большим умением.

Н. Поппе.

Mostaert, A. et de Smedt, A. Le dialecte Monguor parlé par les Mongols du Kansu Occidental. Anthropos, Tome XXV, 1930.

Mostaert, Antoine. The Mongols of Kansu and their language. Bulletin No 8, Dec. 1931, of the Catholic University of Peking.

За последнее время нам приходилось неоднократно отмечать значительное по-

вышение интереса к монголоведным изысканиям на Западе. Последние годы ознаменовались выходом в свет целого ряда интереснейших и ценных исследований в области монголоведения, в частности и в особенности, в области изучения живых монгольских языков. Если вспомнить, что в различных странах Европы, а также в Китае, где работают те же европейские исследователи, в настоящее время ведут свои исследования в различных областях монголоведения акад. P. Pelliot (Франция), проф. E. Haenisch, Unkrieg, Weller и Hauer (Германия), G. J. Ramstedt (Финляндия), Wł. Kotwicz (Польша), A. Mostaert (Бельгия, временно в Китае), L. Ligeti (Венгрия) и др., то нельзя не признать, что в Западной Европе монголоведение стало очень прочно на ноги. Особенно знаменательны последние годы, давшие ряд блестящих монголистов в лице A. Mostaert и L. Ligeti, сразу выдвинувшихся в ряд крупнейших представителей этой отрасли науки.

A. Mostaert среди упомянутых исследователей как лингвист занимает первое место. Долгое время монгольское языкознание двигалось на Западе только Рамстедтом, основоположником его и выдающимся исследователем живых монгольских языков. Теперь в лице A. Mostaert монгольское языкознание приобрело вполне равного ему представителя.

В обсуждаемых статьях Mostaert выступает перед нами как исследователь языков, о которых раньше никто ничего не знал. Даже самый факт существования в Ганьсу этих языков был неизвестен.

В статье «The Mongols of Kansu and their language» дается краткий обзор монгольских народностей Гань-Су и областей их обитания. В другой обсуждаемой статье дается интересный фонетический очерк языка монгоров, народности, живущей в окрестностях Синин.

Как все работы Mostaert, так и эта отличается весьма точной транскрипцией и обилием точного и проверенного материала. Монгорский язык в ряде пунктов оказывается очень архаичным: так, напр., он сохранил в начале слова в известных условиях *f*, напр., *fuguor* «бык». В других условиях вместо него находим χ, как в дагурском или в положении перед *i* — спирант *ś̌*, что является характерным для дагурского, где начальный *ǰ* часто развился в *ś̌*, напр., *ś̌iγe̥* «большой». Очевидно в монгорском произошло развитие $\chi > \chi' > \check{\chi} > \acute{\check{s}}$, как в дагурском $\check{j} > ç > \check{\chi} > \acute{\check{s}}$.

В остальном монгорский язык обнаруживает множество новых развитий, напр. *ś̌bē* = монг. *arbai* «ячмень». Во многом он внешне уподобился тибетскому языку: многие многосложные слова сильно сократились, причем наблюдается появление целых групп согласных в начале слова.

За прекрасным фонетическим очерком монгорского языка должна вскоре появиться полная грамматика. Словарь этого языка, подготовленный тем же автором, уже вышел в свет и будет нами рецензирован в другом месте. Последний является, несомненно, крупным событием в истории монгольского языкознания, до сих пор не сумевшего даже в СССР издать ни одного диалектологического словаря.

Помимо этих работ Mostaert готовит полный ордосско-французский словарь, который явится точно так же прекрасным пособием при изучении этого важного языка Внутренней Монголии. Монголоведение получит таким образом в ближайшее же время из совершенно

неожиданных источников еще ряд полезных исследований по языкам, о которых нам известно очень мало.

Н. Поппе.

Plano Carpini, Johann de. Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245—1247. Übersetzt und erläutert von Dr. Friedrich Risch. Veröffentlichungen des Forschungsinstituts für vergleichende Religionsgeschichte an der Universität Leipzig, herausgegeben von Prof. Dr. Hans Haas. II Reihe, Heft 11. Verlag von Eduard Pfeiffer. Leipzig, 1930. XVI + 405 стр.

Несмотря на то, что хорошо известное описание путешествия Плано Карпини неоднократно издавалось на разных языках, всякое новое издание можно приветствовать, как прибавляющее в примечаниях что-нибудь новое.

К сожалению, этого нельзя сказать про обсуждаемое издание, ибо оно не только ничего нового не прибавляет, но повторяет уже давно опровергнутые устарелые мнения. Автор этой книги о Плано Карпини, снабдивший свое издание большим введением и многочисленными комментариями, обнаруживает очень плохое знакомство с литературой вопроса. Из многочисленных трудов В. В. Бартольда он цитирует лишь его «К истории христианства в Средней Азии». Лишь в скобках и между прочим упоминается «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Можно было бы извинить автора незнанием русского языка, но, как известно, английское переработанное издание этого труда Бартольда вышло в свет еще в 1928 г. Очень скромно использованы также работы акад. P. Pelliot. Неудивительно, что историю Чингисхана автор излагает только по Erdmann'у и d'Ohsson'у, хотя французский перевод книги Б. Я. Владимирцова «Чингис-Хан», вышедшей в свет еще в 1926 г. в Париже, должен был быть доступным автору.

В вводной части, там, где говорится о сношениях монголов с римскими папами, поражает отсутствие ссылок на P. Pelliot, вместо которого тщательно цитируется d'Avezac. Неудивительно, что автор попрежнему локализует Бешбалык в Урумчи и вообще повторяет давно устарелые определения городов и местностей. Примечание издателя на стр. 341, правда, снимает отчасти ответственность с автора тем, что тому якобы, не вся литература по этому вопросу была доступной. Все же недоумение вызывает самый факт выхода в свет книги, написанной по вопросу, по которому существуют целые библиотеки: если литература не была автору доступной, то спрашивается, насколько необходимо было вообще издание, ничего нового не дающее и повторяющее исключительно устарелые взгляды. Ведь всегда можно было задержать книгу и основательно дополнить и переработать ее, ибо едва ли это было такое срочное издание. Книга производит очень печальное впечатление.

Н. Поппе.

Jarring, Gunnar. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund (Borelius) — Leipzig (Otto Harrasowitz), 1933, XV + 126 + 53 [+ 1] SS. с 1 табл.

Книга представляет собой диссертацию молодого ученого на докторскую степень, защищенную на гуманитарной секции философского факультета в Лунде (Швеция) в мае 1933 г.

Из предисловия можно видеть, что автор был с целью изучения языка в Кашгаре и его окрестностях с сен-

тября 1929 г. до марта 1930 г. G. Jarring не претендует на какие-либо новые открытия в области изучения восточно-туркестанских наречий. Но, во всяком случае, в некоторых деталях им дается и нечто свое, чрезвычайно ценное и интересное. Напр., здесь я бы отметил данные G. Jarring'а по весьма запутанному и сложному вопросу для восточно-туркестанских наречий, — вопросу сингармонизма (гл. 8, стр. 67 и сл.).

Нашему автору знакома вся литература по языкам Восточного Туркестана, исчерпывающе он осведомлен и изучил русскую литературу (соч. Радлова, Катанова, Пантусова, Ольденбурга, Малова). Отмечая, напр., даже Ili vilajetniŋ Gazeti (по журн. «Revue du Monde musulman», XII, 1910, стр. 358), автор все же не подозревает или не знает совсем о существовании обширной нашей советской периодической (2 газеты и 2 журнала) и не периодической печатной продукции на уйгурском языке: кашгарском и илийском наречиях (стр. XI—XII). G. Jarring отмечает (стр. VII), что бо́льшим и лучшим собранием восточно-туркестанской литературы (рукописной) является собрание Н. Ф. Петровского и С. Ф. Ольденбурга в Азиатском музее (теперь Институт востоковедения) Академии Наук СССР.

На стр. 6 приводится устарелая статистика турецкого населения Восточного Туркестана. Книга имеет большое актуальное значение для наших уйгуров. Вспоминаю дебаты на Второй уйгурской орфографической конференции в Алма-ата в мае 1930 г. по вопросу, напр., о наречиях в уйгурском языке. Принятое орфографической конференцией решение не расходится с данными G. Jarring'а (стр. 3 и сл.). Наречия есть, но они не столь значительны и не имеют значения в деле выработки единой орфографии и единого общего уйгурского литературного языка. По вопросу о наречиях, кроме того, все же скажу еще, что данные, приводимые G. Jarring'ом, главным образом по прежним исследованиям, недостаточны. Напр., в илийском наречии есть кроме звука i и соответствующий ему задний звук y. Деление наречий по признаку причастия прошедшего времени на — myš (на северные наречия и южные) нуждается в дальнейшей проверке. Я прочитал, пиша эту рецензию, — ad hoc некоторые изданные и не изданные (свои) тексты по различным турецким наречиям и не встретил этого причастия как в северных, так и в южных наречиях Восточного Туркестана. Конечно, можно объяснить отчасти это спешностью чтения. Во всяком случае в Турфанском оазисе причастие на — myš раньше, в XII—XIII вв., судя по юридическим уйгурским документам, было очень живым и употребительным.

В 1927 г. (см. Восточные записки, т. I, изд. Инст. восточных языков в Ленинграде им. А. С. Енукидзе) я уже отмечал, что изучение турецких наречий Восточного Туркестана идет успешнее, чем таковое же изучение наречий Западного Туркестана. Настоящая книга G. Jarring'а служит к этому дальнейшим подтверждением. К этому же пользуюсь случаем отметить еще следующее: в 1933 г. вышел (стеклограф. изд.) в свет словарь уйгурского языка А. К. Боровкова (до 5000 слов), в 1934 г. статья С. Е. Малова «Уйгурские наречия в Синцзяне» в Сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга (изд. Академии Наук СССР), закончен вполне к печати большой уйгурский словарь (до 15 000 слов) в Москве в КУТВ (бригада: Курбанов, Эминов, Баскаков, Носилов и Москалев под руководством К. К. Юдахина) и сюда же, пожалуй, отнесу: Носилов и Рузин,

Учебник уйгурского языка, изд. Института востоковедения им. Н. Нариманова, Москва, 1933 (стеклограф.) и др.

Хочется думать, что G. Jarring в результате своей поездки в Кашгарию не ограничится только этим своим сочинением.[1]

Сергей Малов.

---

[1] *Примечание редакции.* За время печатания этого выпуска в журнале «Социалистическая наука и техника», № 1, 1934 г. (Ташкент), появилась отрицательная рецензия Е.Д. Поливанова на эту же книгу.

ЖУРНАЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ЯПОНСКИЕ ПРОЛЕТАРСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Под тем, что обычно в Японии именуется «пролетарской» литературной периодикой, кроется такое разнообразие направлений, которое вызывает необходимость в справочнике, могущем помочь ориентироваться в направленности и удельном весе покрываемых этим общим названием журналов. Помещаемая ниже библиография ставит себе задачей дать такую ориентацию. Для уяснения ее приходится сделать несколько замечаний вводного порядка, с одной стороны, чтобы самым схематическим образом наметить основной организационный костяк. самого пролетлитературного движения, что необходимо для понимания роли журналов, и попутно связать последние хронологической нитью; с другой — систематизировать эти журналы по их удельному весу. То и другое представляет собою чистые схемы — развернутые характеристики даны в самой библиографии.

Прежде всего встает вопрос об объеме последней, т. е. круге включенных в нее журналов. Относительно этого надо сказать следующее: в этом отношении библиография всецело следует японскому словоупотреблению. Обычное словоупотребление, принятое как революционными, так и буржуазными кругами, упрочило название «пролетарской литературы» за литературным движением, возникшим в начале двадцатых годов текущего века и в первые годы по существу — что признается и японской подлинной существующей теперь пролетарской литературой — еще не имевшем права на это название. Но поскольку, ввиду теснейшей преемственной связи этого движения с подлинной пролетарской литературой, это название сохраняется за ним до сих пор весьма прочно, поскольку всякий, соприкасающийся с японской революционной литературой или даже с японским революционным движением, сталкивается с таким названием и принужден с ним считаться, в справочнике — каковым является нижеследующая библиография — было бы нецелесообразно от него отказываться. Необходимо только подчеркнуть (а читателю — помнить), что таким образом термин «пролетарский журнал», «пролетарская литература» и т. п. носит для целого периода условный характер. Период этот — 1921—1928 г., от выхода журнала «Танэмаку хито» до образовании Всеяпонской Федерации пролетарского искусства (НАПФ) — предъистория японской пролетарской литературы, а 1928 г. — рубеж, после которого термин «пролетарская литература» получает уже не условный, а вполне реальный смысл.

Фактически еще ранее 1921 г.—в 1918—1920 гг. можно найти некоторые истоки этого движения. Под влиянием пробуждения в эти годы революционного движения в Японии — с одной стороны, под идейным влиянием западной литературы (Ромен Роллана, позже Барбюса) — с другой, в радикально настроенной части литературной интеллигенции поднялись разговоры о так наз. «народном искусстве», а затем «литературе рабочих». Ни в коей мере не будучи классово-пролетарским, это гуманистическое, идеалистическое течение было сильно преимущественно моментами отрицания и критики, при крайне расплывчатой положительной программе. Отражением его являлись журналы «Kokuen», «Rodo bungaku», а также «Kaijin».

«Танэмаку хито», вышедший сначала в качестве скромного провинциального журнальчика, в ту пору почти мог быть приравнен к этим журналам. Но впоследствии этому журналу удается все более приблизиться к четким революционным установкам. Два момента: живая связь с общим революционным движением (не в пример прежним течениям, остававшимся явлениями чисто литературными) и привлечение целого ряда талантливых революционных молодых писателей и критиков, сделали «Tanemaku hito» ведущим органом, журналом, по имени которого именуется весь период 1921—1923 гг. Он приобретает особое значение еще и потому, что в эту пору пролетарская литература еще не имела никакого организационного центра, и роль такого центра всецело ложилась на журнал. Поэтому необходимо учитывать, что чисто журнальной работой деятельность «Танэмаку хито» не исчерпывается.

Помимо ведущего «Танэмаку» в этот период выходят следующие журналы: «Neppu», отличающийся от «Танэмаку» преимущественно тенденциями развития (у «Нэппу» в сторону анархизма); два коммерческих журнала «Shinko-bungaku» и «Bungaku sekai»; к ним же может быть отнесен и продолжающий выходить «Kaiho». И к концу этого периода — группа анархистских журналов: «Aka to kuro», «Kamba», «Kusari».

Землетрясение в сентябре 1923 г. прерывает существование всех этих журналов. Репрессии, обрушившиеся на революционное движение, временно загнали его в подполье. Но уже в 1924 г. начинается полоса вторичного его подъема, неуклонно растущего все последующие годы. Соответственно этому развивается и борьба за пролетарскую литературу.

В середине 1924 г. как продолжение «Танэмаку хито», с тем же — все расширяющимся — составом участников, с теми же — все более четкими — задачами возникает журнал «Бунгэй-сэнсэн». С 1924 до конца 1927 г. «Bungei-sensen» является ведущим пролетлитературным журналом. Фактически первые два года он продолжает играть и роль организационного литературного

центра, — но уже не единственного. С конца 1925 г. в пролетлитературном движении, в борьбе за пролетарское искусство появляются уже подлинные организации в точном смысле этого слова.

В декабре 1925 г. была учреждена первая такая организация — «Японская Лгиа пролетарского искусства» — «Nihon proretaria bungei remmei». Отвечая назревшей необходимости концентрации сил на фронте искусства, Лига объединила все левые элементы, по существу разнородные, связанные только общей им всем антикапиталистической, антибуржуазной установкой, но далекие в положительной части своих программ. Это придавало установкам самой Лиги расплывчатый характер и сковывало ее деятельность. Борьба внутри Лиги закончилась победой революционного крыла, что выразилось в исключении анархистских элементов и реорганизации Лиги на основе четких революционно-марксистских установок. Политическая платформа Лиги определялась поддержкой революционной партии Родо-Номин-то и коммунистической газеты «Мусанся-симбун».

Реорганизация произошла в ноябре 1926 года, причем Лига была переименована в «Nihon proretaria geijutsu remmei».[1]

«Бунгэй-сэнсэн» никак не являлся органом этой Лиги. У Лиги имелись свои организационные «Известия» («N. P. G.-remmei kaiho»), а «Бунгэй-сэнсэн» входил в состав Лиги, как самостоятельная группа, наряду с другими. Но фактически он был теснейшим образом связан с Лигой составом участников, так как руководящие литературные деятели последней почти все входили в группу «Бунгэй-сэнсэн» Все процессы, происходившие в Лиге, находили в журнале свое отражение, а раскол, происшедший в ней в середине 1927 г., отразился на судьбе журнала непосредственно. Но прежде чем перейти к этому моменту, несколько слов о прочих журналах.

В период 1924—1926 гг. мы находим следующие журналы: «Sento-bungei» (1924—1925) и «Bungei-kodo» (1926), свидетельствующие о присоединении к борьбе за пролетарскую литературу передовой интеллигенции. «Bungei-ichiba», вначале как бы дополнение к «Бунгэй-сэнсэн» кружкового характера, затем автономизирующийся. Два анархистски окрашенных журнала — возобновленный «Kaiho» и «Genshi» — последний со специфическим уклоном к крестьянской литературе. И два журнала «Bungei jidai» и «Bunto», относимых к «пролетарским» исключительно по недоразумению.

Следующий (1927) год должен быть выделен в особый период, обычно именующийся периодом расколов. В японском революционном движении этот год является высшей точкой усиления фукумотоизма — лево-сектантского уклона, ярко отразившегося и на фронте искусства. Вышеупомянутый раскол Лиги пролетарского искусства, непосредственно вызванный ожесточенными разногласиями по теоретическим вопросам искусства, по существу и явился отражением фукумотоизма. В результате этого раскола, происшедшего в июне 1927 г., отколовшаяся группа, стоявшая на центристских позициях, образовала новую организацию «Лигу деятелей рабоче-крестьянского искусства» (Rono geijutsuka remmei) и поскольку эта группа фактически состояла из руководящих деятелей «Бунгэй-сэнсэн» — сделала этот журнал органом новой Лиги. Оставшаяся, подпавшая под влияние фукумотоизма группа, попрежнему именовавшаяся «Лигой пролетарского искусства», стала тоже в качестве органа Лиги издавать журнал «Proretaria getjutsu».

С этого момента кончается самостоятельное существование журналов, как организационных центров — вся полнота руководящей и организационной роли переходит к объединениям, только органами которых становятся журналы. Но в силу инерции еще долгое время продолжали называть организации по журналу, а не наоборот. В частности до сих пор употребительно выражение «группа Бунсэн» (сокращение «Бунгэй-сэнсэн» — «Bunsen-ha»).

Необходимо подчеркнуть, что эти две организации—«Роно Гейдзюцука-рэммэй» (сокр. «Рогэй») и «Нихон проретариа гэйдзюцу рэммей» (сокр. «Прогэй») с соответствующими им журналами, находившиеся в состоянии ожесточеннейшей полемики, по существу расходились только по вопросам искусства, политические же установки у них были общие (конкретно—поддержка «Родо-номин-то» и «Мусанся-симбун»). В области же этих вопросов «Рогэй» стояла на более правильных позициях, нежели в известной мере фукумотоистская «Прогэй». Но положение резко меняется после раскола в «Рогэй», имевшего уже совсем другое значение, чем раскол «Прогэй» в июне 1927 года.

Под прикрытием борьбы с фукумотоизмом в японском революционном движении начало поднимать голову оппортунистическое движение, возглавлявшееся Ямакава. Раскол в «Рогэй» был вызван оживлением социал-демократических элементов внутри Лиги, он явился следствием классового размежевания, следствием углубления политических установок революционного крыла.

В ноябре 1927 г. революционное крыло, составлявшее численное большинство, вышло из «Рогэй» и образовало новый — «Союз деятелей передового искусства» — «Zen'ei geijutsuka domei» (сокр. «Дзэнгэй»). «Роно гэйдзюцука рэммей» с этого момента стала — и до сих пор пребывает — цитаделью социал-демократизма на фронте японского искусства, превратив «Бунгэй сэнсэн» из ведущего органа пролетарской литературы в журнал по существу реакционный.

«Дзэн'эй гэйдзюцука домэй» стало издавать журнал «Zen'ei» к которому, наряду с «Proretaria geijutsu» ненадолго переходит ведущая роль. Ненадолго потому, что существование на фронте искусства двух организаций, всецело совпадающих по политическим установкам, было нецелесообразно. Известная резолюция Коминтерна по японскому вопросу, положившая конец периоду расколов в революционном движении, явилась толчком, исправившим положение: в марте «Прогэй» и «Дзэнгэй» слились, образовав вместе с двумя другими левыми литературными организациями: («Союз деятелей левого искусства»—«Sayoku geiytsuka domei» «Лига деятелей боевого искусства» — «Toso geijutsuka remmei») в апреле 1928 г. «Всеяпонскую Федерацию пролетарского искусства» — «Zennihon musansha geijutsu remmei» сокращенно

---

[1] «Geijutsu» значит «искусство», а «bungei» — скорей «литература и искусство».

НАПФ[1] — организацию, твердо стоящую на позициях классовой борьбы, связанную с компартией. Образование НАПФ считается началом подлинной пролетарской литературы.

На этот же период 1927 — начало 1928 г. падает окончательный разгром анархизма. В 1927 г. образовались две анархистские литературные организации. Первая — «Nihon musanha bungei remmei»,[2] возникшая в мае 1927 г. с органами «Kaiho», затем «Sen'ei», эволюционировала в сторону революционного марксизма, вследствие чего осенью 1928 г. распалась, причем большинство ее членов влилось в НАПФ. Вторая «Лига деятелей социалистического искусства Канто» — «Kanto shakai geijutsuka remmei» была организована в ноябре 1927 г. и в связи с идейным разгромом анархизма, распалась через несколько месяцев. В нее вошли журналы «Bungei kaiho», «Seiki bungaku», «Barikedo», «Shisenko», «Kindai shiso», «Kuroi saji» и ряд анархистских художественных групп. Первые два журнала также дают картину отхода от анархизма революционной интеллигенции, последние — картину тупика и распада.

Кроме этих журналов надо назвать еще два. Крайний фукумотоизм представлен журналом «Bunka hihan», по имени которого называется и вся сплотившаяся вокруг него группа. «Nomin» — журнал крестьянской литературы — стоит несколько особняком.

Как говорилось выше, с 1928 г. начинается новый период — период подлинного пролетарского литературного движения. Он, разумеется, продолжается до сих пор, но в качестве отдельного этапа можно выделить годы 1928—1931, когда носителем этого движения являлась НАПФ.[3]

В области периодики гегемония НАПФ выразилась в том, что ведущими журналами стали его органы, причем развитие последних полностью отражает развитие самой Федерации. Все эти журналы издавались организованным при НАПФ издательством «Senkisha».

Первым органом — и почти до конца 1930 г. единственным — являлся журнал «Senki», ведущий пролетлитературный журнал. Но с развитием движения, с усложнением его задач один журнал не мог удовлетворять всем нуждам. «Сэнки» превратился в массовый журнал, давший соответствующие ответвления: детский «Shonen Senki» и женский «Fujin Senki», а в качестве центрального органа НАПФ стал издавать журнал «Napf». Развитие отдельных союзов, входящих в Федерацию, вызвало к жизни, наряду с ним, специальные журналы: театральный — «Proretaria engeki»[4] и кино «Proretaria eiga».[4] Кроме того, как массовый литературный орган к концу этого периода появилась газета «Bungaku shimbun».

[1] Nippona Artista Proleta Federacio (на эсперанто).

[2] Японская Лига пролетарского искусства. Название приведено по-японски, поскольку русский перевод его неотличим от «Nihon proretaria bungei remmei».

[3] В феврале 1929 г., при реорганизации в союзы б. секций НАПФ, был образован «Японский Союз пролетарских писателей».

[4] В библиографию, как специальные, не включены.

К этим же журналам надо отнести «Proretaria shi» (1), близкий НАПФ, хотя формально и не являющийся его органом.

Картина литературной периодики за этот период отражает, во-первых, те процессы консолидации сил, которые характерны для положения на всем фронте пролетарского искусства. Мы находим три журнала, являющиеся органами отдельных левых литературных объединений, два из которых затем влились в НАПФ: «Daiichi sensen», «Toso geijutsu» и «Dowa undo». Во-вторых, можно отметить втягивание в орбиту пролетлитературного движения широких кругов левой интеллигенции. Об этом говорят журналы: «Seiki bungaku», «Jugatsu», «Sayoku geijutsu», «Bungei chokusen» и др. Наконец, имеются коммерческие журналы, связанные с пролетлитературой: «Sosaku gekkan», «Proretaria bungaku» (1) и, с оговоркой, «Bungaku jidai».

С декабря 1931 г. в пролетлитературном движении начался новый этап, длящийся до сих пор. Движение перешло на высшую ступень: из объединения на фронте искусств оно превратилось в объединение на фронте всей пролетарской культуры. НАПФ, как слишком узкая организация, был распущен, и составляющие его союзы, наряду с целым рядом других пролетарских культурных организаций, образовали «Японскую Федерацию Пролетарской Культуры» — Nihon proretaria bunka remmei» (сокр. «КОПФ»).[1]

В области периодики это повлекло за собой большие, коренные изменения: издательство «Сэнкися» было закрыто. Органы НАПФ и близких к нему организаций прекратились и взамен них Федерация культуры развернула в своем новом издательстве новую сеть журналов (часть которых, по существу, является продолжением ранее бывших), а именно: Федерация издает центральный орган — «Proretaria bunka», массовый журнал — «Taishu no tomo», женский журнал — «Hataraku fujin», молодежный журнал — «Warera shonen», детский журнал — Chisai doshi; Союз пролет. писателей издает «Proretaria bungaku» (2) — основной орган, а затем «Proretaria shi» (2) и газету «Bungaku shimbun»; Союз пролет. театра — «Protto»[2] и газету «Engeki shimbun»; Союз пролет. кино — тонкий иллюстрированный журнал «Eiga kurabu»; Союз пролет. изо-искусства «Proretaria bijutsu» и газету «Bijutsu shimbun», Союз пролет. музыки — газету «Ongaku shimbun»; Союз воинствующих безбожников — «Sentoteki mushinronsha»; Союз пролет. эсперантистов — «Kamarado»; Институт нового воспитания «Shinko kyoiku»; Институт пролет. науки — «Proretaria kagaku».

С образованием Федерации пролетарской культуры и ее журнальной сети можно определенно утверждать, что подлинно пролетарскими являются только те литературные журналы, кото-

[1] Для литературного движения в узком смысле начало 1932 г. также отмечено существенным организационным моментом — с февраля 1932 г. Японский Союз пролетарских писателей официально становится секцией МОРП.

[2] Все нижепереименованные журналы и газеты, за исключением последнего, как специальные, в библиографию не включены.

рые входят в эту сеть. Прочие могут иметь то или иное касательство к пролетарской литературе, но не могут быть к ней причислены. На этом основании, помимо изданий Федерации, никакие журналы последних лет в библиографию не включены.

Таким образом, журналы, вошедшие в библиографию, можно подразделить на следующие группы:

Основная группа—журналы, являющиеся выражением основной линии развития пролетлитературы, ведущие журналы, а именно «Tanemaku hito», «Bungei sensen», «Proretaria geijutsu», Zen'ei», «Senki», «Napf», «Proretaria bungaku» (2).

Вторая группа, наиболее многочисленная — журналы, представляющие различные побочные течения пролетлитературного движения. Иной раз они параллельны основному руслу, иной раз представляют собою притоки, исходная точка которых далека, но направление развития которых все больше сближает их с основным потоком, иной раз они расходятся с ним и прямо ему враждебны. Однако, и в том и в другом случае эти журналы — естественное окружение пролетлитературы, из которого ее нельзя изолировать. Они связаны с последней постоянным теоретическим и практическим взаимодействием, связаны и составом участников (не разделяющих судьбу журнала, а преодолевая его установки, переходящих в ряды пролетлитературы). Сюда относятся и «предшественники» пролетлитературы: «Kokuen», «Rodo-bungaku», «Kaijin», «Neppu». Затем ее «притоки»: «Sento bungei», «Bungei kodo», «Sen'ei», «Toso geijutsu», «Bungei chokusen». Ближе к последней категории — «Aka to kuro», «Kaiho»,(2) «Bunka hihan», «Bungei kaiho», «Barikedo» и др. Несколько особняком стоят «Genshi» и «Nomin».

Третья группа — та, что в Японии именуется «Shogyo zasshi» — «коммерческие журналы», т. е. журналы, издающиеся не идейно сплоченной группой, а коммерческими издательствами — в тех случаях, когда они всецело или преимущественно посвящены пролетарской литературе. Нужно отметить, что в этих журналах ни о какой «чистоте» последней не может быть в речи — в них, наряду с пролетарскими, печатаются и буржуазно-революционные и в последнее время даже социал-фашистские писатели. К ним относятся: «Shinko bungaku», «Bungaku sekai», «Kaiho»,(1) «Sosaku gekkan», «Proretaria bungaku»(1) и др.[1]

Наконец, четвертая группа — журналы, не имеющие прямого отношения к пролетлитературному движению, но связанные с пролетарской культурой в широком смысле слова и включенные в силу органической цельности всего движения. Сюда входят три журнала, посвященных вопросам культуры: «Kokusai bunka», «Proretaria kagaku», «Proretaria bunka». Общий массовый журнал «Taishu no tomo», детские: «Shonen Senki» и «Chsiai doshi» и три женских: «Fujin Senki», «Nyonin geijutsu» и «Hataraku fujin». Журналы, посвященные отдельным видам искусства (театру, кино и т. д.), в библиографию не включены.

Неполнота материалов, имевшихся у составителя, не позволяет ручаться за полноту библиографии. Но самые существенные органы в нее, несомненно, вошли все. По той же причине сведения, сообщаемые о журналах, иногда отрывочны. В частности, данные об издательстве, размере, цене, а главное точные даты начала и конца журнала, указаны далеко не всюду.

К большому сожалению, не было возможности дать хоть с приблизительной достоверностью данные о тираже, что, конечно, было бы очень важно. Сведения о тираже не печатаются в Японии ни на самих книгах, ни в журналах, и их можно найти только случайно в специальных материалах. Такие материалы удалось найти только для «Бунгэй-сэнсэн», «Пролетариа гэйдзюцу», «Дзэн'эй», «Сэнки» и «Литературной газеты». Затем не удалось найти систематических данных о конфискации; а они в применении к японской пролетлитературе приобретают особое значение, так как конфискация практикуется столь часто, что многие журналы фактически из ежемесячных превращаются в двухмесячные. Сведения о конфискации даны только для «Сэнки» за 1-й и 2-й год его выхода, для «Напф» и для «Литературной газеты» — по ним можно составить себе представление об общей картине конфискаций.

Все приведенные журналы — с вышеуказанной оговоркой — ежемесячные.

Библиография доведена до 1933 г., так что указания о выходе журнала «до настоящего времени» относятся к декабрю 1932 г. Сведений о выходе журналов в 1933 г. у составителя не имелось.

Aka to kuro (Ака то куро — «Красное и черное»). I 1923—V 1923. Стихотворный журнал, размер 10—20 стр.

Рассматривается в Японии, как один из первых журналов пролетарской поэзии начального периода. Основан группой поэтов и критиков из числа анархистски настроенной интеллигенции: Макибара Кёдзиро, Окамото Дзюн, Цубои Сигэхару, Кавасаки Тётаро и др., в противовес так наз. «школе народной поэзии» («minshu-shi ha»). Сентиментальному гуманизму и либеральному демократизму этой школы «А. то К.» однако противопоставлял не четкие революционные установки, а голое анархическое отрицание, лишенное всякой положительной программы. «Отрицайте, отрицайте. отрицайте! Вложим всю нашу силу в отрицание. Только так мы существуем. Пламя, пламя, пламя! Зажигайте пламенем все! Во имя идеала, во имя справедливости? Нет! Во имя конечного взрыва наших гниющих тел» (№ 1).

Политически этот нигилизм приводил к реакционной позиции. Никакой связи с революционным рабочим движением журнал не имел. В области литературной он стоял во враждебном отношении к ведущему пролетарскому журналу — «Tanemaku hito» (см.) и иногда активно противодействовал революционным начинаниям последнего.

Несмотря на краткое существование «А. то К.» оказал сильное отрицательное влияние на

---

[1] Можно кстати отметить, что пролетарская художественная, а также критическая литература широко печатается в двух крупнейших лево-буржуазных коммерческих журналах «Kaizo» и «Chuo-koron».

зарождающуюся пролетарскую поэзию, надолго привив ей нездоровые анархистские, нигилистические, а также декадентские тенденции, от которых она стала освобождаться только в конце двадцатых годов.

Barikedo (Барикэйдо — «Баррикада»). 1927. Стихотворный журнал, размер 10—20 стр.

Один из ряда мелких и кратковременных журналов («Shisenko», «Kindai shiso», «Kuroi saji»), дающих картину тупика и разложения анархистских тенденций в литературе. Продолжая традиции «Aka to kuro» (см.), «Б» проповедывал крайний нигилизм. Политически был резко враждебен революционному движению, отрицая всякое организованное движение во имя культа личной свободы. С этой же точки зрения — относился отрицательно к СССР.

Bungaku jidai (Бунгаку дзидай — «Литературная эпоха»). V 1929—1930. Коммерческий литературный журнал, изд. «Shinchosha», разм. 200 стр., ц. 30 сен.

Журнал, рассчитанный на мелкобуржуазного обывателя, спекулирующий на популярности пролетарской литературы. В нем печатались писатели как НАПФ, так и группы «Бунсэн», а также буржуазные. Участие именно в такого рода журналах поставило перед пролетлитературой вопрос об опасности захлестывания пролетписателей так наз. «буржуазным журнализмом», т. е. скатывания, в угоду буржуазным читателям, к беллетристике, использующей тематику пролетлитературы, но выхолащивающей ее классовую сущность.

Bungaku sekai (Бунгаку сэкай — «Литературный мир»). X 1922—VIII 1923.

Коммерческий литературный журнал, широко печатавший пролетарскую литературу. В те годы, когда собственные органы последней были еще слабы, а в крупные буржуазные коммерческие журналы пролетлитература доступа почти не имела, появление такого журнала имело для нее большое значение. Кроме того, это свидетельствовало о растущей популярности пролетлитературы в среде интеллигенции и широких кругов мелкой буржуазии.

Bungaku shimbun. На эсперанто La literatura gazeto. Сокращенно Bunshin (Бунгаку симбун — «Литературная газета»). IX, 1931 — до наст. времени. Литературная газета выходит 2 раза в месяц, разм. 4—8 стр., ц. 3 сен., изд. Японского Союза Пролетарских Писателей.

Массовый литературный орган Яп. Союза Пролет. Писателей, задачей которого является максимальное приближение пролетарской литературы к массам рабочих, крестьян, мелких служащих, учащихся и т. д. Газета в популярной форме разъясняет очередные вопросы пролетлитературы как в Японии, так и в международном масштабе (деятельность МОРП), но не замыкается в кругу литературных вопросов, а также освещает текущие вопросы революционного движения в Японии и социалистическое строительство в СССР. Основной задачей газеты является развитие рабселькоровского движения и вовлечение масс в творческую литературную работу путем руководства литературными кружками (bungaku sākuru), деятельность которых систематически и всесторонне освещается на ее страницах. К декабрю 1932 г., т. е. за один год газета достигла следующего: рабкоровская сеть, как и литературные кружки, раскинута по всей Японии. Постоянных корреспондентов было 649. Художественных произведений кружковцев напечатано: рассказов — 40, стихотворений — 77. 23 кружковца приняты в Союз Писателей.

Тираж первого номера — 10000, двадцать четвертого (т. е. через год) 12000. Число подписчиков возросло с 4000 до 12000. За год из 24 номеров было конфисковано 15 — причем с № 13 подряд.

Bungei chokusen (Бунгэй тёкусэн — «Литературная прямая»). 1929.

Один из ряда левых журналов («Jugatsu», «Jidai bunka», «Senpeiki», «Bungei sentan», «Sayoku geijutsu»), выходивших в 1929 г., частично и в 1930 г., т. е. в год концентрации сил пролетарской литературы. Эти журналы поддерживались преимущественно радикальной интеллигенцией, не имевшей тесной связи с революционным движением, и таким образом были явлениями преимущественно чисто литературными. Однако, они свидетельствовали о той или иной мере приближения к революционному марксизму, той или иной степени вовлечения в орбиту пролетлитературы некоторых кругов интеллигенции и играли в этих кругах большую пропагандистскую роль.

Bungei ichiba (Бунгэй итиба — «Литературный рынок»). I 1925—V 1927.

Литературный журнал, вначале чисто кружкового характера, а именно посвященный злободневным интересам, новостям, литературным сплетням в среде пролетарских писателей, не ставящий никаких серьезных теоретических или художественных задач. В нем принимали участие почти все пролетарские писатели тех лет. Во главе его вначале стояли Умэхара Хокумэй и Канэко Ёбун, потом Накано Масандо. На второй год своего существования «Б. И.» преодолел свой прежний характер и превратился в серьезный художественный и критический журнал, пользовавшийся влиянием преимущественно в рядах пролетарских литераторов.

Bungei jidai (Бунгэй дзидай — «Литературная эпоха»). X 1924—IX 1927.

Мелкобуржуазный литературный журнал, по существу не имеющий никакого отношения к пролетарской литературе, хотя в некоторых кругах слывший «революционным». Был выразителем литературного течения «новый сенсуализм» (shin kankaku-ha), провозглашавшего себя искусством «новой эпохи», к которому примыкали почти все так наз. «передовые» писатели. Художественно это течение было эклектическим и подражательным западной литературе (преимущественно экспрессионизму), идеологически представляло собой упадочнический, бесперспективный нигилизм. Одно время журнал пользовался большим успехом в буржуазных кругах. Между прочим, в нем принимали участие Катаока Тэппэй — впоследствии крупный пролетписатель Кон Токо, Ёкомицу Тосикадзу и др.

Bungei kaihō (Бунгэй кайхо — «Литературное освобождение»). I 1927—XII 1927.

Тонкий журнал типа газеты, преимущественно критико-теоретический, анархистского направления. Издавался группой, возглавлявшейся бывшими руководителями «Aka to kuro» — Цубои Сигэхару, Макибара Кёдзиро, Окамото Дзюн, кроме того в нее входили Эноморн Сэйдзи, Асафу Ги, Ида Ходзи, Ида Токутаро, Кото Син и др. Часть членов этой группы отходила от анархизма. Явным выражением этого отхода явилась теория «диалектического анархизма», с которой выступил в журнале Цубои. Эта теория вызвала разногласия, приведшие к распаду группы. В феврале 1928 г. часть ее, еще более приблизившаяся к революционному марксизму (Цубои Сигэхару, Эномори Сэйдзи), а также Миёси Дзюро, Уэда Син, Акаси Тэцуя, Таками Дзюн и др. образовали «Союз деятелей левого искусства» («Sayoku geijutsuka domei»), влившийся в апреле того же года в НАПФ.

Bungei kōdō (Бунгэй кодо — «Литературное творчество»). I 1926—VIII 1926.

В первые месяцы «тонкий» литературный журнал, передовой, но без ярко выраженного направления. Поддерживался группой студентов университета Васэда, во главе стоял Хосода Гэнкити (впоследствии член НАПФ). В связи с приближением к пролетарской литературе Хосода стал привлекать в журнал писателей этого лагеря. В частности деятельно сотрудничали в журнале Катаками Нобуру (видный революционный критик и публицист, знаток русского языка и литературы, много сделавший для ознакомления с советской литературой) и Аоно Суэкити (критик и теоретик «Bungei sensen»), благодаря чему журнал приобрел определенное направление. Прекратился из-за финансовых затруднений.

Bungei sensen. На эсперанто **La fronto**. Сокращенно (с 1931 г. официально) **Bunsen** (Бунгэй сэнсэн — «Литературный фронт»). VI 1924—I 1925; VI 1925— до наст. времени. Размер 170—200 стр., ц. 35 сен, изд. «Bungei sensen-sha».

Общественно-политический и литературный журнал, ведущий пролетарский журнал в период 1924— 1927 гг.; после этого — основной социал-демократический литературный журнал.

«Б. С.» был основан группой участников «Tanemaku hito» (см.) как непосредственное его продолжение. В эту группу входили: Комаки Оми, Канэко Ёбун, Имано Кэндзо, Мурамацу Масатоси, Сасаки Такамару, Янасэ Масаму, Хирабаяси Хацуноскэ, Аоно Суэкити, Маэдако Коитиро, Наканиси Иноскэ, Сано Кэсами, Муто Наохару, Мацумото Хиродзи и через два месяца Ямада Сэйдзабуро (из группы «Т. Х.» не вошли Ямакава Цуда, Мацумото Дзюндзо, Уэно Торао).

Под влиянием репрессий, последовавших за землетрясением, и вызванной ими подавленности, общий характер журнала оказался более тусклым, нежели «Т. Х.», боевой тон был несколько снижен. Через полгода, из-за финансовых затруднений, он закрылся. Тираж его не превышал 2500. Возобновившись через пять месяцев, он еще не сразу преодолел эту растерянность. В первых номерах «Б. С.» (выделяющихся и чисто внешне — по вдвое увеличенному формату с числом страниц 30; с № 5, т. е. октябрьского, «Б. С.» вернулся к обычному формату и числу стр. 100, впоследствии и больше) заметно была даже тенденция ввести элементы мелочной кружковщины. Все это однако с 1926 г. было преодолено.

С самого начала «Б. С.» взял твердый курс на преодоление замкнутости, свойственной «Т. Х.», т. е. на привлечение максимально широкого круга революционных писателей. На страницах возобновленного «Б. С.» появился целый ряд писателей из других групп. Самое существенное, что «Б. С.» привлекал писателей не механически, т. е. просто печатая их, а втягивал в орбиту своего влияния, воздействовал на них. Таким образом именно в недрах «Б. С.» выросли многие молодые писатели (не только интеллигентского, но и рабочего и крестьянского происхождения), ставшие впоследствии руководящими деятелями пролетлитературы. В состав группы «Б. С.» вошли: в 1926 г. — Хаяси Фусао, Хаяма Иосики, Куросима Дэндзи, Сатомура Дзидзо, Окасита Итидзо, Кобори Дзиндзи, Сэнда Корэя, Сано Сэки (в особенности надо отметить первых трех крупных писателей). В 1927 г. — Фудзимори Сэйкити, Мураяма Томоёси (или Тиги), Накано Дзюдзи (или Сигэхару), Накано Масандо, Яманоути Фусакити, Курахара Корэбито (следует отметить Курахара — виднейшего марксистского критика и теоретика искусства).

Чтобы покончить с составом группы, следует добавить, что в конце 1926 г., в связи с перестройкой «Б. С.», отразившей перестройку «Лиги пролетарского искусства», а именно переход на четкие позиции революционного марксизма, из журнала ушли анархистские элементы — Наканиси и Мурамацу; кроме того вышел и Мацумото Хиродзи (последний по личным причинам).

Во главе «Б. С.» в этот период стоял Ямада, затем Маэдако. Руководящим теоретиком был Аоно.

Еще раз надо подчеркнуть, что помимо членов группы, в журнале принимал участие целый ряд других революционных писателей и критиков

Та замкнутость, которую «Б. С.» преодолел в смысле привлечения сотрудников, была им, что еще более важно, — разрушена и в отношении круга читателей. «Т. Х.» был рассчитан на интеллигенцию, «Б. С.» взял курс на завоевание рабочего читателя. Это повлекло за собой перестройку и расширение содержания журнала. «Б. С.» выработал тот тип литературно-публицистического журнала, который удержался до 1930 г. (этот тип продолжил и развил «Senki», см.). В таком журнале общественно-политический материал привлекается по линии чистой публицистики (политические программные статьи не находят в нем места), преимущественно в порядке освещения практики революционной борьбы: хроника, письма рабочих, очерковые заметки, рассказы очевидцев и т. п. «Б. С.» можно поставить в упрек слабое осве-

щение организованной классовой рабочей борьбы, а также отсутствие обобщающих статей по революционному движению. Он не может быть назван массовым также в силу перегруженности специальным теоретико-литературным материалом (массовый журнал дал «Senki» второго периода и «Taishu no tomo», см.).

Вот, для примера, содержание типичного номера (№ 9 за 1927 г.). Отдел литературно-теоретический: две теоретические статьи — «Требования марксистской литературной критики» Курахара и «Боевая теория искусства» Тагути — и три статьи-заметки по текущим вопросам литературы. Отдел творческий: пять рассказов, одна повесть с продолжением; пять стихотворений. В части переводной — отрывок из «Юности Алпатова». Кроме того, особый отдельчик: «zuihitsu, kanso» (особый род художественной бессюжетной заметки) — три коротких дзуйхицу. Книжный обзор: рецензии на «1905 год» Покровского, «Биографии Маркса и Энгельса» Рязанова и Сборник рассказов Ямада. Особый отдел: Фильмы рабоче-крестьянской России на бумаге — изложение содержания фильм «Ветер»; рецензии на «Машиниста Ухтомского» и «Десять дней, которые потрясли мир». Кадры с объяснениями из «Броненосца Потемкина» и «Матери», «Каррикатуры рабоче-крестьянской России» — четыре каррикатуры из «Правды». Затем, по отделу текущих кампаний: две статьи по вопросам движения за реформу цензуры и устав «Союза борьбы за реформу цензуры»; воззвание по этому же вопросу открывает журнал. Отдел «Международный обзор»: два воззвания «Боритесь с войной!» (на защиту китайской революции) и воззвание Ком. Инт. молодежи о международной юношеской неделе. Отдел «Маленькие товарищи» под лозунгом «И дети — борцы»: рассказ об участии детей в крестьянском конфликте в преф. Тоттори в июне 1927 г., рассказ о «Стране с красным флагом», стихи о 1-мая, немецкая сказка. Отдел «Страница женщины»: статейка «Новая любовь» — о свободном отношении полов, статейка «День работницы», заметка, разоблачающая непролетарский характер «Союза женщин Канто». Пять писем, объединенных общим заглавием и темой «случаи произвола» (незаконные увольнения, преследования полиции и т. п.). Отдел «Товарищи» (русское название): письма читателей по текущим вопросам литературы и т. п. Отчет о деятельности «Роно-гэйдзюцука рэммэй» (см. ниже). Отдел «Бунгэй сэнсэн» — краткие, в несколько строк, заметки редакции по разным вопросам.

Существование журнала такого «синтетического» типа имело большое, притом двоякое значение. С одной стороны, при слабости легальной революционной политической печати (Газета «Мусанся-симбун» была основана в сентябре 1926 г.) существование широко распространенного журнала, освещающего практику революционного движения, и всецело — от рисунка и стиха до очерковой заметки и рассказа — проникнутого революционными установками — имело большое пропагандистское значение для революционного движения. С другой стороны не меньшее значение он имел для самой пролетлитературы: насыщенность журнала публицистическими элементами, его связь с живой революционной борьбой, являвшаяся отражением живой связи пролетлитературы с революционным движением, в свою очередь оберегала ее от опасности выродиться в чисто-литературное течение, писателей — от опасности превратиться в кабинетных литераторов. Уже с этих лет синтетическому типу журнала соответствует синтетический тип писателя — новеллиста, очеркиста, критика, публициста и активного участника революционной борьбы.

Тираж «Б. С.» в 1926 г. поднялся до 3500, а в 1927 г. дошел до 7000.

Литературному движению в узком смысле «Б. С.» уделял большое внимание. Теоретики «Б. С.» дали на страницах этого журнала ряд существенных статей по теории пролетлитературы. В особенности существенны для первого этапа статья Аоно (№ 9 за 1926 г.), выдвигающая в качестве основного признака пролетарской литературы осознание целей классовой борьбы пролетариата, и Ямада (1926, № 12), подчеркивающая важность мировоззрения для того, чтобы пролетлитература могла отвечать своей возросшей роли. Наряду с этим, «Б. С.», освобождаясь от анархических элементов (перестройка в ноябре 1926 г.), боролся за овладение четким революционно-марксистским мировоззрением, в частности в теории искусства. Большую роль в этом сыграло сближение с «Мусанся-симбун» и «Родономин-то», политическую линию которых «Б. С.» поддерживал. Выражением теории искусства «Б. С.» являются «Тезисы «Б. С.» в № 2 за 1927 г. Тезисы утверждают, что искусство обладает классово-организующим воздействием, и что это воздействие тем сильней, чем выше его художественная сила; а с другой стороны, что художественная высота находится в прямой зависимости от степени овладения революционным социалистическим мировоззрением.

Эта высокая оценка специфики искусства явилась предметом теоретических расхождений, приведших в июне 1927 г. к расколу «Лиги пролетарского искусства» (см. введение). Отколовшиеся — в большинстве руководящие деятели «Б. С.» образовали «Роно гэйдзюцука рэммэй», сделав «Б. С.» органом этой Лиги. Ни политическая, ни теоретическая линия журнала при этом не изменилась, хотя со стороны «Proretaria geijutsu» (органа Лиги пролет. искусства) (см.) он и подвергался ожесточенным нападкам.

Высокой оценке специфики искусства в теории соответствовала ценная художественная практика. В рядах «Б. С.» были такие крупные писатели, как Хаяма, Маэдако, Хаяси, Куросима и мн. др., значительную часть своих вещей печатавших на страницах «Б. С.». Забегая вперед, можно сказать, что и после раскола в ноябре 1927 г., нанесшего журналу решающий удар в политическом отношении, «Б. С.» все же сохранил наиболее сильных творчески писателей и, в области чисто художественной, некоторое время оставался выше «Senki».

Углубленное овладение революционно-марксистским мировоззрением поставило на очередь дальнейшее классовое размежевание, а именно выявление и удаление оппортунистических элементов. С середины 1927 г. начинается эта борьба, завершившаяся в ноябре 1927 г. выходом из «Рогэй» революционного крыла, начавшего издавать журнал «Zen'ei» (см.). Лига, в которой остались Аоно, Маэдако, Канэко, Имано, Комаки, Хаяма, Кобори, Куросима, Сатомура, Хирабаяси Тайко, Ивафудзи Юкио и пятеро других, оказалась в руках оппортунистического меньшинства, а поскольку «Б. С.» остался ее органом (во главе журнала стал Маэдако, руководящим теоретиком остался Аоно), оппортунистическая линия в нем открыто восторжествовала. «Б. С.» немедленно (с № 12 1927 г.) солидаризировался с политической линией журнала «Роно», т. е. с ликвидаторством Ямакава. Таким образом с 1928 г. «Б. С.» превратился из революционного журнала в оппортунистический, последовательно проводя социал-демократическую точку зрения. При всем этом он сохраняет видимость революционности, провозглашая свою преданность классовой борьбе пролетариата (с 1932 г. «Б. С.», переименовываясь в «Бунсэн», принимает английский подзаголовок «The literature front of class-struggle. A proletarian review») и всячески выказывая симпатии к СССР. «Бунсэн» официально заявляет о полной поддержке МОРП — и наряду с этим ожесточенно борется с японской секцией МОРП — Союзом Пролетарских Писателей и его журналом «Senki» и «Napf» (см.). Эта тактика, как и вся политическая линия «Б. С.», были разоблачены и осуждены особой резолюцией на Харьковской Конференции МОРП в ноябре 1930 г.

Таким образом с 1928 г. «Б. С.» в корне изменил политическую ориентацию, не изменив ни названия, ни принадлежности к литературной организации. Это в первое время создало запутанное положение, несколько невыгодное для революционного крыла, которому пришлось заново завоевывать популярность для своего журнала, попутно разоблачая новое направление «Б. С.», имевшего уже упрочившуюся репутацию. Это удалось не сразу. В 1928 г. «Б. С.» и по тиражу (8000) и по размеру (176 стр.) превосходил «Сэнки». По мере того, как «Сэнки» завоевывал рабочего читателя, последний стал разбираться в истинном характере «Б. С.» и с 1929 г. «Б. С.» стал терять доверие масс. В 1930 г., ввиду антипролетарского характера журнала и наиболее сознательные революционные члены самой Лиги «Рогэй» стали покидать ее, причем эти выходы сопровождались активной борьбой за разоблачение социал-фашистской сущности «Б. С.». Первыми в июне 1930 г. вышли Хирабаяси Тайко, Хасэгава Син, Имамура Цунэо. В ноябре того же года произошел еще более крупный раскол (вышло семь человек, в том числе Куросима), причем отколовшиеся образовали союз «Долой Бунсэн» («Bunsen dato domei») со своим журналом «Proretaria». (Поскольку почти вся деятельность «Рогэй» сводилась к журналу «Б. С.», Лига обычно отождествлялась с последним). Третий раскол произошел в мае 1931 г. (среди вышедших были Осима, Хосода Гэнкити, впоследствии вышел и Хосода Тамэки), причем отколовшиеся образовали «Второй союз «Долой Бунсэн» с журналом «Zensen». Все отколовшиеся впоследствии влились в НАПФ.

Bungei sentan (Бунгэй сэнтан — «Литературная крайняя») 1929 г., см. Bungei chokusen.

Bunka hihan (Бунка хихан — «Критика культуры»). V 1927 — VII 1927.

Журнал, вокруг которого сплачивалась группировка, стоявшая на крайне левом, по существу реакционном фланге пролетлитературного движения. «Б. Х.» был в этом движении рупором крайнего фукумотоизма, и с этой позиции с первого номера повел борьбу с «Bungei sensen», что и явилось содержанием трех его номеров. Как объективно реакционный журнал «Б. Х.» подвергся резкой критике со стороны «Бунгэй сэнсэн» и «Proretaria geijutsu» (в № 1 — июльском — последнего за 1927 г. воззвание, направленное против «Б. Х.»). В этом же месяце группа, издававшая журнал, распалась. В нее входили: Такэдзима Хадзимэ, Окада Горо, Мидзуно Масапуги, Ито Рэйдзи, Суда Риити.

Bunsen (Бунсэн) — до 1931 г. сокращенное, с 1931 г. официальное название журнала «Bungei sensen» (см.).

Buntō (Бунто — «Литературная партия») X 1925—V 1926.

Литературный журнал, также ошибочно слывший «революционным», как и «Bungei jidai» (см.). Как и последний, был органом упаднического мелкобуржуазного литературного течения «новый сенсуализм». В некоторых кругах интеллигенции пользовался успехом, благодаря литературной «изысканности», но широкого распространения не имел. Во главе стоял Кон Токо, принимали участие Иида Ходзи, Ногава Такадзи, Мураяма Тиги (ныне член НАПФ), Фудзии Сэйси, Ито Наганоскэ, Акамацу Гассэн и др.

Chisai dōshi (Тисай доси — «Маленькие товарищи»). III 1932 — до наст. времени.

Размер 70—80 стр., ц. 20 сен, изд. Яп. Федерации пролетарской культуры.

Пролетарский детский журнал. Все содержание как в художественной части, так и в публицистической — насыщено революционной тематикой и пронизано революционными установками. В то же время оно отличается легкостью изложения и доступностью для детского восприятия.

Daiichi sensen (Дайити сэнсэн — «Первый фронт»). V 1928 — X 1928.

Орган «Всеяпонского Союза искусств» — «Zenkoku geijutsu dōmei», объединившего ряд левых литературных и художественных групп и организованного в декабре 1927 г. со специальной целью поддержки левой центристской партии Nihon rono-to. Союз распался в конце 1928 г., не обнаружив конкретно значительной деятельности. Главные деятели: Мурамацу Масатоси, Мацумото Дзюидзо, Катэко Ясутаро.

Dōwa undō (Дова ундо — «Борьба за детскую литературу»). VI 1928 — XI 1929.

Орган «Союза писателей новой детской литературы» — «Shinko dōwa sakka domei», организовавшегося в мае 1928 г. и в ноябре того же года влившегося в НАПФ. Журнал сыграл большую роль в развитии японской детской пролетарской литературы, подняв обсуждение ее задач на принципиальную высоту. Самые крупные участники: Макимото Кусуро, Ино Сиодзо, Огава Гэндзо, Мицунари Нобуо, Исида Сигэру.

Fujin Senki (Фудзин Сэнки — «Женский Сэнки») I 1931 — XI 1931. Размер 70—80 стр., ц. 15 сен, изд. «Senkisha».

Женский революционный журнал, представляющий как бы дополнение к журналу «Senki» (см.). Наряду со специально бытовым женским материалом (по гигиене, домоводству и т. п.), «Ф. С.» давал также материал по революционному движению и положению женщины-работницы, преимущественно в виде заметок хронологического характера, а также художественно-литературный. Закрылся в связи с ликвидацией Senkisha (см. введение).

Genshi (Гэнси — «Начало») I 1925 — V 1927 г.

Журнал анархистского характера, посвященный так наз. крестьянской литературе. Вначале его руководителем и издателем был Като Кадзуо (крупный писатель из числа революционной интеллигенции, умеренно анархистского направления. Пользовался большим влиянием в годы 1918—1927), через полгода к нему присоединилась группа умеренно анархистских поэтов и критиков: Мацумото Дзюндзо, Цубои Сигэхару, Номура Ёсия, Эномори Сэйдзи; кроме того, в журнале печатались Мураяма Тиги, Эгути Кан, Макибара Кёдзиро, Цудзи Дзюн, Оно Тодзабуро, Такахаси Синкити и др., так что он стал центром ясно выраженной анархистской группы. Однако, до создания значительной целостной теории журнал не поднялся. Литературные воззрения Като носили революционный, но расплывчатый характер; в его определении «крестьянской литературы» отсутствовали и четкие классовые установки и осознание конкретных революционных перспектив. Известное значение имела художественная продукция «Г.» в смысле привлечения внимания к крестьянской тематике.

Hataraku fujin (Хатараку Фудзин — «Трудящаяся женщина») I 1932 — до наст. времени. Размер 135 стр., ц. 20 сен, изд. Федерации пролетарской культуры (Nihon proretaria bunka remmei shuppanjo).

Женский революционный журнал, имеющий целью приближение и вовлечение в революционную борьбу широких масс трудящихся женщин. Содержание журнала складывается из ряда популярных пропагандистских статей по политико-экономическим вопросам, богатой хроники революционной борьбы японского пролетариата и крестьянства, в частности положения женщины, международной революционной хроники, широкой информации об СССР и художественно-литературного отдела. Специфически женский бытовой материал помещается в минимальном объеме.

Jidai bunka (Дзидай бунка — «Культура эпохи»), 1929 г., см. Bunqei chokusen.

Jugatsu (Дзюгацу — «Октябрь»), 1929 г., см. Bunqei chokusen.

Kaihō (Кайхо — «Освобождение»).

1) 1918 — VIII 1923 г.

Самый передовой из крупных левых коммерческих журналов. Не придерживаясь четко определенного политического направления (общий уклон в сторону анархизма), он широко предоставлял свои страницы зарождающейся пролетарской литературе. При слабости и ограниченности распространения собственной печати последней и, в частности, ввиду того, что вопросы художественной литературы стояли в ней на втором месте (см. „Tanemaku hito»), это имело для пролетлитературы большое значение. В «К.» печатались значительные художественные произведения как так наз. ранних пролетписателей Фудзии Мадзуми, Ёсида Канэсигэ, — так и пролетписателей группы «Tanemaku hito» (см.) Маэдако Коитиро, Канэко Ёбун и др., а также критико-теоретические статьи руководящих деятелей пролетлитературы—Аоно Суэкити, Хирабаяси Хацуноскэ, Мурамацу Масатоси, а также Акита Удзяку. Журнал закрылся после землетрясения.

2) X 1924—1929?

Здесь надо различать два периода, рубежом между которыми является 1927 г.

В первый период «К.» представляет собою продолжение прежнего журнала. Издание его было возобновлено крупным левым адвокатом Ямадзаки Кэсами, а редактором был известный пролетарский критик Яманоути Фусакити. Временно вокруг журнала образовалась сплоченная группа так наз. ранних пролетарских писателей: Фудзимори Сэйкити, Акита Удзяку, Огава Мимэй, Араи Каку, Камитика Итико и др., в числе сотрудников были: Аоно, Хирабаяси и др. Группа вскоре распалась, но журнал попрежнему сохранял свое направление. Все же значение его несколько упало.

Второй период начинается с мая 1927 г.; редактор «К.» Яманоути ушел из этого журнала (перешел в «Bunqei sensen») и во главе «К.» стали деятели анархистской, по существу, реакционной организации «Nihon musanha bungei remmei», превратившие «К.» в орган этой Лиги. Выступая с лозунгами: «Мы стремимся к установлению подлинного пролетарского искусства. Мы отвергаем капиталистическое искусство. Мы боремся на культурном фронте освободительного движения пролетариата», Лига на деле занимала враждебную позицию по отношению к революционной литературе, заявляя: «Пролетарская литература... смешивает политику и искусство, подменивает истинный характер искусства пропагандой, погрязая в утилитаризме, и не сознает, что это-то и является капиталистическим воззрением на искусство... Наряду с борьбой с буржуазным искусством мы... намерены бороться с теми, кто превращает искусство пролетариата в пропаганду своей партии» (из декларации, опубликованной в «К.»). «К.» был органом Лиги всего несколько месяцев. В это время в центре Лиги были Огава Мимэй, Эгути Кан, Мурамацу Масатоси, Никаниси Иноскэ. (Лига впоследствии стала издавать журнал «Sen'ei», см.). В дальнейшем «К.» продолжал

существовать как рядовой левый коммерческий журнал, не играющий никакой серьезной роли.

Kaijin (Кайдзин—«Разрушитель»). X 1921—I 1922. Размер 20 стр.

Литературно-критический журнал, основной задачей которого была критика буржуазного искусства с весьма расплывчатых позиций либерализма, анархизма и т. п. «Наши требования различны, но невозможность удовлетвориться искусством современной действительности обща нам всем. И эта неудовлетворенность не ограничивается искусством, она распространяется на все наше существование» (из декларации). Все четыре номера «К.» почти целиком посвящены критике буржуазных писателей. Несмотря на расплывчатость, журнал имел кое-какое значение для зарождающейся пролетлитературы в смысле установления критического отношения к буржуазному искусству. В «К.» принимали участие: Хасиура Хироо (художник), Мураками Ёсидзо, Сумида Кэнтаро, Фудзиока Ёсидзо и др.

Kamba (Камба— «Горячий конь»). 1923 г. Вышло несколько номеров.

Стихотворный журнал такого же направления, что и «Aka to kuro» (см.), но более умеренный, более четко выраженного, более серьезного анархистского характера. Участвовали Идо Кисоу, Хосои Вакидзо, Дадэн Дзинскэ.

Kindai shisō (Киндай сисо — «Современные идеи»). 1927 г. См. «Barikedo».

Kokuen (Кокуэн — «Черное пламя»). 1918—1920?

Литературно-художественный журнал, принадлежавший к течению, именовавшемуся «литература рабочих» (rodosha-bungaku), а также «социалистическая литература» (shakai-shugi bungaku). Основами этого течения был протест против экономического неравенства, против всяческого угнетения и широкое использование рабочей тематики, при полном отсутствии четких классовых пролетарских позиций и значительном наличии элементов интеллигентского гуманизма и общей анархистской окраске. Журнал сыграл большую роль в смысле первоначального объединения писателей из левой интеллигенции и рабочих писателей того периода, привлекши в качестве участников Огава Мимэй, Фудзии Мадзуми, Цубота Дзёдзи, Араи Киити, Найто Тацуо, Есида Канэсигэ и др. Пропагандируемое им течение можно считать подготовительной ступенью к ранней художественной пролетлитературе.

Kokusai bunka (Кокусай Бунка—«Интернациональная культура»). На эсперанто La internacia kulturo. XI 1928—X 1929. Размер 150—180 стр., ц. 50 сен, изд. Hakuyosha.

Орган «Института интернациональной культуры» (Kokusai bunka kenkyujo) — Пролетарского научно-исследовательского института, объединившего пролетарских и революционных литераторов, преимущественно членов НАПФ. Установки и задачи журнала ясны из следующей декларации (№ 1). «Буржуазной культуре, уже исчерпавшей свою историческую миссию и ныне играющей реакционную роль, противустоит новая строящаяся культура — культура международного пролетариата с Советским Союзом во главе. В Советском Союзе эта культура служит строительству социализма, в других странах она является оружием пролетариата для ниспровержения буржуазии. Журнал «К. Б.» основан как орган международной связи этой пролетарской культуры и ее пропагандист на Дальнем Востоке». Соответственно этому строится содержание журнала: на первом месте широкая солидная информация о культурной жизни СССР (как переводный материал, так и самостоятельный), затем ознакомление с пролетарской культурой в зарубежных капиталистических странах. Общие статьи (преимущественно информационные, чрезвычайно ценные по богатству материала) о завоеваниях на фронте пролетарской культуры в Японии. Критические марксистские статьи по японской литературе и т. п. «К. Б.» дает краткое резюме содержания номера на эсперанто. В журнале принимали участие как члены Института, так и не входящие в него революционные писатели, критики и деятели науки. С ноября 1929 «К. Б.» стал выходить под названием «Proretaria kagaku».

Kuroi saji (Курои садзи — «Черный песок»). 1927 — см. Barikedo.

Kusari (Кусари — «Цепь»). 1923 г. Вышло несколько номеров.

Стихотворный журнал, близкий по направлению к «Aka to kuro» (см.), но более умеренного характера. Издавался Мацумото Дзюндзо, Мурамацу Масатоси, Сигэбито Торао.

Napf (Напф). На эсперанто «La Napf» (Сокращение от Nippona Artista Proleta Federacio). IX 1930—XI 1931. Размер 150—200 стр. ц. 35 сен, изд. до мая 1931 г. «Senkisha», с мая изд-во Федерации пролетарского искусства.

Как показывает название — орган Федерации пролетарского искусства (НАПФ). С основанием этого журнала «Senki», дотоле игравший эту роль, превратился в чисто массовый журнал. Таким образом произошло разделение функций, ранее слитых в одном органе. «Н», освобожденный от преобладания элементов публицистики, явился первым пролетарским чисто литературным и искусствоведческим — теоретическим, критическим и художественным — журналом, а также организационным органом НАПФ. В декларации в № 1 (сентябрь 1930 г.) журнал так определяет свои задачи: „Напф“ прежде всего является коллективным организатором борьбы за пролетарское искусство... Во-вторых, он должен охватывать нашим влиянием всех деятелей искусства, а также группы их, которые имеют какое-нибудь отношение к пролетарскому искусству, и организационно их укреплять. В третьих, он должен вести в правильном направлении литературные и художественные группы, имеющиеся на предприятиях... Отсюда следует, что „Напф“ должен... ставить все насущные вопросы пролетарского искусства и давать им правильное теоретическое разрешение».

Конкретно «Н.» проводил установки НАПФ, борясь за «большевизацию» (borushieuiki-ka) и «массовизацию» (taishuka) пролетарского искусства и за разоблачение социал-фашистской литературы (в частности группы «Бунсэн»).

Соответственно этим задачам складывалось содержание журнала. Первое место занимают руководящие статьи по теоретическим и организационным вопросам, как литературы, так и других видов искусства (из первых отметим в 1930 г.: «Социал-демократическое искусство и его теория» № 1, «За большевистскую литературную критику» № 1, «Об организованном (коллективном) творчестве» № 3; в 1931 г.: «Об изображении авангарда в литературе» № 1, «Массовизация критики и ее способы» № 3, «Вопросы массовизации искусства» № 6, «Борьба за ленинизм в теории искусства» № 11 и др.). Роль таких же руководящих статей играет помещенный в №№ 6—10 перевод некоторых речей на происходившей в Москве дискуссии по творческому методу. (Помимо этого «Н.» вообще внимательно следит за развитием искусства в СССР, давая целый ряд информационных статей по советской литературе, театру и т. п., в частности цикл статей Тюдзё Юрико «Пятилетний план и советское искусство» № 4—8).

Затем, осуществляя свою роль официального органа НАПФ, «Н.» публикует официальные программные и организационные документы — резолюции, постановления, воззвания, отчеты НАПФ и отдельных, входящих в него союзов, а также МОРП. Кроме того, журнал дает систематическую широкую информацию о деятельности союзов, входящих в НАПФ, отчеты об отдельных начинаниях и т. п.

Затем «Н.» дает информацию по пролетарскому искусству в Европе и Америке.

Критический Отдел «Н.» развернул широко, давая, помимо регулярного обзора художественных отделов журналов за прошлый месяц (что является стандартной формой японской журнальной рецензии), также развернутые критические статьи по отдельным вопросам и поднимая вопросы критики на принципиальную высоту. В художественном отделе, занимающем по размеру около трети журнала, помещались произведения пролетарских писателей, членов НАПФ, а также начинающих рабочих авторов.

В 1931 г. с № 7-го «Н.» ввел еще один постоянный отдел — «С заводов, из деревень», представляющий собою письма читателей с откликами на вопросы, затронутые в журнале, и вообще на вопросы искусства

Всего вышло 15 номеров «Н.» — 14 обыкновенных и один специальный (tokubetsu-go), посвященный 14-й годовщине Октября. Из них было конфисковано три — специальный номер и № 2, 3 за 1930 г.

«Н.» закрылся в связи с перестройкой НАПФ (см. введение). В части литературной его сменил «Proretaria bungaku» (2).

Nappu nyusu (Наппу ньюс — «Известия Напф»). IV ? 1929 — VIII 1930.

Тонкий журнал, издававшийся Федерацией пролетарского искусства (НАПФ) в период, когда «Сэнки» (см.) уже не был органом НАПФ, а собственного журнала НАПФ еще не имел. Журнал носил преимущественно информационный характер и помещал материал, главным образом, по организационным вопросам.

Neppu (Нэппу — «Горячий ветер»). № 1 этого журнала именовался «Shimun» (Симун). IV 1922—VIII 1922.

Журнал, объединивший вокруг себя часть писателей и критиков из левой интеллигенции, а также рабочих авторов под лозунгом «Журнал социалистической литературы» (Chakaishugi bungei zasshi). Приближаясь по направлению к «Tanemaku hito» (см.), «Н.» однако был более расплывчат по своим установкам и склонялся к анархизму. Теоретически он не дал ничего значительного. Художественно же дал не менее ценный материал, чем «Танэмаку хито», в частности отличаясь от последнего участием рабочих писателей. Во главе «Н.» стоял Като Кадзуо, принимали участие Сано Кэсами, Яманоути Фусакити, Окамото Дзюн, Такахаси, Синкити, Ниидзима Эйдзи, Цуда Кодзо, Найто Тацуо, Ёсида Канэсигэ, Ватанабэ Дзюндзо, Сумидзоно Сюнноскэ и др.

Nōmin (Номин—«Крестьянин»). X 1927—VII 1928.

Литературный журнал, издававшийся «Обществом Крестьянской Литературы» (Nōmin bungei kai). Это общество, организованное в 1922 г. в связи с годовщиной французского крестьянского писателя Шарля Луи Филиппа (вначале оно именовалось «Firippu no tomo» «Друзья Филиппа»), объединяло около сорока писателей, связанных интересом к крестьянству, к крестьянской тематике в литературе, и общностью расплывчатой идеалистической мелкобуржуазной революционности в определении крестьянской литературы и понимании ее задач. В декларации (№ 1) журнал так определяет эти задачи: «Мы, стремящиеся с помощью изучения и создания крестьянской литературы выправлять и развивать современную культуру, приступаем к изданию журнала „Крестьянин“... В обычном понимании под словом „культура“ кроется бессознательное стремление отойти от законов природы, мы же стремимся положить в основу современного и будущего общественного бытия дух крестьянства, иначе говоря, производственное сознание крестьянства, наиболее непосредственно причастного к культуре вселенной, культуре природы». В журнале, не имевшем четкой линии, принимали участие и более революционные писатели, но в целом от подлинно революционно-марксистского понимания крестьянской литературы, от классового расчленения крестьянства «Н.» был очень далек. Созданию четкого лица, так же как и развитию журнала мешала идеологическая разнородность его сотрудников. Теоретически он ничего значительного не дал. Положительное значение журнала заключалось в том, что он, в особенности благодаря своему художественному отделу, привлек внимание к самому вопросу о крестьянской литературе. В «Н.» принимали участие Инуда Сигэру, Вада Дэн, Като Такэо, Накамура Сэйко, Сиратори Сёго, Сибуя Эйити, Куросима Дэндзи, Ямакава Рё и мн. др.

Nyonin geijutsu (Нёнин гэйдзюцу — «Женское искусство»). VII 1928—1931. Размер 150—180 стр., ц. 45 сен, изд. «Nyonin geijutsu-sha».

Литературно-художественный и публицистический журнал, издающийся революционной

«Женской лигой» («Nyonin remmei»). Три четверти журнала занимает публицистический отдел, преимущественно популярные пропагандистские статьи по вопросам революционного движения, в частности женского, а также хроника рабочего движения. В литературном художественном и критическом отделах принимали большое участие пролетписатели — члены НАПФ. «Н. Г.» был рассчитан не столько на работниц, сколько на мелкобуржуазных трудящихся женщин, и играл большую пропагандистскую роль.

Proretaria (Прорэтариа — «Пролетарий»). XII 1930—I 1931.

Орган Союза «Долой Бунсэн» (см. Bungei sensen»).

Proretaria bungaku (1). (Прорэтариа бунгаку — «Пролетарская литература). V 1930—1931. Размер 150 стр., ц. 35 сен, изд. «Hakuyosha».

Коммерческий литературный журнал, один из тех органов, которые стремятся выхолостить из пролетлитературы ее классовую сущность и «подать» ее в виде очередного «модного» литературного течения. Поэтому в «П. Б.» печатались произведения как членов НАПФ, так и членов группы «Бунсэн» (см.), а также революционных мелкобуржуазных писателей.

Proretaria bungaku (2). На эсперанто «La literaturo proleta». I 1932 — до наст. времени. Размер 200—100 стр., ц. 30 сен, изд. Японского Союза Пролетарских Писателей (Nihon proretaria sakka domei).

Орган Японского Союза пролетарских писателей, «П. Б.» появился в результате дифференциации функций, ранее слитых в журнале «Напф» (см.). С его изданием пролетарская литература впервые получила всецело принадлежащий ей орган. «П. Б.» чисто литературный, теоретический и художественный журнал. Осуществляя установки Союза, «П. Б.», «в качестве организатора пролетлитературного движения Японии», ставит перед собою следующие задачи: 1) постоянное руководство пролетписателями, образующими Я. С. П. П., выражающееся в борьбе за утверждение большевистской партийности в литературе. 2) Борьба с буржуазной, фашистской и социал-фашистской литературой. 3) Организационное укрепление широко развившегося рабселькоровского движения и подлинное руководство им на основе тесной связи с этим движением, на основе инициативы масс (Декларация, № 1). Конкретно первая задача понималась как борьба за преодоление механистического идеализма, выразившегося в разъединении мировоззрения и творческого метода, содержания и формы, теории и практики, и борьба за овладение подлинным диалектическим материализмом на основе ленинского этапа в литературе.

Содержание «П. Б.» складывается так же, как и «Напф» (см.), только применительно к литературе, т. е. официальные программные, организационные и пр. документы Я. С. П. П., а также МОРП, теоретические статьи, отделы критический и художественный, информация, отдел рабселькоровской корреспонденции — «С заводов, из деревень» и письма читателей — «Литературный клуб».

Proretaria bunka (Прорэтариа бунка — «Пролетарская культура»). На эсперанто «La kulturo proleta». XII 1931 г. — до наст. времени. Размер 120 стр., ц. 25 сен, изд. Федерации Пролетарской Культуры. Nihon proretariā bunka remmei shuppanjo.

Орган Японской Федерации Пролетарской Культуры.

Основной задачей журнала является освещение и разработка общих вопросов борьбы на фронте пролетарской культуры, т. е. борьбы за пролет. культуру, основанную на марксизме-ленинизме — против буржуазной, фашистской и социал-фашистской реакционной культуры. Второй задачей журнала является координация деятельности союзов, входящих в Федерацию. Основное содержание журнала составляют теоретические статьи по этим вопросам. Затем «П. Б.» публикует официальные организационные и программные документы Федерации, воззвания, отчеты и т. п. Затем «П. Б.» дает статьи и информацию по текущей деятельности Федерации, информацию о борьбе за международную пролет. культуру, особо освещает культурное строительство в СССР. Художественного отдела в журнале нет.

Proretaria geijutsu (Прорэтариа гэйдзюцу — «Пролетарское искусство»). VII 1927—IV 1928. Размер 100 стр., ц. 30 сен, изд. «Marksu shobo».

Орган «Лиги пролетарского искусства» (Nihon proretaria geijutsu remmei) после раскола последней в июне 1927 г. (см. введение, а также «Bungei sensen»). Раскол был вызван расхождением в области теории искусства, не распространявшемся на политические установки. «П. Г.», как и «Бунгэй сэнсэн», поддерживал революционную партию Родо-Номин-то и коммунистическую газету «Мусанся-симбун». Литературная теория, проводившаяся группой «П. Г.», сложилась под влиянием фукумотоизма (левосектантского уклона японской компартии). Основа ее заключалась в крайнем сужении роли искусства, единственной задачей которого признавалась непосредственная чисто-политическая агитация и пропаганда. Исходя из этого положения «П. Г» дал резкую критику позиции «Бунгэй сэнсэн», обвиняя последний в том, что высокая оценка специфики искусства и в особенности важности творческой работы является замаскированным бегством от классовой борьбы. («Rono geijutsuka remmei ni taisuru teze», № 2, 1927). Однако, постепенно «П. Г.» стал изживать фукумотоистский уклон, что привело к слиянию с журналом «Zen'ei» (см.) и образованию журнала «Senki» (см.).

Основными участниками журнала были члены Лиги: Накано Дзюдзи, Кадзи Ватару, Тани Кадзу, Сано Сэки, Такэда Ринтаро, Хасэгава Син, Кибэ Масаюки и др. (Сэнда Корэя сотрудничал и в «П. Г.» и в «Бунгэй сэнсэн»). Главными теоретиками были Накано и Кадзи. Творчески сильными писателями журнал был беден. «П. Г.» был журналом чисто литературным, по характеру не массовым. Тираж его был 3000.

Proretaria kagaku (Прорэтариа кагаку — «Пролетарская наука») XI 1929 — до наст. времени. Размер 150—200 стр., ц. 4.50 сен, изд. Hakuyosha».

Орган Института пролетарской науки (Proretaria kagaku kenkyujo). Продолжение журнала «Kokusai bunka» под новым названием (так же как «Институт пролетарской науки» — переименованный и расширенный — «Институт интернациональной культуры»). По установкам и по структуре содержания «П. Г.» продолжал линию «Kokusai bunka» (см.).

Proretaria shi (1) (Прорэтариа си — «Пролетарская поэзия»). III 1931—III 1932.

Орган «Общества пролетарских поэтов» (Proretaria shijin kai), организации, близкой НАПФ. Журнал был всецело посвящен вопросам пролетарской поэзии; содержание его складывалось из отделов теоретического, критического и художественного. Видными участниками журнала были члены НАПФ.

Proretaria shi (2) VI 1932 г. — до наст. времени.

Размер 100 стр., ц. 20 сен, изд. Японского Союза пролетарских писателей.

Журнал издается Союзом пролетарских писателей, по существу является продолжением предыдущего, с тем же направлением, тем же характером содержания. Главные участники Накано Дзюдзи, Нисидзава Рюдзи, Морияма Кэй, Ито Нобукити, Уэно Софу, Кубокава Какутаро, Имамура Цунэо и др.

Rōdō bungaku (Родо бунгаку — «Рабочая литература»). 1920 г.?

Литературно-художественный и критический журнал, принадлежавший к мелкобуржуазно-революционному течению, именовавшемуся «литература рабочих» (rōdōsha bungaku, подробную характеристику см. «Kokuen»). В «Р. Б.» несколько ярче, чем в «Кокуэн» выражалась склонность к анархизму. Во главе журнала стоял Като Кадзуо.

Rōdō geijutsuka (Родо гэйдзюцука — «Деятель рабочего искусства») 1928 г.

Орган «Японской Лиги рабочего искусства» (Nihon rodo qeijutsu remmei), незначительной и кратковременно существовавшей левой организации, стоящей в стороне от столбовой дороги развития пролетлитературы. Лига была организована так наз. ранним пролет. писателем Найто Тацуо, который был и редактором журнала.

Sayoku geijutsu (Саёку гэйдзюцу — «Левое искусство»). 1929 г., см. Bungei chokusen.

Seiki bungaku (Сэйки бунгаку — «Литература века»). 1927—1929.

Литературный журнал, вначале ярко выраженного анархистского направления, впоследствии приблизившийся к марксизму и ставший в один ряд с журналами типа Bungei chokusen (см.).

Sen'ei (Сэн'эй — «Острие»). V 1928—IX 1928.

Орган анархистской «Nihon musanha bungei remmei», сменивший прежний орган этой Лиги «Kaiho» (2) (см.). Ко времени выхода этого журнала ряд членов Лиги (в частности Эгути Кан и мн. др.) стали переходить на позиции революционного марксизма, что и нашло свое отражение в журнале. В связи с этим Лига стала распадаться (вышли Огава Мимэй, Наканиси Иноскэ, Мурамацу Масатоси), а затем была распущена, причем большинство членов влилось в НАПФ.

Senki (Сэнки — «Боевое знамя»). V 1928—XI 1931.

Размер 170—230 стр., ц. 35 сен, изд. Senkisha.

Вначале орган НАПФ, затем массовый журнал, ведущий общественно-публицистический и литературный пролетарский журнал в период 1928—1931 гг.

В истории «Сэнки» надо различать два периода: V 1928 — III 1929 — «С.» орган НАПФ IV 1929 — XI 1930 — массовый пропагандистский журнал, издающийся до IX 1930 г. НАПФ. фактически, после этого — только официально.

Политическое направление «С.» во все периоды оставалось неизменным. Не будучи официально коммунистическим, журнал фактически по своему направлению примыкал к линии японской компартии, всецело отражая этим установки НАПФ. Изменялась только структура содержания и соответственно функции журнала.

В первый период «С.» представлял собою дальнейшее развитие типа журнала «Bungei sensen» (см.). Он преследовал двоякие цели: как орган НАПФ, он являлся руководящим теоретическим органом по вопросам искусства, в первую очередь и преимущественно литературы, и художественным журналом. Наряду с этим он шел по пути массового рабочего пропагандистского журнала, давая обильный публицистический материал и все время повышая удельный вес последнего.

Публицистический материал освещал злободневные вопросы революционной борьбы в Японии, а также международной, преимущественно в форме хроники, очерковых заметок, писем с мест и т. п.

Был введен ряд специальных постоянных отделов, самый существенный «Живая газета» (Ikita shimbun, с № 8 (декабрь) за 1928 г.). Этот отдел состоял вначале из очерковых заметок писателей НАПФ на темы отдельных случаев революционной борьбы и повседневного быта рабочих, крестьян, солдат и т. п., но писательские заметки вскоре сменились подлинными письмами участников этой борьбы, и так было положено начало организованному рабселькорству, с № 3 был введен «Революционный календарь», с № 5 — страницы фото. С самого начала «С.» стал давать репродукции картин, плакатов, карикатур революционных художников (отдел AR). Помимо этого были временные отделы «Страницы помощи жертвам» (революционной борьбы) № 1 1929, «Письма из тюрьмы» № 3 и т. д. В ряде номеров был материал, посвященный особым кампаниям — Первого мая (№ 1 1928), защите китайской революции (№ 2) и т. п. «С.» обнаруживал тенденцию ставить чисто политические вопросы (приложение № 12 1928 об образовании Shinto junbikai). Но углубленной проработке всего этого материала препятствовало то, что основной статейный отдел, в силу первой функции журнала, был целиком посвящен вопросам искусства. В этой области «С.» дал ряд существенных материалов, отражающих дальнейшую борьбу за создание революционно-марксистской теории пролетлитературы. На страницах «С.» было развернуто обсуждение вопросов «стиля» пролетлитера-

туры, который был сформулирован как «пролетарский реализм» (статья Курахара, ведущего литературного теоретика НАПФ, «Путь к пролетарскому реализму» № 1 1928), и поставлен лозунг «Массовизация искусства». (Дискуссия по этим вопросам развернулась в статьях Кадзи в № 3, Накано в № 2, 5, 7, Курахара в №№ 4, 6 и др.). Кроме того, печатались переводы советских статей по теории искусства (Луначарского, Маца́). Слабей был поставлен чисто-критический отдел. Художественному отделу уделялось много внимания.

В числе сотрудников «С.» были почти все члены НАПФ, а так как последний чрезвычайно разросся (и продолжал расти следующие годы), то перечисление их несколько затруднительно. В него вошли полностью группы, издававшие «Proretaria geijutsu» и «Zen'ei» (см.), большинство членов групп, издававших «Bungei kaiho» и «Sen'ei» (см.) и др. Кроме того, на страницах «С.» в этот и следующие годы появились Кон Токо, Эма Сю, Эгути Кан, Мацуда Кайси, Хотта Сйоити, Хондзё Муцуо, Тацуно Нобуюки, Хосоно Эйдзиро, Хисаита Эйдзиро и др. Особо надо отметить таких крупных писателей, выросших в «С.», как Токунага Наоси, Кобаяси Такидзи, Киси Сандзи, Катаока Тэппэй.

Тираж «С.» за этот первый период возрос с 7000 до 11 000. Из двенадцати номеров было конфисковано 5 (№ 2, 7, 8 за 1928 г. и № 2, 4 за 1929 г.; с мая 1929 г. по октябрь 1930 г. было конфисковано 12 номеров, из них за 1929 — № 6, 8, 9, 10).

Однако, уже с конца 1928 г. НАПФ ясно осознал необходимость перестройки «С.». По мере развития пролетлитературного движения, разносторонность функций журнала начинала мешать развитию каждой из них. С одной стороны журнал был крайне стеснен в постановке во всю ширь организационных и теоретических вопросов искусства, с другой — для массового журнала он и так был перегружен специальными теоретико-литературными вопросами, а в то же время в нем многого нехватало, публицистическая часть страдала отрывочностью и поверхностностью; создание подлинного массового агитационно-пропагандистского журнала становилось неотложной задачей, осознававшейся НАПФ, выдвинувшим лозунг «массовизации искусства». Таким образом возникло решение функции «С.» разделить: роль организационного и теоретического органа НАПФ была возложена на новый журнал «Napf» (см.), а «С.» был превращен в массовый журнал, издание которого с октября 1930 г. осуществлялось только формально НАПФом.

Перестройка привела к обогащению содержания «С.». Затрагиваемые им вопросы получили углубленное и разработанное освещение. Журнал стал давать обобщающие статьи по отдельным текущим вопросам революционного движения. Были введены пропагандистские популярно-научные статьи (kōza). В связи с развитием рабкоровского движения (благодаря «С.» же) был значительно расширен отдел рабочих и крестьянских корреспонденций; систематически освещалось организованное рабочее и крестьянское движение (рабочие стачки, аграрные конфликты и т. п.). Кроме того, освещалось международное революционное движение, соцстроительство СССР и т. д. В художественном отделе сотрудничали лучшие писатели НАПФ и помещались переводы советской литературы. (В «С.» были напечатаны такие вещи, как «Улица без солнца» Токунага, «Краболов» Кобаяси, по линии переводов «Разгром» Фадеева и т. п.).

Приведем в виде примера содержание одного номера (№ 9 1930 г., стр. 234)

Вначале 8 страниц фото (рабочие демонстрации в Индии, антимилитаристические демонстрации в Китае, стачки в Японии и т. п.), 6 страниц рисунков и карикатур японских пролетарских художников (МЮД, Красный спорт).

Четыре статьи: «Приветствуем международный юношеский день», «Развитие китайской революции», «Шестнадцатый съезд ВКП(б)» (с 19 фотоснимками). «Великое землетрясение и неудача фашистского переворота». Кроме того, научно-популярная статья «История международного юношеского движения». (Всего 53 стр.)

Отдел: «С заводов, из деревень» (37 стр.) 11 рабочих корреспонденций из Токио, Осака, Кобэ, префектур Тоттари, Наиано, Окинава. 7 из них о стачках на местных заводах, 3 о борьбе с социал-демократизмом. Женский отдел (18 стр.). Статейка «О непрерывке в СССР» (с четырьмя фотоснимками). Письмо работницы из Юго-Славии («Год под властью фашистской военной клики»). Корреспонденция о конфликте в Токиоской больнице и др.

Юношеский отдел (16 стр.) с 3 фотоснимками: 2 статьи, разоблачающие буржуазные молодежные организации, одна о рабочем спорте. Раздел «Пионеры борются повсюду». 4 письма с мест об участии молодежи в крестьянских и рабочих конфликтах.

Отдел «Наш словарь». (Между прочим объяснение слов «комсомол», «колхоз»).

Отдел «Рекомендуемые книги» (8 стр петитом). Рецензии на книги: «Безработица и борьба с ней», «О корейском вопросе» (обе изд. Сэнкися); «Лекции по китайскому вопросу» (изд. Инст-та пролет. науки) и I и II тт. собрания сочинений Сано Гаку.[1]

Отдел «Под знаменем „С.“» и «Красный уголок» — разные письма в редакцию (11 стр.) 11 писем, часть о мелких конфликтах, одно из Манчжурии, одно из Кореи, 2 — советских рабочих-эсперантистов и т. п.

В художественном отделе (60 стр.) 2 рассказа, одна повесть с продолжением, 2 стихотворения пролетарских писателей и поэтов.

Сверх нумерованных еще 19 стр. книжных и журнальных объявлений, между прочим полное содержание очередных номеров журналов: «Юношеский Сэнки», «Напф», «Пролетарская наука», «Пролетарский театр», «Пролетарское кино», «Новая педагогика».

Благодаря широте и актуальности своего содержания, благодаря четкой революционной линии, «Сэнки» являлся популярнейшим легальным революционным журналом. Тираж его

[1] Один из виднейших членов японской компартии, ученый (историк).

к марту 1930 г. дошел до 23 000. Читатели его были преимущественно из среды революционного рабочего авангарда и левой интеллигенции (главным образом студенчества).

Особо надо отметить деятельность «С.» по работе с читателями. Програмку, намеченную «Zen'ei» (см.), «С.» развил и осуществил. По всей стране были открыты отделения «Сэнки» (Senki-shikyoku), в задачу которых входило между прочим распространение изданий «Сэнкися», сбор материалов и т. п., главным же образом организация кружков читателей в целях культурно-воспитательной работы, широкая агитационно-пропагандистская деятельность, участие в революционной борьбе на предприятиях, политических кампаниях и т. д. Из среды участников этих повсеместно организованных кружков появились первые организованные рабселькоры. Отделения «Сэнки» организовали и всемерно расширяли рабселькоровское движение, привлекая к нему возможно более широкие круги рабочих и крестьян под общим руководством журнала, с самого начала придававшего этому движению особое значение. По вышеприведенному содержанию журнала видно, насколько широко это движение развилось. Агитационная деятельность этих отделений имела большое значение для развития рабочего движения.

«С.» закрылся в связи с перестройкой пролетлитературного движения (см. введение). На четвертом году его существования стало ясно, что и самый журнал и его «отделения» должны быть перестроены, первый — в сторону большей доступности, т. е. массовости, вторые — в смысле ликвидации «сектантской замкнутости». В этих отделениях создался известный отрыв от рабочих масс, отпугивание рабочих, которым «С.» не сразу был доступен, замыкание в «авангардистских» группах и даже такое уродливое явление, как подмена одним чтением «С.» активного участия в революционной борьбе. Отделения, сыгравшие в свое время большую положительную роль, становились тормозом. После ликвидации их на их месте на новых началах были основаны «культурные кружки» (bunka-sākuru), (об организации «литературных кружков» см. «Bungaku shimbun»). На смену «С.» был создан журнал «Taishu no tomo» (см.).

Senpeiki (Сэнпэйки — «Знамя аванпоста»). 1929 г., см. Bungei chokusen.

Sentō bungei (Сэнто бунгэй — «Боевая литература»). VIII 1924 — IV 1925.

Революционный литературный журнал, издававшийся группой студентов исследовательского иститута при Университете Васэда. Журнал не дал ничего ценного ни теоретически, ни художественно, имел очень ограниченное распространение, но сыграл некоторую роль в пролетлитературном движении своим революционизирующим воздействием на «Bungei Sensen». Участники его впоследствии отошли от литературы.

Shimun — см. «Neppu».

Shinkō bungaku (Синко бунгаку — «Новая литература»).[1] XI 1922 — VIII 1923.

Коммерческий литературный журнал, посвященный главным образом пролетарской литературе. Поскольку собственные органы пролетлитературы были слабы и ограничены, а в буржуазные журналы она доступа не имела, «С. Б.» имело большое значение, давая пролетлитературе возможность проникать в широкие круги интеллигенции и мелкой буржуазии. Редактором «С. Б.» был вначале Ямада Сэйдзабуро, потом Ито Кон. В журнале печатались и так наз. ранние пролетписатели Найто Тацуо, Ёсида Канэсигэ, Араи Киити, Фудзии Мадзуми, а также начинающие деятели пролетлитературы Накано Масандо, Маэдако Коитиро, Хирадзава Кэйсити и др.

Shisenko (Сисэнкō). 1927 г., см. Barikedo.

Shonen Senki (Сёнэн Сэнки — «Детский Сэнки»). V 1929 — как приложение к Senki. X 1929 — XI 1931 — самостоятельно. Ц. 5 сен, изд. Senkisha.

Детский агитационно-пропагандистский журнал, представляющий дополнение к журналу «Senki». Первый детский журнал, полностью претворивший в действительность лозунг о создании пролетарской детской литературы. В легкой, доступной для детей форме «С. С.» вводил детей в понимание революционной борьбы, рассказывал о рабочем движении в Японии и т. д. Много внимания уделялось СССР, пионерскому движению. К участию привлекались, помимо детских, также «взрослые» писатели НАПФ (Тогунага Наоси, Киси Сандзи, Эгути Кан и др., из детских отметим, Макимото Кусуро, Ино Сёдзо). «С. С.» развил деткоровское движение.

Sōsaku gekkan (Сосаку гэккан — «Творческий ежемесячник»). II 1928—1929.

Коммерческий литературный журнал изд. «Bungei shunshu-sha» печатавший, наряду с буржуазными писателями разных направлений, также пролетписателей НАПФ. Никакой органической связи с пролетлитературой не имел.

Taishu no tomo (Тайсю но томо — «Друг масс»). II 1932 г. — до наст. времени. Размер 130—150 стр., ц. 25 сен, изд. Федерации пролетарской культуры (Nihon proretaria bunka remmei shuppanjo).

Массовый революционный агитационно-пропагандистский журнал, издающийся взамен «Senki» (см.). Сохраняя общие установки последнего, «Т. но Т.» однако ставит своей задачей подлинную массовость, т. е. проникновение не только в авангард, но в самую толщу рабочих и крестьянских масс, а также трудящейся мелкой буржуазии. Содержание журнала легче, язык проще (в частности почти во всем тексте введена furigana). Значительно большее внимание уделяется популярным пропагандистским статьям по политическим и экономическим вопросам.

Tanemaki zasshi (Танэмаки дзасси — «Журнал Танэмаки»).

Брошюры (а не журнал), выпущенные издательством «Tanemaki-sha» в январе 1924 г.,

[1] Не смешивать с одноименным журналом, приложением к серии японской литературы «Shinko bungaku zenshu», выходившим в конце двадцатых годов.

посвященные памяти убитого в дни террора во время землетрясения в сентябре 1923 Хирадзава Кэйсити — основателя японского пролетарского театра — и семи убитых с ним рабочих. Инициаторы и составители брошюры — Комаки Оми, Канэко Ёбун, Мацумото Хиродзи.

Tanemaku hito. На эсперанто La Semanto (Танэмаку хито — «Сеятель»).

1. II 1921 — V 1921.

Тонкий литературный журнал, издававшийся в провинции (преф. Акита) группой молодых литераторов, осенью того же года возобновивших издание журнала в Токио. Основателем этой группы был Комаки Оми, участвовали (из членов второго «Т. Х.») Канэко Ёбун, Имано Кэндзо. Журнал не имел никакой положительной программы, основой его был расплывчатый протест. «Этот журнал родился из убеждения, что больше терпеть исполненную лжи и обмана современную жизнь нельзя. Надо что-то делать» (из обращения редакции в конце № 1). Все же направление интересов сказывается, напр., в сочувственной статье о Третьем Интернационале и т. п. Ничего значительного на этом этапе журнал не дал и существование его впоследствии было почти позабыто.

2. X 1921 — VIII 1923. Размер 100 стр., изд. «Tanemaki-sha».

Общественно - политический литературный журнал, основание которого считается началом пролетлитературного движения; ведущий революционный журнал за указанные годы.

Инициаторами его издания явилась группа, издававшая ранее одноименный журнал в Акита. К этой группе присоединились Мурамацу Масатоси, Сасаки Такамару, Мацумото Хиродзи, Янасэ Масаму. В 1922 г. Ямакава Рё, Хирабаяси Хацуноскэ, Цуда Кодзо, Мацумото Дзюндзо, Уэно Торао, Сано Кэсами, Муто Наохару. В 1923 г. — Аоно Суэкити, Ямада Сэйдзабуро, Маэдако Коитиро, Наканиси Иноскэ.

Установки журнала вначале носили довольно неопределенный характер. «Т. Х.» объединил разнородные элементы, общим для которых была расплывчатая революционность, сильно окрашенная идеалистическим гуманизмом. Декларация (№ 1) носила в высшей степени идеалистический характер: «Когда-то человек создал богов. Теперь человек убил богов... Боги должны быть убиты. Убиваем их — мы. Признают их наши враги... Истина абсолютна... Мы сражаемся за современную истину. Мы хозяева жизни. Мы ради жизни защищаем истину».

Однако на практике журнал взял гораздо более четкую, революционную линию. С самого начала его отличало то, что, выступая по заголовку, как чисто литературный («творчество и критика»), он на деле взял курс на революционную публицистику, отстаивая лозунг «искусство — крыло революционного движения» (так наз. hitoha-shugi). Уже в № 1, наряду с декларацией, помещено политически яркое «Воззвание к мыслителям о помощи голодающим в Советской России». «Ради людей, которые боролись за пролетариат, ради людей, которые и теперь продолжают бороться, ради пионеров мировой революции мы не должны оставаться в стороне». С этого же номера введен «Международный отдел» (sekai-ran), впервые дающий систематическую информацию о международном революционном движении. № 2 — специально антимилитаристический. В дальнейшем, помимо специальных номеров (№ 16, т. е. № 2-й за 1923 г. — посвящен движению японских париев «suiheisha-undo»; № 17, т. е. № 3-й за 1923 г. — международному женскому дню и т. п.), «Т. Х.» провел следующие кампании: сбор пожертвований в пользу голодающих в России, движение протеста против проекта так наз. «Закона об опасных мыслях», протест против ареста Ганди; впервые в Японии отметил устройством вечера-митинга Международный день работницы, устроил вечер в ознаменование 5-й годовщины Октябрьской революции; вступил в «Союз невмешательства в дела России» и в «Общество помощи жертвам борьбы пролетариата» и др.

Хотя эта деятельность протекала вне тесной связи с рабочим движением, велась в несколько замкнутом интеллигентском кругу, но в ту пору шаткости и недолговечности общественно-политических организаций («Японский социалистический союз» был распущен в мае 1921 г., просуществовав едва полгода), она все же имела большое значение.

В области чисто литературной «Т. Х.» принадлежат большие заслуги в смысле борьбы за основы марксистского искусствознания. Главными теоретиками «Т. Х.» были Хирабаяси, затем Аоно. «Т. Х.» впервые выдвинул положение об исторической и классовой обусловленности искусства, о том, что искусство должно быть классовым оружием, — крылом обще-пролетарского движения. В «Т. Х.» были напечатаны статьи «Исторический материализм и литература» «4-е сословие и литература», «Искусство пролетариата», «Литература и рабочее движение» и др. Эти азбучные истины марксистской теории литературы вызвали резкий протест буржуазных писателей. С целью противодействия «пропаганде» «Т. Х.» был даже создан журнал «Bungei shunshu», боровшийся за «вечность» и «надклассовый характер» искусства и т. п.

Собственно художественной литературе уделялось меньше всего внимания. Большинство произведений пролетписателей печаталось в других журналах («Shinko bungaku», «Bungaku sekai» и др.) и поэтому по «Т. Х.» нельзя судить о состоянии художественной пролетлитературы в этот период. «Т. Х.» закрылся в связи с землетрясением. Продолжением его явился «Bungei sensen» (см.).

Tōsō geijutsu (Тосо гэйдзюцу — «Боевое искусство»). II 1928 — IV 1928.

Орган «Лиги деятелей боевого искусства» (Tōsō geijutsu remmei), революционной художественной организации, не имевшей влияния в силу отсутствия в ней крупных деятелей искусства. Главные члены: Суи, Ямасита Итиро, Ёсинага и др. В апреле 1928 г. Лига влилась в НАПФ, в связи с чем выход журнала прекратился.

Warera shonen (Варэра сёнэн — «Наша молодежь»).

II 1932 — до наст. времени.

Размер 60—80 стр., изд. Федерация пролетарской культуры (Nihon proretaria bunka remmei shuppanjo).

Революционный молодежный журнал, издающийся взамен «Shonen Senki» (см.), сохраняя общие установки последнего, с поправкой на большую массовость.

Zen'ei (Дзэн'эй — «Авангард»).[1]

I 1928 — IV 1928. Размер 200—220 стр., ц. 35 сен, изд. Zen'ei gejutsuka domei.

Орган «Союза деятелей передового искусства» (Zen'ei geijutsuka domei). Основами Союза были «Объединение деятелей искусства на основе воинствующего марксизма и борьба в качестве крыла освободительного движения пролетариата (№ 1 «Принципы»). Основной задачей Союза, осуществляемой с помощью журнала, была борьба с четко обозначившимся в это время оппортунизмом в пролетлитературном движении, т. е. группой «Bungei sensen» (см.), путем раскола с которой «Дз.» образовался. Разоблачению политического оппортунизма последнего, преодолению эклектизма в теории искусства и созданию революционно - марксистской теории литературы посвящен весь теоретический отдел «Дз.» (главный теоретик Курахара)

«Дз.» сохранил конструкцию «Bungei sensen», т. е. соединение литературного и публицистического материала; в журнале, помимо теоретических и критических литературных статей и художественного отдела, помещалась информация о международном революционном движении (преимущественно революционном искусстве), статьи по рабочему движению в Японии, освещались текущие кампании и т. п. Это обусловило почти такое же распространение журнала, как и «Бунгэй сэнсэн» — тираж «Дз.» колебался между 6000—7000.

Особо надо отметить деятельность «Дз.» в области работы с читателями. «Дз.» выдвинул программу такой работы в виде организации «кружков читателей „Дз.“», задачей которых ставилось изучение и широкая пропаганда революционного искусства, а также марксизма. Ввиду кратковременности существования «Дз.» работа эта не могла полностью развернуться — она была в значительно расширенном и углубленном виде осуществлена «Senki» (см.).

В «Дз.» принимали участие почти исключительно члены Союза, а именно: Фудзимори Сэйкити, Курахара Корэхито, Ямада Сэйдзабуро, Хаяси Фусао, Тагути Кэн'ити, Накано Масандо, Уэно Софу. Макимото Кусуро, Кавагути Дзо, Мураяма Тиги, Сасаки Такамару, Огава Син'ити, Хасимото Эйкити, Ниги Дзиро и др.

«Дз.» закрылся в связи с слиянием Союза с Лигой, издававшей «Proretaria geijutsu» (см.). После образования ими «НАПФ» на место обоих журналов стал выходить «Senki» (см.).

Zensen («Дзэнсэн» — «Передовая линия»). V 1931 — VIII 1931.

Орган «Второго Союза» «Долой Бунсэн», см. Bungei sensen. *Н. Фельдман.*

[1] Не смешивать с одноименным политическим революционным журналом, выходившим в 1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ ТУРЕЦКОГО ЖУРНАЛА «KADRO»

Ankara, 1932

№ 1. (3).[1] [Передовая статья, определяющая задачи журнала.] — Şevket Süreyya. Психология революции. Пессимизм. (4—7). [Революция приносит с собой борьбу различных идеологий. Анализ пессимизма, как идеологии враждебной турецкой революции.] — Vedat Nedim, Dr. От колониальной экономики к национальной (8—11). [Задачи Турции в деле построения национальной экономики. Роль плановости.] — Ismail Husrev. Характер финансового кризиса в сырьевых странах (12—17). [Отражение мирового финансового кризиса в странах, производящих сырье. Приведены статистические данные. Отражение мирового финансового кризиса в Турции. Важнейшие мероприятия турецкого правительства по борьбе с финансовым кризисом.] — I. H. В каком состоянии мировой кризис (18—19). [Краткая хроника о кризисе в Европе и Америке.] — I. H. Влияние кризиса на американскую промышленность (19—21). [Приведена сравнительная таблица прибылей различных компаний за 1929, 1930 и 1931 гг., отражающая кризис в американской промышленности.] — Разваливающаяся мировая система (22—28). [Анализ причин, породивших мировой экономический кризис. Характер кризиса в отдельных странах. Задачи Турции в создании новой экономической системы.] — Yakup Kadri. Что осталось нам от поэтов (29—31). [Крупнейшие литературные памятники европейских поэтов и важнейшие литературные направления. Перспективы развития литературы.] — Şevket Süreyya. Некая фантазия или местный пророк (32—38), [Критика книги Hilmi Ziya Bey'a «Мораль любви». критика философской системы автора.] — B. A. Наша революция и халифат (39—41). [Реакционность халифата, как агента империализма.] — V. N. День книги (42). [О необходимости организации дня книги, когда писатели сами бы продавали свои произведения.] — V. N. Деревенские лагеря для борьбы с неграмотностью (43—44). [Об использовании каникулярных месяцев городских учеников и молодежи для борьбы с неграмотностью в деревне.] — B. A. Китай и Индия (45—47). [Краткий очерк современного положения в Китае и Индии.] — Неделя сбережений и местных товаров (48). [Описание недели сбережений и местных товаров, проведенной в Турции 12 декабря 1931 г.]

№ 2. (3—4). [Передовая посвящена задачам журнала.] — Şevket Süreyya. Революционный энтузиазм (5—8). [За революционный энтузиазм и коллективизм, против инертности и индивидуализма.] — Vedat Nedim, Dr. От колониальной экономики к национальной (9—14). [Продолжение (см. Kadro № 1). Турция должна показать колониальным странам путь перехода в области промышленности, сельского хозяйства и торговли.] — Ysmail Husrev. Техническая революция в сельскохозяйственной экономике (15—21). [Краткий очерк развития техники в сельском хозяйстве Европы и Америки XVII—XX вв. Сельскохозяй-

[1] Цифры в круглых скобках обозначают страницы номера журнала.

ственная техника в Турции и задачи, стоящие перед Турцией в этой области.] — Burhan Asaf Темные дела усопшего (22—25). [Вопрос об оттоманских долгах в современной Турции.] — Yakup Kadri. Национальное сбережение и народная литература (26—28). [Об отражении текущей политики в народной литературе.] — Şevket Süreyya — Зия Гёк Альп (29—40). [Полемическая статья в ответ на книгу Ali Nüzhet Bey'а «Жизнь Зия Гёк Альпа и его мальтийские письма».] — Ş. S. Турецкое табаководство и экономический этатизм (41—45). [Роль табаководства в турецком хозяйстве, роль турецкого табака на мировом табачном рынке и перспективы дальнейшего развития турецкого табаководства.] — I. H. Проблема серебряной монеты (45—46). [О введении в обращение серебряных денег.] — Y. K. Специалист (47). [О подготовке специалистов и о постановке учебы в Стамбульском университете.] — I. H. Некоторые цифры о мировом кризисе (48).

№ 3. (3—4). [Передовая посвящена основной проблеме философии — взаимоотношению материи и духа.] — Şevket Süreyya. Кончилась ли революция (5—10). [О дальнейшем развитии турецкой революции. Взаимоотношения Турции как революционной страны с другими странами.] — Burhan Asaf. Азия (11—16). [О причинах отсталости азиатских стран и об особых, по сравнению с Европой, путях развития азиатских национальностей.] — Yakup Kadri (17—18). [О воздействии общества, коллектива на художника и об общественном контроле над литературой.] — Şevket Süreyya. Господство над природой (19—24). [Проблема развития техники в сельском хозяйстве Турции. Преимущества общественно-экономической системы Турции перед Европой.] — Ismail Husrev. Формы задолженности в турецкой с.-х. экономике (25—34). [Отсталость турецкого с. х. и ее причины. Недостаточная товарность, отсутствие специализации районов и другие тормозящие факторы в развитии с. х.: издольщина, ростовщичество. Задачи Турции в области интенсификации с. х.] — Ş. S. Народные дома (35—37). [О роли народных домов в деле воспитания нового поколения.] — Хроника: Турецкий голос на выставке в Лейпциге (38—39). [Описание Турецкого павильона на Лейпцигской выставке в марте 1932 г.] — M. Z. Республиканский центральный банк (39—47). [Роль центрального банка в нац. сберегательном движении Турции. Описание его деятельности и движения капиталов.]

№ 4. Передовая, посвященная вопросу революционной идеологии (3—4). — Şevket Süreyya. Вопрос нового поколения [5—9. О воспитании нового поколения молодежи.] — Ismail Husrzev. Земельная рента в турецкой сельской экономике (10—14). [Формы издольщины и формы земельной ренты в сельском хозяйстве Турции и их влияние на развитие последнего.] — Yakup Kadri. Начало трагедии (15—17). [По вопросу о развитии литературы.] — Mümtaz Ziya. Проблема опиума (18—25). [Производство опиума в Турции и другие странах. Положение опиума на мировом рынке и задачи Турции в опиумном производстве.] — Vedat Nedim, Dr. Крюгер, Гитлер, Гете (26—30). [Очерк политико-экономического состояния Германии в связи с приходом к власти Гитлера.] — Şevket Süreyya. Почему убил себя Бенержи (31—39). [Полемическая статья в ответ на книгу Nazim Hikmet'а: «Benerii Kendini niçın öldürdü?». Автор дает краткий очерк развития творчества Назим Хикмета и упрекает его в идеализме и символизме, в оторванности от современной жизни Турции — в разбираемом произведении.] — Y. K. Оливковая Гора (40—42). Рецензия на последнее произведение Falih Rıfkı — «Zeytindagi». — I. H. Движение населения в Азии (42—44). [Рост населения государств азиатского материка за последние годы.] — Y. K. Не тронем старого (44—55). [Против схоластических наук.). Общий обзор мировой конъюнктуры (45—46).

№ 5. (3—4). [Передовая.] — Şevket Süreyya. О плане (5—12). [Теоретический анализ понятия — «план». Планирование в европ. странах и СССР. Роль турецкой национальности в развитии высокой техники и планирование в Турции.] — Vedat Nedim. Турция в изменившихся мировых отношениях (13—18). [О внешней торговле Турции в связи с изменившейся под влиянием кризиса обстановкой на мировом рынке и о вопросе монополии внешней торговли.] — Ismail Husrev. Ручная промышленность в Турции (19—24). [Краткий очерк развития турецкой ремесленной промышленности и разрушения ее под влиянием иностранной конкуренции до нац. революции. Характер ремесл. промышл. в современной Турции.] — Burhan Asaf. Товарные кредиты и труд турка (25—28). [По поводу товарного кредита, открытого СССР Турции в 1932 г., и о советско-турецких торговых отношениях.] — Yakup Kadri. Беседа с Максимом Горьким (29—30). [По поводу беседы с М. Горьким о пролетарской литературе.] — Şevket Süreyya. Многонаселенная Анатолия (31—36). [Об увеличении населения Турции.] — V. N. Произведение, подкрепляющее «Kadro» (37—38). Рецензия на книгу Werner Sombart «Будущее капитализма» («Die Zukunft des Kapitalismus» — Berlin, 1932). — 1932—1933 (39). [Сводка из «Berliner Tageblatt» о состоянии мирового кризиса в производстве Европы и Америки.] — Земледельческие кооперативы в Турции (40—42). [Типы с.-х. кооперативных организаций в Турции. Кредитная система Земледельческого банка.] — B. A. Оттавская конференция (43—44). [О сущности и значении Оттавской конференции.] — B. A. Японо-манчжурский вопрос (44—46). [Об оккупации Манчжурии Японией.] — V. N. О третьей нац. промышленной выставке (47—48). [О значении нац.-промышлен. выставки.]

№ 6. (3—4). [Передовая — посвящена вопросу об отношениях СССР, Турции и Италии в связи с поездкой Исмета-паши.] «Kadro» и «Die Tat» (5—8). [Ответы немецкого журнала «Die Tat» на вопросы «Kadro» по национально-освободительному движению в колониях.] — Şevket Süreyya. Отсталая техника и презренность труда (9—12). [Об основных факторах экономического развития Турции — национ. правительство + передовая техника + плановое развитие + достойный труд.] — Vedat Nedim, Dr. Почему и какая индустриализация нам нужна (13—18). Проблема индустриализации Турции и вопрос планирования всех областей хозяйственной жизни] — Yakup Kadri. Художественный энтузиазм (экстаз). (19—20). [Анализ понятия «художественный энтузиазм».] — Ysmail Husrev. Займы Лиги наций и националь-

ные вмешательства (21—29). [Финансовый кризис в Европе и займы Лиги наций, как источник подчинения мелких европейских государств крупным.] — Обзор. (30—36). [Проблема технического развития и прогресс общественной идеологии. Разрешение этих проблем в Америке, Европе и Турции.] — Yakup Kadri. Анкара — Москва — Рим (37—40). [Великая французская революция и развитие принципов ее в других странах; продолжение статьи в следующем номере.] — Şevket Süreyya. Феодал и Дерсим (41—45). [Отклик на книгу Neşit Hakkı Bey'a «Derebeyi ve Dersim». Автор анализирует феодализм вообще, затем происхождение феодализма в турецк. Курдистане. Задачи Турции в борьбе с курдским феодализмом. — Ş. S. — «Kadro» и «Известия» (46—47). [Ответ на статью в «Известиях» от 28 V 1932 г. «Социальное лицо новой Турции» по вопросу о кризисе в Турции.] — Ş. Ş. «Kadro» и «Elmuhadenet» (48). [Обзор откликов арабской газеты «Elmuhadenet» на статьи «Kadro».

№ 7. Передовая. — О роли турецкой революции (3—4). — Şevket Süreyya. Суть «Европоцентризма» (5—10). [Суть и история «Европоцентризма», влияние его на историю Турции.] — Vedat Nedim. Против кредитования застывшего земледелия (11—15). [Проблема технического развития и повышения рентабельности сельского хозяйства Турции и кредитование его.] — Ismail Husrev. Феодальный режим в Турции (16—23). [Исторический очерк феодальных отношений в Турции до национальной революции.] — Yakup Kadri. Личность и индивидуальность (24—25). [Об индивидуализме.] — Burhan Asaf. Культура машины (26—31). [Проблема развития техники в Европе и Америке в связи с мировым кризисом и машинизация Турции.] — Yakup Kadri. Анкара — Москва — Рим (воспоминание) (32—35). Продолжение [см. «Kadro» № 6]. О русской революции и отличии ее от турецкой революции. (Продолжение следует). — Ismail Husrev. О понятии плана (36—43). [Полемическая статья в ответ на критику Ахмет Хамди Бея — «Кооперативный сборник» № 2.] Статьи Шевкета Сюрейи «О плане» [«Kadro» № 5]. — В. А. Три лица Лозаннских соглашений (44—48). [О финансовой и кредитной системах в Европе.]

№ 8. (3—5). [Передовая — О десятилетней годовщине турецкой революции 30 августа 1933 г.] — Şevket Süreyya. Основные принципы национально-освободительных движений (6—12). [Теоретическая статья о нац.-освободит. движениях. Турецкая нац.-рев. берется как классический тип нац. револ. для колониальн. и полуколониальн. стран.]. — Vedat Nedim, Dr. Организация принципа не есть организация дела (13—17). [Рациональное использование природных богатств и климатических условий Турции в развитии ее хозяйства. О роли этатизма в этом деле.] — Burhan Asaf. Отрывок, извлеченный из протоколов 592-й конференции (18—26). [Выступления отдельных делегатов конференции по вопросам финансов, военных долгов и др.] — Yakup Kadri. О кризисе литературы (27—29). [Об отставании литературы от темпов современной общественной политической жизни Турции.] — Ismail Husrev. Феодальный режим в Турции (30—35). [Разложение феодализма в Турции.] — Burhan Asaf. Фашизм и турецкое национально-освободительное движение (36—39). [Отличие турецкой национальной революции и республики от фашизма] — Şevket Süreyya. Клуб полуинтеллигентов (40—43). [Ответ на статью Бея о том, что «Kadro» непонятен. Разъясняется сущность полуинтеллигенции и задачи «Kadro».] — Виноградный вопрос (44—46). [Проблема виноградарства и проблема сбыта продукции винограда. Даты, цифры.] — В. А. Отставший университет (47—48). (О необходимости перестройки по новому работы университета.]

№ 10. (3—4). [Передовая, посвящена языковому съезду.] Şevket Süreyya. Внутренний рынок и «целостность» в экономике (5—12). [Планирование турецкого хозяйства. Дифференциация и специализация производящих с.-х. районов. Увязывание с.-х. производства с промышленностью, развитие внутреннего рынка.] — Vedat Nedim. Право «вето» государства в экономических делах и министерство экономики в различных областях экономической жизни страны. — Ysmail Husrev. Движение национального капитала в Турции (20—25). [О правильном распределении капиталов в различных областях промышленности. Роль этатизма в этом деле.] — Yakup Kadri. Отечественные поэты и народная литература (26—27). [О необходимости изучения наряду с классической литературой народной литературы в связи с языковым строительством.] — Burhan Asaf. Кончился ли мировой кризис (28—39). [Изложение трех точек зрения на кризис: классической школы политэкономии, Карла Маркса и точки зрения нац. революции. Рассмотрение состояния современного кризиса во всех странах. Мировой кризис и задачи Турции.] — Yakup Kadri. Анкара — Москва — Рим [40—43). [Продолжение. см. «Kadro» № 6, 7. О культурной революции в СССР. Сравнение степеней проникновения революции в обыденную жизнь СССР и Турции.] — Neşet Halil. Революция и кадры (44 и 46). [Рецензия на книгу Şevket Süreyya «Inkilâp ve Kadro» — Istanbul 1932.] — I. H. Произведение (46—48). [Рецензия на книгу Hüseyin Avni Bey — «Bir yarım müstamleke oluş tarihi» Istanbul 1932].

№ 11. (3—4). [Передовая — посвящена вопросу о мировых противоречиях переживаемой эпохи.] — Şevket Süreyya. Сахарная независимость и 160 000 тонн турецкого сахара (5—16). [Сахарная промышленность Турции и перспективы ее развития. Об увеличении производства свекловицы.] — Vedat Nedim. Бесклассовость и экономическая политика (17—21). Об основной проблеме турецкой революции; организация бесклассового и безантагонистического, национального государства и об увязке с этой проблемой всей экономической политики. Этатизм.] — Ismail Husrev. Феодализм в восточных вилайетах (22—29). [Описание экономико-географических условий восточных вилайетов. Род занятий населения и производственные отношения. Продолжение следует. — Yakup Kadri. Обнаженное слово (30—32). [О значении слова в литературном творчестве.] — Burhan Asaf. Голос нашей революции (33—37). [О необходимости расширения выпуска литературы, отражающей революцию, и о значении этой литературы.] — Yakup Kadri. Анкара — Москва — Рим (38—40). [Продолжение, см. «Kadro» №№ 6,

7, 10. Сравнение общественно-организационной структуры Италии, СССР и Турции.] — Behçet Kemal. Марш миллионов (41). Стихи. По поводу критики (42). [О значении «Kadro» и развертывании борьбы вокруг проблем, затрагиваемых в журнале.] — Şevket Süreyya. Бергсонизм, или философское объяснение страха (43—50). [Полемическая статья в ответ на письмо Мустафы Шекип бея, обвиняющего «кадристов» в подмене теории и науки голым материализмом и рационализмом (увлечение техникой). Критика идеалистической философии Бергсона, на точке зрения которой стоит Мустафа Шекип бей.]

А. Тверитинова.

СОДЕРЖАНИЕ ЯПОНСКИХ ЖУРНАЛОВ, ПОЛУЧЕННЫХ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Keizai ōrai, Tokio, 1932, N. Mihonhyōronsha

№ 7. Hasegawa, N. Myozekan. Капитализм, N. империализм и японизм, стр. 1—15. — Yasuoka, Masaatsu. Узость японизма, стр. 16—19. — Rozan, Seido. О Японии и о мире, стр. 20—28. — Matsunaga, Zai. Что такое японизм, стр. 29—36. — Matsumoto, Junichirō. Социальные отношения японизма. [Исследование японизма. Является ли японизм жизненным принципом. Социальная концепция японской идеологии. Японизм и новый этап. Полезен ли японизм], стр. 43—50. — Nakatani, Buse. Вторичное исследование японизма. [Основы японизма. Международные принципы японизма. Политические принципы японизма. Экономический базис японизма. Японизм, как национальная религия], стр. 56—59. — Ischihama, Tomoyuki. Перспективы экономического японизма. [Значение Манчжурии для Японии. Доктрина Монроэ для Востока], стр. 71—77. — Hijikata, Shigeyoshi. Японизм и фашизм, стр. 78—87. — Hirata, Shinsaku. О руководящем духе военных кругов, стр. 112—119.

№ 8. Hijikata, Shigeyoshi. Критический момент и плановая экономика. [Меры, принимаемые по отношении к критическому моменту. Необходимость плановой экономики. Организация органов планирования. Денежная система. Положение торговли. Денежное обращение. Государственные и частные предприятия.], стр. 1—11. — Araki, Mitsutarō. Падение вексельного курса и снижение паритета, стр. 62—74. — Itō, Junshi. Японо-китайский конфликт и Лига наций, стр. 130—151. — Takasu, Yoshijirō. История японизма за последние десять лет. [Возрождение японизма. Японизм последних лет.], стр. 176—179. — Sasa Hirōo. Кабинет Саито и реформированный парламентаризм. [Помощь деревне. Признание Манчжурии. Реформа парламентаризма.], стр. 187—195. — Baba, Eichi. Мероприятия к ликвидации кризиса в деревне. [Важность вопроса. Финансовое положение. Меры, принимаемые правительством. Задолженность крестьянских хозяйств. Трехлетний меморандум. Плановая экономика.], стр. 246—258. — Tadokoro, Kimei. Крестьянское движение на повороте. [Поворотный период японского аграрного движения. Система устройства японских деревень. Бедность. Аграрный кризис Японская деревня на третьей ступени бедности. Исследование политического движения в японских деревнях.], стр. 268—280. — Takahashi, Kamekichi. Критика мероприятий в отношении голодающей деревни. [Необходимость изменения политики в аграрном вопросе.], стр. 281—297.

№ 10. Hashizume, Akio. О контроле над японским денежным обращением. [Производство и распределение. Система японского производства и денежное обращение. Современное положение японского денежного обращения.], стр. 2—19. — Kamikawa, Hikomatsu. Каково отношение Лиги наций к Японии. [Содержание доклада Литтона. Как был принят доклад Литтона. Мероприятия Лиги наций. Борьба крупных и мелких держав.], стр. 20—30. — Itō, Jutsushi. О выходе Японии из Лиги наций, стр. 31—37. — Yoneda, Minoru. Лига наций, Япония и Манчжуго. [Отношение Лиги наций к манчжурскому вопросу.], стр. 38—48. — Saegusa, Shigetomo. Самоликвидация Японии в Лиге наций. [Японо-китайский конфликт. Признание Манчжоуго.], стр. 48—58. — Kishii, Jurō. О выходе Японии из Лиги наций. [Общее разрешение манчж.-монг. вопроса. Лига наций, теряющая почву под ногами.], стр. 48—67. Furukaki, Tetsurō. До признания Манчжуро-Монгольского государства. [Манчжурский вопрос и международные отношения. II-й параграф договора и деятельность обследовательской комиссии. Сущность деятельности комиссии.], стр. 68—83. — Shinobu, Kyohei. Основное условие признания Манчжоуго. [Японо-Манчжурский союз и взаимоотношения с Лигой наций.], стр. 93—100. — Oyama, Ujirō. Война и экономическое положение Японии. [Возможность японо-американской войны. Манчжурия, как источник снабжения.], стр. 172—180. — Mizunō, Kōtoku. Японо-американская война и позиция Англии и России [Будет ли война между Америкой и Японией. Манчжурия, как один из основных вопросов японо-американского конфликта. Позиция Англии. Отношение сов. России.], стр. 139—150. — Miyajima, Nobuo. Перспективы экономики военного времени. [Особенности экономики военного времени. Военная промышленность. Удар по промышленности. Влияние на потреб. эконом.], стр. 184—191.

№ 11. Ōkura, Kinmochi. О японо-манчжурской плановой экономике. [Экономические взаимоотношения между Японией и Манчжоуго. Плановость как залог процветания обоих государств.], стр. 25—33. — Hashizume, Akeo. О контроле над вексельным курсом. [Вексельная система и плановая экономика. Цель вексельной системы. Способ осуществления. Вексельная система в Германии.], стр. 51—77. — Yamakawa, Kin. Идеология новой аграрной политики. [Помещики, помогающие деревне. Движение среди безземельных крестьян Руководящая сила пролетариата и идущие за ним бедняцкие массы деревни. Вспышки движения в новой деревне. Социальное и политическое движение в новой деревне.], стр. 104—136. — Inoya, Zenichi. Основные принципы экономики чрезвычайного периода, стр. 137—142. — Abe, Kenichi. Кризис японских финансов. [Перспективы на 1933 год.], стр. 175—193. — Nakamurō, Shidō. Назначение новой Японии и вопрос мира. [Япония, выступающая в роли насадителя мира на Дальнем Востоке.], стр. 251—271. — Sasa, Hirōo. Критиче-

ский момент финансового и политического положения, стр. 166—174.

№ 12. Hijikata, Shigeyoshi. Кризис экономической теории, стр. 1—11. — Takata Yasuma. Увеличение налогов и капиталистическое накопление, стр. 12—20. — Hoshino, Naoki. Современное финансовое положение Манчжурии. [Состояние бюджета. Ежегодный доход и расход. Будущее финансовой политики.], стр. 21—27. Ōtake, Hirokichi. Об японо-советском договоре о ненападении, стр. 32—41. — Ōyama, Ujirō. Дальневосточный вопрос. [Вопрос о Манчжурии. Доклад Литтона. Шанхайский инцидент. Японо-советск. договор о ненападении.], стр. 42—58. — Yamakawa, Kin. Япония и мировое политическое положение, стр. 59—65. — Suekawa, Hiroshi. Юридический обзор, стр. 66—71. — Honiden, Yoshio. Экономический мир в 1932 году, стр. 72—78. — Takahashi, Kamekichi. Японский финансовый мир в поворотном 1932 году, стр. 79—87. — Higashihata, Seiichi. Прошлое и будущее японских деревень. [В связи с кризисом.], стр. 95—102. — Kawanō, Mitsu. Обзор соц. движения в 1932 г., стр. 103—112. Moriguchi, Ozato. Мир искусства в 1932 году, стр. 113—118. — Suganō, Watarō. Увеличение налогов как мера в чрезвычайный момент, стр. 132—138. — Yoshino, Sakuzo. Прошлое и будущее политического мира, стр. 147—154. — Sasa, Hirōo. Избрание Рузвельта и японское политическое положение, стр. 156—165. — Ueda, Teijirō. Как рассматривать современное положение, стр. 176—180. — Matsumoto, Junichirō. Внешняя и оборотная сторона современного положения, стр. 181—184.

Keizai ōrai, Tokio, 1933, Nihonhyorohsha

№ 1. Tachi, Sakutarō. Японо-китайский конфликт и Лига наций, стр. 1—9. — Arahata, Kanson. Эволюция войны. [Война в первобытн. эпоху. Война в эпоху варварства. Война в эпоху цивилизации. Капитализм и война.], стр. 10—52. — Mori, Takeo. Международная борьба за ископаемые. [Горючие ископаемые, железо, алюминий, апатиты, драгоценные металлы.]. стр. 53—66.—Tsuchida, Kyōson. Люди из лагеря фашизма. [Какие имеются теоретики. Yasuoka, Masaatsu Ogawa Chomei и др. Взгляд на японскую историю.], стр. 71—79. — Sasa, Hirōo. Политическая позиция Ugaki, Issei (Hitonari) [Ugaki, как генерал-губернатор Кореи. Ugaki, как политический деятель. Позиция Ugaki в настоящий политический момент.], стр. 80—88. — Takagi, Tomosaburō. Японское хозяйство перед большими потрясениями. [Японский экспорт и импорт. Капитализм и японская экономика.], стр. 142—145. — Yoshino, Sakuzo. Во времена японо-китайской войны, стр. 189—194. — Ōno, Takeo. Во времена русско-японской войны, стр 195—200. — Ishihama, Tomoyuki. Во времена европейской войны, стр. 201—207. — Arai, Koku. Предвидения на 1933 год, стр. 213—226. — Hirata, Shinsaku. Воздушная оборона Токио. [Американская армия. Географическое положение Японии. Подготовка к обороне Токио.], стр. 217—225.

№ 2. Hashizume, Akeo. Инфляция. [Растущая инфляция. Различные периоды инфляции. Инфляция и капиталистическая экономика. Цены. Падение вексельного курса.], стр. 1—17. — Marutsuchi, Yoshimatsu. Опасность инфляции, стр. 18—41. — Taniguchi, Yoshihiko. Будущее курса иены. Мероприятия, стр. 57—70. — Yoneda, Minoru. Восстановление советско-китайских отношений и японо-русский пакт о ненападении, стр. 71—79. — Ashida, Hitoshi. Начало стабилизации международного положения. [Сделалась ли Европа фашистской. Экономический мир Европы. Перемены в Америке. Дипломатические взаимоотношения в связи с манчжуро-монгольским вопросом.], стр. 80—87. — Takagi, Tomosaburō. Сравнение японской и немецкой инфляции, стр. 136—141. — Nishioka, Saneta. Способы распоряжения имуществом в эпоху инфляции. [Общая оценка недвижимых имуществ. Покупка и продажа недвижимого имущества. Цены на недвижимые имущества и на товары. Недвижимое имущество как капиталовложение.], стр. 151—159. — Kawai, Yoshinari. Государственные займы или акции, стр. 142—151.—Onagisa, Ritoku. Будущее акций, стр. 156—159.

№ 3. Tatsu, Sakutarō. Выход из Лиги наций и мандатный наказ, стр 48—66. — Hijikata, Shigeyoshi. Японский дух и плановая экономика. [Сущность плановой экономики. Свободная конкуренция. Преимущества и недостатки той и другой.], стр. 1—13. — Koizumi, Shinzo. Рыночная экономика и плановая экономика, стр. 14—24.— Takahashi, Kamekichi. — Общий характер японской экономической системы [Современный этап японской экономической системы.], стр. 25—47.— Marutsuchi, Yoshimatsu. Развертывание вопроса о военных займах. [Смысл военных займов. Связь с мировой экономикой. Необходимость аннулирования военных займов.], стр. 79—85. — Fukai, Eigo. Воспоминание о Niijima, Jō. [Биографические данные и характеристика его деятельности.], стр. 104—114. — Atsugi, Katsumoto. Будущее искусственного шелка, стр. 168—176. — Sobue, Kan. Обработка искусственного шелка и его употребление, стр. 176—183. — Utsumi, Seitarō. Обработка искусственного шелка, как промышленность, стр. 190—192. — Ōjima, Seiichi. Разрешение современного международного политического положения и Япония. [Лига наций. Манчжурский вопрос. Политический кризис. Военные займы.], стр. 193—205.

Chuokoron, Tokio, 1932, Chuokoronsha

№ 7. Arisawa, Koki. Обнищание деревень по статистическим данным, стр. 2—29. — Ōnō, Seiichirō. Вопрос об уголовной компенсации и законе о госуд. ответственности, стр. 44—52. — Yanaihara, Tadao. Об экономике Манчжурии. [Японо-Манчжурский экономический блок.], стр. 34—43.— Adachi, Kenzo. Чистка выборщиков и обособленная позиция министерства юстиции, стр. 123—125.— Baba, Tsunego. Saitō, Minoru, [Saitō Minoru как политический деятель, стр. 163—170. — Abe, Kenichi. Повышение таможенных пошлин и народное существование, стр. 302—308. — Nōmura, Hideo. Организация кабинета Саито. [Борьба партий. Победа Минсэйто.], стр. 270—278.—Tanaka, Shigeo. О рыбах. [О различных видах морских и речных рыб, водящихся в водах Японии.], стр. 220—228.

№ 8. Kasa, Nobutarō. О циркуляции вкладов, стр. 58—70. Itō, Seitoku. Сокращение вооружений, грозящее Японии. [Проект Гувера. Усиление вооружений Америки. Опасность для Японии.], стр. 72—82. — Ohira, Gonichi. Финансовое положение в деревне за последнее время. [Влияние экономического кризиса. Задолженность деревень. Организация финансов.], стр. 87—91. — Shiroishi, Kōsaburō. Перспективы падения вексельного курса, стр. 92—104. — Muromatsu, Shofu. Шанхай после военных действий, стр. 231—242.

№ 10. Ōuchi, Hyōyu. В состоянии ли помочь чрезвычайная сессия парламента. [Роль парламента в борьбе с экономическим кризисом и инфляцией.], стр. 2—25. — Honjō, Shigeyoshi. Историческое значение образования Манчжоуго, стр. 162—163. — Baba, Tsunego]. О Nagai, Kyūtarō. [Характеристика Nagai, Kyūtarō, министра колоний, как политического деятеля], стр. 153—161. — Mukōzaka, Itsurō. Марксизм и национальный вопрос, стр. 26—39. — Watanabe, Kijirō. Inukai и Ōsumi, [Карьера Инукаи. Граф Осуми], стр. 102—118. — Matsuoka, Jōyn Признание Манчжурии Лига наций, стр. 40—51.

№ 11. Yamakawa, Kikue. Голод в урожайный год. [Аграрный кризис. Голод среди крестьянского населения.], стр. 45—52. — Inabara, Katsuji. Как Тибет стал самостоятельным. [Географическое и экономическое положение Тибета. Взаимоотношения Тибета с соседними странами Индией, Китаем, Россией. Признание Манчжурии и взаимоотношения Тибета с Японией.], стр. 53—59. — Sekai keizai hihankai. Мир в пучине кризиса [в таблицах и диаграммах], стр. 60—70. — Koizumi, Sakutarō. Молодость кн. Saionji. [Библиографические сведения и описание политической деятельности кн. Saionji в молодые годы.], стр. 97—119. — Tanaka, Sōgorō. Военные деятели чрезвычайного времени. [Описание военных деятелей чрезвыч. времени. Биографические сведения и их деятельность.], стр. 162—221. — Baba, Tsunego. О Matsuoka, You. [Мацуока Уои как политический деятель.], стр. 282—290. — Wakatsuki, Keijirō. Воспоминания об Egi Yoku. [Egi, Yoku как политический деятель.], стр. 318—323.

№ 12. Arisawa, Koki. О военной промышленности. [Флот и нефть, Армия и нефть. Англо-американские нефтяные тресты. Англ. флот и нефть. Международная нефтяная политика.], стр. 2—32. — Takaoka, Kumao. Вопрос о переселении в Манчжурию и Монголию, стр. 33—49. — Ishihama, Tomoyuki. О мировом экономическом блоке. [Америка, Англия, Франция и Япония как центры.], стр. 50—63. — Tanaka, Tadao. Будущее национальное правительство. [Политическое положение в Китае и фашистское движение.], стр. 69—75. — Suzuki, Shigezaburō. Неизбежное изменение хозяйственного плана [в связи с кризисом], стр. 76—89.

Chuokoron, Tokio, 1933, Chuokoronsha

№ 1. Takagaki, Toratarō. Хорошее состояние денежного обращения, центром которого является золото, стр. 2—23. — Yoshino, Sakuzo. Современное политическое положение с точки зрения парламента, стр. 59—66. — Hasegawa, Nyozekan. Перспективы политического положения, в связи с континентальной политикой. [После падения кабинета Танака. Недостатки политики. Самокритика капитализма.] стр. 31—44. — Nagai, Unagitarō. Перед лицом чрезвычайного момента для государства, стр. 44—47. — Asō, Hisashi. Возрождение бюрократической военной клики. [Япония критического момента.], стр. 47—52. — Minobe, Tatsukichi. Япония чрезвычайного момента и выход из государственных затруднений, стр. 53—74. Yokata, Kisaburō. 15-й параграф договора, который («сглаживает») манчжурский инцидент, стр. 75—83. — Baba, Tsunego. О морском министре Okada. [Характеристика деятельности и биографические данные.], стр. 165—171.

№ 2. Takahashi, Masao. Современное положение японской инфляции. [Предыдущая история инфляции. Правда об инфляции.], стр. 2—17. — Kaji, Takaichi. Восстановление японо-китайских дипломатических взаимоотношений и Япония, стр. 18—23. — Mukōzaka Itsurō. Критика теории экономич. контроля (плановой политики). [Бесплановость теории плановой экономики.], стр. 25—36. — Baba, Tsunego. Мировые события, которые оказывают влияние на современный парламент, стр. 46—52. — Machida, Shiro. Морские и горные границы, стр. 37—42. — Suzuki, Shigetarō. Возможна ли японо-манчжурская контрольная (плановая) экономика, стр. 53—65. — ABC. Мировое положение и положение Японии. [Таможенная война. Японо-манчжурский блок. Обострение мирового аграрного кризиса. Уменьшение экспорта и импорта по сравнению с предыдущим годом.], стр. 66—76: — XYZ. Сущность инфляции. [Смысл и содержание современного «хорошего состояния». Банки в эпоху мировой войны и после мировой войны. Причины инфляции и ее перспективы.], стр. 77—88. — Takagawa, Daikichirō. Манчжуро-Монгольское государство. [Фашистский парламент и его последствия. Манчжурский вопрос. Перенаселение и будущее Японии.], стр. 89—102. — Masamune, Hakuchō. Об Yokomitsu, Tashikazu, стр. 114—122. — Fujieda, Takeo. 3000 провокаторов, стр. 149—162.

Kaizo, Tokio, 1932, Kaizosha

№ 9. Ōmori, Gitarō. Пути идеалистической философии. [Критика марксизма. Что такое марксизм. Последователи идеалистической философии в Японии пр. Kawai.], стр. 2—28. — Shū, Kika. Социалистические установки Нанкинского правительства, стр. 31—43. — Takanashi, Masao. Критика проекта гарантии платежной способности. [Что собой представляет гарантийная платежеспособность? Исследование проекта платежеспособной гарантии. Правила платежеспособности. Результаты гарантии.], стр. 44—56. Baba, Tsunego. Всевозможные виды мировых коллизий, стр. 65—71. — Takagi, Yazashi. Манчжурский вопрос и история американской экспансии. [Доктрина Монрое и ее националистические особенности. Манчжурский вопрос и национальные перспективы.], стр. 78—93. — Sasa, Hirōo. Противоречия Манчжурской политики, стр. 94—103. — Shigemori, Yuishi. Мировое движение русских белогвардейцев. [Лица без родины. Действительность и мечты русских белогвардейцев. Военные организации русских белогвардейцев. Белогвардейские политические группировки. Куда идут русские

белогвардейцы.], стр. 48—57. — Awa, Tokusaburō. Будущее японского пролетарского культурного движения, стр. 58—65.

№ 10. Hasegawa, Nyozekan. Классовый характер войны и национальные брожения.[Первобытная война и государственная война. Государственные войны последней эпохи и национальное самосознание. Современный вопрос.], стр. 2—12.— Suzuki, Takeo. О денежной системе Манчжурии, стр. 25—37. — Kawanishi, Taichirō. Новое развитие аграрного вопроса. [Значение чрезвычайной сессии парламента. Аграрный кризис. Его перспективы.], стр. 38—49. — Ishihama, Tomoyuki. Капитализм в Японии, стр. 50—65.—Ōtsuka, Reizō. Фашистское движение в Китае. [Фашистские группировки в Китае. Комсомольские организации. Политическое движение и его действительная сила. Будущее фашистского движения в Китае.], стр. 66—75. — Sugiyama, Kan. Влияние падения вексельного курса, стр. 76—84. — Naganō, Akira. Развитие крестьянского петиционного движения, стр. 90—96.—Gondō, Narioki. Кто поможет японской деревне, стр. 192—208.

№ 12. Abe, Kenichi. Кризис бюджета и инфляция, стр. 2—12. — Miki, Kiyoshi. Физиология и патология критики, стр. 13—27.—Suehiro, Gentarō. Забастовка трамвайных рабочих и принудительный арбитраж, стр. 28—31. — Suge, Enkichi. Единый фронт марксизма и религии, стр. 32—39.— Ukuda, Kōichi. География золота, находящегося на морском дне, стр. 21—27. — Miura, Sadanosuke. Ловля крупной рыбы, стр. 38—45.

Kaizo, Tokio, 1933, Kaizosha

№ 1. Ōuchi, Hyōe. Заем в 9 миллиардов и его экономическое значение. [Финансовое положение Японии. Инфляция.], стр. 26—52. — Suzuki, Takeo. Вторичное исследование вопроса о японо-манчжурском экономическом блоке. [Плановая экономика японо-манчжурского блока. К системе капиталистического блока. Манчжурия как сырьевая база и рынок сбыта японских товаров. Промышленность в Японии и Манчжурии.], стр. 53—67. Hasegawa, Nyozckan. Натурализм в Манёсю, стр. 68—87.—Sasca, Hirōo. Изменение политического положения в 1933 году. [Политические перемены. Изменения в бюджете кабинета Саито. Правительств.-финансовый мир и политический мир вокруг бюджетного проекта. Влияние на жизнь масс.], стр. 137—145. — Iwabuchi, Tatsuo. Военная клика Ugaki, и военная клика Araki, стр. 101—107. — Kurahara, Korehito. Путешествие по Советскому Союзу, стр. 276—290. — Baba, Tsunego. Политический момент перед заседанием парламента, стр. 146—151.

Chōsen Koron, Seul, 1932, Chosenkoronsha

№ 3. Imaida, Seitokn. О изд. закона о электропромышл. в Корее, стр. 6—7.—Yamamoto, Saizo. О опубликов. закона об электропром. в Корее, стр. 9—12.

№ 4. Shimazu, Tōru. Лесопромышленность в Приморьи. [Количество площади, занимаемой лесами. Распределение лесов по главным участкам. Экспорт леса. Лесные концессии.], стр. 18—26.— Naigaitoshi Kabushikikaisha Chōsabu. Основные установки организации денежной системы в Манчжурии и Монголии. [Денежная система. Состояние торговли Манчжуро-Монголии. Экспорт и импорт по странам в цифровых данных.], стр. 6—16.

№ 6. Izumi. Tetsu. Взгляд иностранцев на японо-китайский конфликт. [Выдержки из различных журналов и книг, характеризующие отношения иностранцев к японо-китайск. конфликту.], стр. 17—20. Ishinomori, Kyūbī. Положение корейского генерал-губернатора и его назначение. [Компетенция корейского генерал-губернатора. Конституционные законы в Корее. Беспартийность и нейтральность корейского генерал-губернатора.], стр. 2—10. — Takahashi, Kantarō. Психология побежденных корейцев, стр. 20—27. — Hamada Kōnosuke. О переселении корейцев в Манчжурию, стр. 27—29. — Tsurauchi, Mokichi. Манчжуро-Монгольский вопрос и колонизация северной Кореи, стр. 89—90. — Minami, Kyuei. Система корейских промышленных ассоциаций, стр. 90—92. — Watanabe, Shinobu. Современные условия корейского хозяйства. [Рисоводство, скотоводство, шелководство, водная. промышленность.], стр. 114—117. — Inoba, Kunzan. Географич. названия и история Манчжурии, стр. 114—150.

№ 7. Ishimori, Hisamitsu. Об управлении Кореей. [Система управления Кореей. Высказывания различных политических деятелей], стр. 2—14. — Shiratori, Shōgo. Поэзия и человеческая жизнь. [Отражение человеческих переживаний в поэзии.], стр. 28—42.— Takeuchi, Kyōzō. О сухой дестилляции при низкой температуре корейского лигнита, стр. 44—52— Kawamura, Gohō. О манжурских переселенцах, стр. 52--57. — Shiga, Toku. История развития Корейской металлопромышленности, стр. 58—66.

№ 8. Ishimori, Hisamitsu. Япония, забывающая Корею. [Значение Кореи для Японии.], стр. 2—8. — Yamamoto, Saizo. О корейской электропромышленности. [Развитие корейской электропромышленности. Статистические данные ее развития.], стр. 10—19. — Katō, Keisaburō. Финансовый мир в чрезвычайный момент. [Финансовые затруднения Японии. Мероприятия, принимаемые японским правительством для борьбы с кризисом и безработицей.], стр. 44—56. — Fujii, Kantarō. О переселенцах в Манчжурию и Корею. [Необходимость переселения из Японии. Манчжурия как место наиболее удобное для японских переселенцев.], стр. 58—63. — Sakai, Kiki. Настоящее и будущее земледелия в Манчжурии. [Культуры, возделываемые в Манчжурии. Площадь ими занимаемая. Климатические условия. Перспективы развития земледелия в связи с переселением из Японии и Кореи.], стр. 64—70. — Hirata, Masahiko. Сущность и назначение изучения национальной истории, стр. 71—77. — Shiga, Toku. История развития корейской металлопромышленности, стр. 78—88.

№ 9. Kato, Keisoburō. Положение корейской промышленности и результат работ корейского банка, стр. 12—14. — Ariga, Mitsutoyo. Финансовый мир и результат работы Корейского банка, стр. 15—18. — Kin, Gigō. Корейский вопрос в Манчжурии и Монголии. [Взаимоотношения Манчжуро-Монголии и Кореи с древних времен. Японские особые права в Манчжуро-Монголии

и Манчжурский инцидент. Положение корейских переселенцев в Манчжуро-Монголии (по различным районам). Меры вспомоществования корейским переселенцам. Жизнь и быт корейских переселенцев в Манчжурии. Отношение к манчжурскому вопросу китайского народа, правительства, японского и манчжурского народа.], стр. 20—40. Kawai, Shōbu. Будущее добычи золота в Корее, стр. 49—53. — Arai, Shinzō. Корейский рис и манчжурская пшеница. [Количество добычи. Экспорт и импорт. Значение для Японии.], стр. 63—67.

№ 10. Yoshiu, Eijō. Высказывания губернатора Komai об управлении Кореей. [Экономическое положение Кореи. Переселенческий вопрос. Манчжурия и Корея.], стр. 10—15. — Fukasu, Hajime. Вопрос умиротворения в Корее, рассматриваемый с точки зрения народной психологии. [Народная психология. Способы разрешения национального вопроса. Основы спокойствия в Корее.], стр. 23—34. — Tani, Takimaro. Пробуждение японского духа, стр. 36—41. — Ikenō, Shōji. Оборона страны и нация, стр. 42—45. — Boku, Eitetsu. Мир на Дальнем Востоке. [Япония, выступающая как насадительница мира.], стр. 45—48.

№ 11. Katsuda, Kazue. Меры защиты корейцев, находящихся в Манчжурии. [План работы. Расходы.], стр. 12—22.

Mantō, Dairen, 1932, Manshubunkakyokai.

№ 5. Tamura, Jozō. Манчжурские переселенцы как боевой вопрос мирного строительства, стр. 2—8. — Kawai, Masukatsu. Манчжурия и переселенческий вопрос. [Прошлое и настоящее манчжуро-монгольских переселенцев. Основание Манчжуро-Монгольского государства. Мероприятия в отношении японских переселенцев.], стр. 9—23. — Kanesaki, Ken. Японские переселенцы и определившийся путь Манчжоуго, стр. 24—29. — Satō, Shiro. Необходимые условия для манчжуро-монгольских крестьян-переселенцев, стр. 30—34. — Ōkura, Takuji. Манчжурские переселенцы и ответственность, лежащая на них, стр. 35—38. — Kusubara, Soichirō. Обзор мероприятий в отношении манчжуро-монгольских переселенцев. [Территория Манчжуро-Монголии. Население. Количество пахотной земли. Экономическое положение манчжуро-монгольских крестьян. Урегулирование крестьянского движения в Манчжурии], стр. 40—52.

Tōyō, Tokio, 1932, Tōyōkyōkai

№ 6. Okano, Ichiro. Манчжурия и американский империализм. [Империалистические замыслы Америки в отношении Китая.], стр. 20—27. — Kaji, Ryuichi. Политическое положение на Дальнем Востоке, державы и Япония. [Позиции держав в отношении японо-китайского конфликта]. стр. 28—32. — Katō, Kumejirō. Цель и причины колонизации. [Исторический обзор колонизаторской политики различных стран. История японской колонизации. Японские планы в отношении колонизации.], стр. 39—45. — Inoue, Kun'yū. Будущее Шанхая, стр. 46—50. — Etō, Natsuō. Об охране безопасности Шанхая, стр. 53—56. — Tanaka, Tadao. Коммунистическая опасность в Китае и Манчжурский вопрос, стр. 65—71. — Kuwabara, Sakujirō. Вопрос о признании Манчжурии и японофобия, стр. 72—77. — Yoshida, Torao. Охрана порядка и спокойствия в Манчжурии, стр. 96—97. — Ishikawa, Susumu. Комиссия Лиги наций в Манчжурии, стр. 142—145. — Natsumoto, Kusaji. Чжан Сюэлян и Манчжоуго, стр. 148—150.

№ 7. Matsuoka, Masao. Манчжурский колонизационный вопрос с точки зрения путей сообщения и денежного обращения, стр. 2—10. — Ōshima, Seiichi. Мероприятия в отношении увеличения капиталовложений для развития Манчжурии. [Источники капиталов. Способы увеличения капиталов. Деятельность различных банков. Земледелие, горная промышленность, железнодорожное строительство и т. д.], стр. 11—21. Aoyagi, Tokugo. Просвещение в Манчжурии, стр. 22—32. — Yanō, Tsuneta. Колонизационный вопрос в Манчжурии, стр. 32—38. — Nakahira Ryō. Манчжурия, Россия и Америка. [Позиция держав в отношении Манчжурского вопроса.], стр. 45—50. — Hamada, Tsunenosuke. Какой должна быть новая денежная система в Манчжурии, стр. 66—68. — Kobayashi, Kurō. Наступает эпоха Японского моря. [Географические сдвиги японской культуры. Японское море как главная связь между Японией и Манчжурией. Культура японского моря, являющаяся главной в Японии.], стр. 69—76. — Iseki, Koyū. Частные финансовые органы в Манчжуро-Монголии, стр. 95—103. — Higasa, Yoshitarō. О соляной политике в новом Манчжоуго, стр. 104—113. — Ishikawa, Susumu. Комиссия Лиги наций и Манчжурия, стр. 132—135.

№ 8. Kato, Kumejirō. Значение развития Манчжурии и Монголии. [Совместное процветание Японии и Манчжурии. Манчжурская колонизация. Железнодорожное строительство в Манчжурии. Источники сырья. Таможенный вопрос. Манчжурская промышленность.], стр. 11—22. Nasu, Kō. Колонизационный вопрос в Манчжуро-Монголии. [Положение японских деревень. Манчжуро-Монголия как место для переселения.], стр. 23—38. — Kimura. Masatarō. Китайская экономика и финансы за последнее время. [Таможенный вопрос. Займы. Особенности китайской экономики.], стр. 39—51. — Inoue, Masaji. Колонизационный вопрос в Японии. [Южная Америка, Южные острова (Нан'ё), Корея, Манчжурия.], стр. 52—66. — Ashida Kin. Европейско-азиатское движение и Япония; стр. 67—85. — Inabara, Katsuji. Планы Америки на Востоке [Манчжурский инцидент.], стр. 103—116. — Nōda, Ryōji. Японцы в Южной Америке. [Статистические данные о количестве японцев, проживающих в Южной Америке. История переселения японцев в Южную Америку 33 года тому назад и теперь.], стр. 130—138.

№ 10. Matsuoka, Masao. О плановом хозяйстве в Корее и Манчжурии. [Взаимоотношения Кореи и Манчжурии с точки зрения промышленности, земледелия и системы денежного обращения.], стр. 2—6. — Imura, Kun'yū — Японо-манчжурский хозяйственный план. [Экономические взаимоотношения между Японией, Манчжурией и иностранными державами. Манчжуро-

японский экономический блок.], стр. 7—15. — Higasa, Yoshitarō. Реальные обоснования японо-манчжурской плановой экономики. [Система денежного обращения. Уголь и железо. Сырье и японская промышленность. Рисовая проблема.], стр. 16—21. — Kassai, Keitarō. Экономическое значение выходного порта в Сев. Корее, стр. 27—33. — Mitsugawa, Kametarō. Признание Манчжоуго и политическое положение на Востоке, стр. 34—42. — Nakahira, Ryō. Освобождение восточных национальностей и руководство ими. [Роль Японии и других держав.], стр. 43—51. — Wakamiya, Unosuke. Слухи об аде в деревне, стр. 61—67. — Fuji, Tatsuma. Планы старой и новой России в отношении Монголии, стр. 85—92.

№ 11. Yoneda, Minoru, Одна сторона доклада комиссии по обследованию японо-китайских вопросов, стр. 2—13. — Nakayama, Masaru. Рассмотрение японских мероприятий, исходя от критики доклада Литтона, стр. 14—29. — Katō, Kumejirō. Критика доклада Литтона и заключение Лиги наций, стр. 30—35. Kobayashi, Kurō. О советско-японских дипломатических взаимоотношениях, стр. 36—44. — Tanakamaru, Yūkō. Возвращение посла Хирота, стр. 45—51. — Matsumura, Shōsei. Управление Кореей перед лицом новых задач на Дальнем Востоке. [Манчжурия. Отражение событий на политической и экономической жизни Кореи.], стр. 52—57. — Mitsugawa, Kametarō. Тибетский вопрос и англо-китайские взаимоотношения, стр. 58—66. — Kishida, Eiji. Принципы японо-манчжурских торговых договоров, стр. 74—77. — Higasa, Yoshitarō. Важность японского переселения в Манчжурию и фермеры-предприниматели. [Дается обзор жизни и положения крестьян-переселенцев двух деревень, стр. 78—88. — Kawase, Sōhoku. Большевизация Китая и ее современное положение. [Продвижение красной армии, ее современное положение. Управление красной армией.], стр. 90—98. — Ōshima, Seiichi. Настоящее и будущее мирового экономического положения, стр. 99—109. Ishikawa, Susumu. Реформа таможенной системы Манчжоуго и позиция Китая, стр. 143—145.—Kitasaki Manabu. События в Холонбаире и идеальная страна в Северной Манчжурии, стр. 150—156.

№ 12. Inabara, Katsuji. Улучшим японо-советские отношения, стр. 2—13. — Imai, Seikichi. Вопрос о пакте о ненападении с точки зрения экономики, стр. 18—24. — Homma, Masabare. Японо-английские отношения и женевская атмосфера вокруг Манчжурского вопроса, стр. 77—86. — Fijii Kantarō. Еще раз по вопросу о переселении в Манчжурию, стр. 87—90. — Kamatsu, Midori. Защита Кореи и Манчжурии и заслуги князя Ито, стр. 122—127.

Tōyō, Tokio, 1933, Tōyōkyokai

№ 2. Takagi. Shin'i. Международное положение Японии с точки зрения общей конъюнктуры. [Манчжурский вопрос. Позиция Америки. Признание Японией Манчжурии. Позиции Европейских держав и Советской России.], стр 2—15. — Izumi, Tetsu. Законность построения Манчжурского государства. [Японо-китайский инцидент. Лига наций. Доклад Литтона. Позиция Японии.], стр. 24—30. — Hanaoka, Shirō. Будущее американо-советских отношений. [Сов. Россия похожа на Америку. Прошлое американо-советских отношений. Советская революция и Америка. За непризнание америкой советского правительства. За признание Америкой советского правительства. Критика того и другого направления. Рузвельт и будущее американо-советских взаимоотношений с точки зрения экономики и положения на Дальнем Востоке.], стр. 30—38. — Imura, Kun'yū. Процветание Восточной Азии и китайская военная клика, стр. 49—55. — Fujizawa, Chikao. Кризис модернизма и восстановление «Великого пути», стр. 59—64. — Imazeki, Tenpō. Северный и Южный Китай за последнее время, стр. 82—89. — Murofuse, Takanobu. Индия, Ганди, Япония, стр. 109—117.

Е. Фолькман.

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ И СТАТЬИ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ ВОСТОКУ ЗА 1932 г. (материалы по библиографии)

(По «Журнальной летописи» и материалам Института востоковедения; дополнения будут помещены в следующих выпусках)

Год издания книги или журнала (журнальной статьи) указывается лишь там, где этот год является не 1932-м или где текст библиографической цитаты может дать повод к неправильному предположению относительно года. В остальных случаях, где такого указания нет, год подразумевается 1932-й. Названия статей, помещенных в периодических и сериальных изданиях, отделяются от названий последних тире.

I

Арабские страны

Аграрное движение (Палестина). — Мат-лы по нац. колон. проблемам, сб. 1, стр. 68—69.

Белинков, С. Внешняя торговля Палестины. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 7, стр. 9—23.

Белинков. С. Е. Торговое значение Сирии. — Внешторг, № 26, стр. 7—10; № 27 стр. 3—6.

Касимов, Е. Очередной маскарад империалистических колонизаторов. (По поводу провалившегося мусульманского съезда в Иерусалиме). — Революция и горец, 4, стр. 76—80.

Климович, О. И. Мусульманам дают халифа. К панмусульманскому конгрессу в Иерусалиме в дек. 1931 г. М., Гаиз, 96 стр. + схема.

Крачковский, И. Ю. О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии. — Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, I, стр. 55—62.

Нацдвижение (Палестина). — Материалы по нац. колон. проблемам, сб. 1, стр. 69—72.

О задачах компартии Палестины. — Рев. Восток, 1—2, стр. 297—317.

Рабочее движение (Палестина). — Мат-лы по нац. колон. проблемам, сб. 1, стр. 69.

Хариби. Обострение империалистических противоречий в Арабистане. — Мат-лы по нац. колон. проблемам, сб. 1, стр. 59—62.

Хариби. Выборы в сирийский парламент. — Мат-лы по нац. колон. проблемам, сб. 3, стр. 148—167.

Экономический кризис в Ираке. — Мат-лы по нац. колон. проблемам, сб. 1, стр 73—75.

Афганистан

Палюкайтис, И. Автотранспорт в Афганистане. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 1, стр. 49—59.

Палюкайтис, И. Советский экспорт в Афганистан. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 2, стр. 60—64.

Палюкайтис, И. Экспортные тарифы Афганистана. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 6, стр. 105—110.

Палюкайтис, И. Японская торговая экспансия в Афганистане. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 8—9, стр. 30—38.

Соколов-Страхов, К. И. В Афганистан [Путевые очерки]. 2-е доп. изд. М., Изд-во писателей, 145 стр. с илл.

Индия

Анопов, А. И. Почта в Кашмире. — Сов. коллекционер, 2, стр. 37—38.

Валия. Рабочее движение и «левые» маневры национал-реформизма в Индии. — Ком. Интерн., 20, стр. 34—46.

Валия. Революционная борьба крестьянских масс в Индии и политика «левого» национал-реформизма. — Ком. Интерн., 25—26, стр. 67—76.

Валия. Экономический кризис и политика британского империализма в Индии. — Ком. Интерн., 11—12, стр. 61—70.

Десай. Комсомольское племя колоний. (Юношеское движение в Индии). — Интерн. молодежи, 16, стр. 19—23.

Десай. Революционное юношеское движение в Индии на повороте. — Рев. Восток, 3—4, стр. 314—324.

Доршях, Б. Аграрный кризис в Индии. — Под знаменем марксизма, 5—6, стр. 220—235.

Доршях, Б. Конституционные реформы английского империализма в Индии. — Мир. хоз-во и мир. политика, 7—8, стр. 117—133.

Кризис и рабочее движение. — Мат-лы по нац. колон. проблемам, сб. 2, стр. 29—40.

Лапин, Б. В. Двадцать дней в Индии. М., Мол. гвардия, 40 стр. с иллюстр.

Михайлов, К. Проблема аграрных отношений в Индии. — Рев. Восток, 1—2, стр. 176—204.

Михайлов, К. и Пронин, А. Углубление экономического кризиса и революционный подъем в Индии. — Рев. Восток, 1—2, стр. 55—101.

Накануне всеобщей стачки железнодорожников в Индии. — Кр. интерн. профсоюзов, 8, стр. 21—25.

Открытое письмо индийским коммунистам. — Ком. Интерн., 16, стр. 41—51.

Положение рабочего класса в Индии по материалам комиссии Уитли. — Мат-лы по нац. колон. проблемам, сб. 1, стр. 47—58.

Программа английского империализма в Индии. — Мир. хоз-во и мир. полит., 6, стр. 35—42.

Рейснер, И. Индийские национальные конгрессы. — Агр. проблемы, 3—4, стр. 109—142.

Рейснер, И. М. Очерки классовой борьбы в Индии. Часть 1. М., Междунар. аграрн. ин-т, 233 стр.

Рославлев, У. Аграрный кризис в Индии. М., Партизд., 122 стр.

Сино, Д. Таинственная бацилла. [Рев. юношеское движение в Индии]. — Интерн. молодежи, 3—4, стр. 28—30.

Талина, С. Положение рабочего класса в индийской промышленности. — Рев. Вост., 3—4, стр. 178—205.

Ульяновский, Р. К вопросу о современном аграрном кризисе в Индии. — Агр. проблемы, 1—2, стр. 79—105.

Фреер. Подъем анти-империалистической борьбы в Индии. — Большевик, 10, стр. 59—72.

Штейнберг, Е. Труд в Индии. — Конъюнктура миров. хоз-ва, 3—4, стр. 65—68.

Экономический кризис в Индии. — Мат-лы по нац. колон. проблемам, сб. 1, стр. 38—47.

Индокитай и Индонезия

Господин Рейно в Индо-Китае. [Путешествие франц. министра колоний]. — Мат-лы по нац. колон. проблемам, сб. 2, стр. 48—52.

Губер, А. Национально-освободительное движение в Индонезии. — Рев. Восток, 3—4, стр 251—270.

Губер, А. Индонезия. М., ОГИЗ, 48 стр., 1 карта.

Революционное движение в Индокитае. — Мат-лы по нац. колон. проблемам, сб. 2, стр. 52—54.

Экономический кризис (Индокитай). — Мат-лы по нац. колон. проблемам, сб. 2, стр. 41—48.

Китай

Абов, А. «Независимая» Манчжурия и меморандум г. Танака. — Сиб. Огни, 4, стр. 63—77.

Абрамов, З. Японская оккупация на Дальнем Востоке. — Истор. марксист, 1—2, стр. 117—134.

Аварин, Вл. Манчжурский узел. — Революция и национ., 1, стр. 104—113.

Аварин, В. Японский капитал в металлургической промышленности Манчжурии. — За индустриализацию сов. Востока, 2, стр. 165—175.

Аграрный кризис в Китае на современном этапе. — Аграрн. пробл., 3—4, стр. 92—108.

Адо, В. И. Японско-китайская война и угроза против СССР. Казань, 7 стр.

Аки. Грабительская война японского империализма в Китае и антивоенная борьба японского пролетариата. — Ком. Интерн., 4, стр. 40—50.

Алексеев, В. М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л., Ак. Наук СССР, 178 стр. с илл.

Андреев, А. Раздел Китая и угроза войны. — Пролет. авангард, 3, стр. 169—174.

Асов. Четвертый поход Гоминдана против китайской красной армии — Ком. Интерн., 18, стр. 54—58.

Бод. Зарницы четвертого поражения. [Комдвижение в Китае]. — Интерн. молодежи, 11—12, стр. 11—12.

Борьба за советы и новый революционный подъем в Китае. — Партработник, 7, стр. 30—36.

Буш, Н. Борьба против войны в защиту СССР и китайской революции. — Кр. интерн. профсоюзов, 5, стр. 30—34.

Ван-Мин. Борьба с лилисяновщиной в китайской компартии. — Рев. Восток, 3—4, стр. 144—159.

Ван-Мин. Новая тактика Гоминдана в организации сил китайской контр-революции. — Ком. Интерн., 25—26, стр. 77—81.

Ван-Мин. Революционный кризис в Китае и задачи революционного профдвижения. — Кр. интерн. профсоюзов, 1—2, стр. 67—71.

Ван-Мин. Советский Китай, как база развертывания аграрной революции и национально-революционной войны. — Ком. Интерн., 23, стр. 15—24.

Васильев, Б. А. Иностранное влияние в китайской литературе эпохи империализма. — Труды Ин-та востоковеден. АН СССР, I, стр. 85—110.

Вень-Сян-Мин. О советском движении в Китае. — Революция и национ., 8, стр. 112—118.

Владимирова и Таранченко. Положение рабочего класса в Китае. — Конъюнктура мир. хоз-ва, 3—4, стр. 62—65.

Внешняя торговля Китая за первое полугодие 32 г. — Внешн. торг., 28, стр. 6—8.

Челпанова. Война в Манчжурии. Методическая разработка для сети партпроса. Сост. Челпанова. — Свердловск — Москва, ОГИЗ, 40 стр.

Гамберг, В. Банкротство Гоминдана. — Рев. Восток, 1—2, стр. 253—267.

Ган, Д. Л. Новая волна стачек в Китае. — Кр. интерн. профсоюзов, 17—18, стр. 28—35.

Давыдов, К. Персия и японская интервенция в Китае. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 3, стр. 145—147.

Дашинский, С. Япония в Манчжурии. Изд. 2-е. М., Партиздат, 50 стр. (1-е изд. того же года 46 стр. с картой).

Дитрих, П. II-й интернационал и война в Китае. — Ком. Интерн., 7, стр. 40—44

Документы о положении в советских районах Китая. — Борьба классов, 7—8, стр. 114—127.

Драгуновы, Е. Н. и А. А. К латинизации центрального Китая. Диалекты Сянтань и Сянсян (Хунань). — Изв. АН СССР по общ. наукам, 3, стр. 239—269.

Дроздов, П. Япония и Манчжурия. Метод. разработка. Владивосток, Дальгиз, 37 стр.

Ерухимович, И. Изобличающий документ. Факты из истории подготовки оккупации Манчжурии. — Октябрь, I, стр. 152—168.

Ерухимович, И. И. Раздел Китая. Сигнал к новой мировой войне. М., ЦК МОПР, СССР, 32 стр.

Жуковский, Е. Ближайшие задачи нашей торговли с Синь-цзяном. — Ежемес. Всесоюзн. торг. палаты, 2, стр. 65—70.

Залесский, Б. Манчжурские записки. Л., Изд-во писателей, 122 стр.

Зуйков, А. Дети рабства и дети борьбы. (Детск. ком. орг-ции Японии, Китая, Монг. респ. и Тана-Тувы). — Интерн. молодежи, 11—12, стр. 50—53.

Иванов, В. М. Кедр манчжурский и ель сибирская. Опыт исследования технического свойства древесины. Хабаровск, Дальгиз, 32 стр. с илл.

9*

Ивин, А. Борьба за власть советов в Китае. — Мол. гвардия, 4, стр. 102—107.

Ивин, Б. Борьба советского Китая. — Партработник, 2, стр 64—67.

Ивин. А. Борьба советского Китая. — Фронт науки и техники, 6, стр. 68—77.

Из эпохи японо-китайской войны 1894—1895 гг. (По архивн. документам). — Кр. архив, I—II, стр. 3—63.

Иолк, Е. Захват Манчжурии и революционный подъем в Китае. — Мир. хоз-во и мир. политика, 3, стр. 3—23.

К событиям в Манчжурии. Что читать о Китае и Японии. Аннотированный каталог. Л. ОГИЗ, 1931, 8 стр.

Канер, А. Поджигатели и провокаторы за работой (Манчжурия). — Партработник, 8 (110), стр. 28—30.

Киттен. Состояние и задачи ревпрофдвижения в Манчжурии. — Кр. интерн. профсоюзов, 11—12, стр. 24—28.

Костарев, Н. В. Мои китайские дневники. 4 изд. Л., Изд. писателей 1931, 200 стр.

Краткий каталог книг на китайском языке. Список книг вышедших из печати за III квартал 1931 г. Дополнение к каталогу. М., Дом книги иностранных рабочих в СССР, 7 стр.

Кудрявцев, В. Узел затягивается туже. (К Манчжурским событиям). — Партработник, 2, стр. 68—72.

Кумимото. Наша борьба против войны. (С Манчжурией). Письмо из Токио. — Кр. интерн. профсоюзов, 6, стр. 22—25.

Лебедев, Дм. Бацилла «АВ» [Антибольшевистский союз внутри Китая] — Интерн. молодежи, 11—12, стр. 54—57.

Ли-Ороно. Против японского империализма и нанкинских палачей. (МОПР в Китае и Японии). М, ЦК МОПР СССР, 30 стр.

Лукьянова. Оккупация в Манчжурии и положение в Японии. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 3, стр. 3—23.

Мадьяр, Л. И. Чапей горит. [Японская интервенция в Китае]. 2-е исправл. и дополн. изд. М., ЦК МОПР СССР, 32 стр.

Материалы к японо-китайскому конфликту. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 3, стр. 40—84.

Миф, П. А. Китайская революция. М., Партиздат, 322 стр. 1 карта.

Михайлов, М. Я. К вопросу о транспортной проблеме в Китае. Харбин, 49 стр.

Мосина, Ю. Война в Шанхае. — Пропагандист для гор., 11—12, стр. 53—56.

Мосина, Ю. Японский империализм и оккупация Манчжурии. — Пропагандист для гор., 1, стр. 26 - 30.

Н. М. Агрессия японского империализма на Дальнем Востоке. — Рев. Восток, 1— , стр. 126—143.

На советской территории сев.-вост. Цзянси. — Ком. Интерн., 19, стр. 51—52.

Насонов, Н. Дальневосточная война и пятилетие китайских советов. — Рев. Восток, 3—4, стр. 160—177.

Нестерчук, Г. И. Манчжурский кедр. — Лесн. хоз-во и лесоэксплоатация, 8, стр. 48—51.

Нефтяной рынок Манчжурии. — Нефт. хоз-во, XXIV, 8, стр. 113—114.

О политических задачах китайской компартии. — Ком. Интерн., 25—26, стр. 82—90.

Обручев, В. А. Пограничная Джунгария. Отчет о путешествиях, совершенных в 1909 году на средства Томского технологич. Ин-та. Л., Ак. Наук СССР. т. 3. Географическое и геологическое описание. Вып. 1. Обзор литературы, орография, гидрография, 314 стр.

Озолин, Я. Борьба за Шанхай. (К японо-кит. войне). — Морск. сборник, 3, стр. 16—26.

Оккупация Манчжурии и борьба империалистов. Сб. статей. М., Партиздат, 168 стр.

Орфографический справочник латинизированной транскрипции китайских иероглифов. М., ВЦК Нового Алфавита при ЦК СССР, 138 стр.

Отражение японской интервенции в Китае на Филиппинах и в Индонезии. — Мат-лы по нац.-колон. пробл., сб. 3, стр. 130—144.

Пантелеев, Ив. Страницы, дышащие огнем. (К истории борьбы китайской красной армии). — Интерн. молодежи, 11—12, стр. 34—39.

Перед лицом бури. [События в Китае и задачи КИМ]. — Интернац. молодежи, 3—4, стр. 1—7.

Примаков, В. Японский империализм на Дальнем Востоке. — Уральск. коммунист, 2, стр. 38—47.

Семенов-Зусер, С. Выставка в музее антропологии и этнографии АН «Японский империализм и захват Китая». — Вестник АН СССР, 6, стр. 23—30.

Сен-Катаяма. Манчжурия и колониальная политика Японии. — Кр. новь, I, стр. 89—95.

Сергеев, Г. Ленин и Сталин о разделе Китая. М., Партиздат, 48 стр.

Скачков, П. Е. Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке. 1730—1930. М.-Л, Гос. соц.-эк. изд., XXIV + 342 стр. (Ком. Академия. Научно-исслед. институт по Китаю).

Спо, Е. Е. Японская интервенция в Китае. — Морск. сборн., I, стр. 91—106.

Сысоев, В. Прогулки т. Жданова по советскому Китаю. — Интерн. молодежи, 3—4, стр. 62—67. [Рецензия на книгу Жданова].

Таргинский, М. Китайский комсомол в боях. — Молодая гвардия, 2, стр. 113—119.

Терентьев, А. Шанхайская операция. — Партработник, 4, стр. 62—72.

Тульский, С. Манчжурия [Географо-политический очерк]. М., ОГИЗ — Госвоенизд., 48 стр. с илл.

Фан-Ши-Мин. Анти-империалистическое движение в Китае и задачи красных профсоюзов. — Кр. интерн. профсоюзов, 7, стр. 45.

Фан-Шин-Мин. Японская интервенция, гоминдан и борьба китайского пролетариата. — Кр. интерн. профсоюзов, 2, стр 26—30.

Файг. Революционный кризис и борьба китайского комсомола с Гоминданом и империализмом. — Рев. Восток, 3—4, стр. 300—307.

Фесенко, П. И. Классовое расслоение и обнищание дехканства в Синьцзянском кишлаке. — Рев. Восток, 3—4, стр. 271—281.

Фогараши, Х. Война в Китае и позиция социалдемократии. — Ком. Интерн., 6, стр. 59—62.

Фын, Т. Японские интервенты в Манчжурии. 3-е стер. изд. Л., ОГИЗ, 1931, 29 стр.

Хагер, В. Японская интервенция в Китае. М., Хабаровск, 73 стр.

Хамадан, А. Ушедшие однажды — не возвращаются. [Ревдвижение среди китайской молодежи и задачи компартии и комсомола]. — Интерн. молодежи, 16, стр. 16—18.

Хамадан, А. Первый съезд советского Китая. — Интерн. молодежи, 11—12, стр. 42—46.

Хватский, Б. Японо-китайский конфликт и СССР. — По заветам Ильича, 1—2, стр. 66—69.

Хо-Лин. Китайская компартия и организации национально-революционной войны. — Ком. интерн., 21, стр. 45—51.

Чао Ю-Ши. Тень миллионов. [К рев. движению в Китае в 1931 г.] — Интерн. молодежи, 20, стр. 9—11.

Чжан. За линией фронта. Китайский комсомол и борьба на Дальнем востоке. — Интерн. молодежи, 11—12, стр. 47—49.

Шпринцин, А. Г. Проблема китайско-русского диалекта в освещении С. А. Врубеля. — Рев. и письменность, 1—2, стр. 103—113.

Эренбург, Г. Б. Империалисты в Китае. М., Партизлат, 32 стр.

Южный, Е. М. Четыреста пятьдесят миллионов.— Очерк для детей. Л, Леноблиздат., 1931, 36 стр.

Ян-Чжу-Лай. Японские империалисты в Шанхае. М., Партиздат, 80 стр.

Корея

Аграрный кризис. — Мат-лы по нац.-колон. пробл., сб. 2, стр. 70—74.

Голод в Корее и задача революционного крестьянского движения. — Агр. проблемы, 5—6, стр. 108—116

Ли-Сеул. Вопросы юношеского движения в Корее: — Рев. Восток, 3—4, стр. 308—313.

Лий. Корея № 1 и Корея № 2. [Мероприятия Японии по организации массовой эмиграции корейцев в Манчжурию и роль трудящейся молодежи Кореи]. — Интерн. молодежи, 13, стр. 36—38.

Манчжурские события и Корея. — Мат-лы по нац.-колон. пробл., сб. 3, стр. 95—110.

Пак. Корейцы в Манчжурии. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 3, стр. 111—120.

Пак. Экономический кризис и корейская деревня — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 3, стр. 84—95.

Положение арендаторов в Корее. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 1. стр. 88—93.

Рабочее движение. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 1, стр. 86—88.

Экономический кризис. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 1, стр. 85—86.

Монголия

Баранов, В. И. Земледельческие районы на юге Кобдосского аймака Зап. Монголии. Л., АН СССР, 79 стр.

Букштейн, О. Монополия внешней торговли Монголии. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 1, стр. 72—79.

Букштейн, О. Промышленное строительство в Монголии. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 4, стр. 65—69.

Ванданов, О. М. На стыке двух миров [Работа ревсомола Монголии]. — Интерн. молодежи, 11—12, стр. 30—33.

Владимирцов, Б. Я. Монгольские литературные языки. (К латинизации монгольской и калмыцкой письменности). — Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, 1, стр. 1—17.

Иконников-Галицкий, Н. П. В Монголии (Ботан. экспед.). — Вестн. АН СССР, № Внеочер., стр. 155—157.

Иконников-Галицкий, Н. П. Монгольские представители рода Mertensia Roth. — Изв. Бот. сада АН СССР, XXX, 5—6, стр. 769—770.

Козлова, Е. В. Птицы высокогорного Хангая. По наблюдениям Зоол. отряда Монгольск. экспедиции 1929 г. Л., АН СССР, 93 стр. илл.

Михальчи, Д. Е. Монголия [Кино-либретто и метод. указания к беседе]. М., Мастерская нагляд. пособий, 32 стр.

Нейбург, М. Н. О находке ствола Cycadeoidea в юго-восточной Монголии. — Докл. АН СССР, А, 8, стр. 200—201.

О ходе латинизации (алфавита) в Монголии. — Рев. и письменность, 1—2, стр. 172—174.

Пекерман, И. Торжество арата 15 дней в Монголии. (Путевые заметки). Предисл. А. Инкижинова. Иркутск, ОГИЗ, 1931, 76 стр. с илл.

Пекерман, И. Торжество арата. 15 дней в Монголии (Путевые заметки). М., Журн. газет. объединение, 46 стр.

Победимова Е. Восточная партия (Ботан. экспедиции). — Вестн. АН СССР, № Внеочер., стр. 157—160.

Поппе, Н. Н. Академик Б. Я. Владимирцов (1884—1931). — Рев. и письменность, 1—2, стр. 79—86.

Поппе, Н. Н. К латинизации монгольского алфавита и переходу на новый литературный язык.— Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, I, стр. 19—34.

Поппе, Н. Н. Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения. — Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, I, стр. 151—200.

Поппе, Н. Н. Произведения народной словесности халха-монголов. Северо-халхасское наречие. Л., АН СССР, VIII, 168 стр.

Поппе, Н. Н. Проблемы нового литературного монгольского языка. — Изв. АН СССР, Отд. общ. наук, 2, стр. 151—160.

Рачковский, И. П. Краткий отчет о результатах работ геологического отряда экспедиции Академии Наук СССР и Научно-исслед. комитета Монгольской народной республики в 1931 г. Л., АН СССР, 28 стр. с илл.

Смирнов, В. А. Отчет о работах гидрохимического отряда Монгольской экспедиции 1926. Л., АН СССР, 23 стр. с черт. и карт.

Соколов, С. С. Проблема кратчайшего пути в Западную Монголию. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 1, стр. 41—48.

Тугаринов, А. Я. Птицы Восточной Монголии по наблюдениям экспедиции 1928. Л., Ак. Наук СССР, 46 стр.

Федотов, Ф. Монголия (Для мл. школьного возраста). М., Мол. гвардия, 16 стр. с илл.

Чачиков, А. Новые марки Монголии. — Сов. коллекционер, 5, стр. 145—147.

Персия

Белгородский, Н. А. Социальный элемент в персидских именах, прозвищах, титулах и фамилиях. — Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, 1, стр. 213—242.

Зарубин И. И. Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным. Ред. изд. ак. С. Ф. Ольденбург. Л., АН СССР (Тр. Ин-та востоковед.), VIII, 220 стр.

Бертельс, Е. Э. Персидский исторический роман XX века.—Тр. Ин-та востоковедения АН СССР, I, стр. 111—126.

Бертельс, Е. Э. Учебник персидского языка. — Л., Ин-т востоковед. им. Енукидзе, 408 стр.

Галунов, Р. А. Материалы для словаря эстелахатов в Персии. — Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, 1, 291—321.

Генин, И. Персия. [Закон о монополии внешней торговли]. — Внеш. торг., 5, стр. 2—3.

Генин, И. Торгово-договорная система Персии. — Ежемесяч. Всес. торг. палаты, 2, стр. 49—59.

Давыдов, К. Персия и японская интервенция в Китае. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 3, стр. 145 – 147.

Дело Джаффар Султана и курдские «представители» в Меджлисе. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 2, стр. 26—27.

Дженгели, Я. Иран бурлит (Борьба персидской компартии и комсомола). — Интерн. молодежи, 15, стр. 35—39.

Закон о регистрации товарных знаков и патентов на изобретения в Персии. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 8—9, стр. 44—48.

Ильинский, Г. Правый оппортунизм в вопросах Персии. — Рев. Восток, 1—2, стр. 134—155.

Итоги внешней торговли Персии в 1930—1931 г. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 6, стр. 52—59.

К вопросу о классовой дифференциации в персидской деревне — Агр. проблемы, 1—2, стр. 132—146.

Крах фунта стерлингов и персидские финансы. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 2, стр. 20—23.

Малишевский, Б. Персидская линия. Социограф. очерк. — Кр. новь, 4, стр. 108—125.

Марр, Н. Я. Нужно ли знать факты? (Мысли по осмыслению вежливых способов обращений в современной Персии). — Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, I, стр. 301—211.

Нечаев, Н. Новый персидский алфавит.—Просв. национ., 10, стр. 41—42.

Персия. [Закон о монополии внешн. торговли и его последствия]. — Внешн. торг., 28, стр. 8—9.

Положение сельского хозяйства и крестьянское движение. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 1, стр. 32—35.

Пребывание турецкого мининдела Тефтик Рюштю в Тегеране. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 2, стр. 27—28.

Промышленность в Персии. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 7, стр. 24—29.

Промышленность и положение рабочих. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 1, стр. 24—32.

Реза-шахское правительство «разрешает» аграрный вопрос. — Мат-лы по нац.-колон. пробл., сб. 2, стр. 23—26.

Ренеджбар. О рабочем движении в Персии. — Рев. Восток, 1—2, стр. 156—175.

Углубление кризиса в Персии. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 2, стр. 14—18.

Танна-Тува

Культурное строительство Тувинской аратской республики. — Рев. Восток, 1—2, стр. 325—333.

Пальмбах, А. А. Введение национальной письменности в Туве. — Рев. и письменность, 3—4. стр. 165—177.

С. М. Культурное строительство Тувинской аратской республики — Рев. Восток, 1—2, стр. 325—334.

С. М. Экспедиция НИАНКП в Танна-Туву. — Рев. Восток, 1—2, стр. 318—324.

Хавакуани и Тапхаманов. Минуя капитализм. (Работа Тувинско-Аратской рев. партии молодежи). — Интерн. молодежи, 16, стр. 36—37.

Турция

Гурин. Молодежь кемалистской Турции. — Интерн. молодежи, 11—12, стр. 25—29.

Дробинский, В. Сахарный рынок Турции и его значение для СССР. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 3, стр. 18—25.

Защук, С. Внешняя торговля Турции в 1931г. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 4, стр. 48—56.

Защук, С. Законы о контингентировании импорта в Турции. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 1, стр. 67—71.

Защук, С. Сухопутный транспорт Турции и его проблемы. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 3, стр. 80—91.

Кемаль, Мустафа. Путь Новой Турции 1919—1927. М. Гос. соц.-эк. изд., т. II. Подготовка Ангорской базы 1919—1920, 416 стр.

Конгресс по турецкому языку. — Револ. и письмен., 3—4, стр. 178—179.

Крестьянин бросает свою работу — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 2, стр. 12—13.

Курбинтаев, С. От режима капитуляции к национальной независимости.—Револ. и национальности, 6, стр. 9—19.

Левитан, С. Цементная промышленность и цементный рынок Турции. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 2, стр. 27—31.

Магазиник, Д. Турецко-русский словарь. Под редакц. Гордлевского. М., «Сов. Энциклопедия», 1931, 1174 стб., 2 стр.

Мельник, А. Экономическая политика республиканской Турции. — Партработн., 10, стр. 74—78.

Надеждинский, В. Турция и Советский Союз. — Фронт науки и техники, 6, стр. 56 – 62.

Положение рабочего класса. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 2, стр. 7—12.

Программа Республиканской народной партии Турции. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 1, стр. 12—16.

Ржевин. Нефтяной рынок Турции. — Нефт. хоз-во, XXII, 4, стр. 247—248.

Углубление экономического кризиса Турции. — Мат-лы по нац.-колон проблемам, сб. 1, стр. 1—12.

Характеристика феодальных и полуфеодальных методов эксплоатации турецкого крестьянства. — Агр. проблемы, 5—6, стр. 56—67.

Хлебные злаки Турции. [Сб. статей]. Под ред. проф. П. Н. Жуковского. Л., Ин-т растениеводства НКЗ СССР, 153 стр. с илл.

Хроника по материалам турецкой печати за время январь-сентябрь 1931 г. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 1, стр. 17—18.

Юшманов, Н. В. Латинизированный коран. — Рев. и письменность, 3—4, стр. 181—182.

Япония

(См. также Китай)

Абесгауз, Б. Детский труд в Японии. — Мол. большевик, 6, стр. 45—48.

Абрамов, З. Из истории японской интервенции на Дальнем востоке — Борьба классов, 2—3, стр. 65—73.

Аки. Некоторые уроки антивоенной борьбы в Японии. — Ком. Интерн., 21, стр. 40—44.

Аки. Социал-фашизм в Японии. — Ком. Интерн., 19, стр. 15—22; 29, 52—61.

Бадмаев. Словарь новых иероглифов. К учебн. японск. яз. Владивосток, 118 стр.

Белицкий, Е. Япония [Внешняя торговля.] — Внешняя торговля, 1, стр 2—3.

Борьба крестьянства в 1931 г. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 3, стр. 23—40.

Бродский, Д. Японская химическая промышленность и агрессия Японии в Китае. — Химия и соц. хоз-во, 3, стр. 113—118.

Варга, Е. Японский империализм в центре мировой политики. — Мир. хоз-во и мир. политика, 5, стр. 3—39.

Веселовский, Н. Япония и ее вооруженные силы. 2-е сокр. и переработанное изд. М., Гос. Воен. изд., 61 стр.

Внешняя торговля Японии в 1931 году. — Внеш. торговля, 8, стр. 13—14.

Волк, Я. Япония на арене войны и революции. — Большевик, 7, стр. 61—75.

Гальперин, С. Самураи и биржа (Япония. Политический очерк). — Новый мир, 4, стр. 213—214.

Горячкин, А. Рабочее движение в Японии. Метод. разработка. Хабаровск, Дальгиз, 32 стр.

Гревз, Вилльям. Колчак, Америка и Япония. (Интервенция Америки в Сибири). Пер. с англ. С. Займовского. — М., 46 + 2 стр.

Давыдов, К. Персия и японская интервенция в Китае. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 3, стр. 145—147.

Дело 5 июля. (Дело японской компартии и комсомола 1928—1929 гг.) — Интерн. молодежи, 18, стр. 5.

Жуков, Е. К характеристике японского социал-фашизма. — Зап. Ин-та востоковед. АН СССР, I, стр. 63—122.

Жуков, В. П. Японское судостроение. — Сов. судостроение, стр. 284—294.

Земельные отношения в провинции Акита. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 1, стр. 106—108.

Зуйков, А. Дети рабства и дети борьбы. (Детск. комм. организация Японии, Китая, Монгольск. респ. и Тана-Тувы). — Интерн. молодежи, 11—12, стр. 50—53.

Из зарубежной литературы об Японии. — Книга и оборона СССР, 8, стр. 9—11.

Из эпохи японо-китайской войны 1894—1895 гг. (По архивным документам). — Кр. архив, 1—2, стр. 3—63.

Камура, М. «Агитпроп» японского империализма за работой. — Иностранная книга, 2, стр. 3—6.

Кандидов, Б. Японская православная церковь на службе русского и японского империализма. — Антирелигиозник, 11—12, стр. 6—12.

Кандидов, Б. Атамановщина, японские интервенты и роль церкви. — Антирелигиозник, 10, стр. 20—29.

Кандидов, Б. П. Японская интервенция в Сибири и церковь. М., ГИЗ, 64 стр. с илл.

Кимабэ, Др. Авто-мото-промышленность в Японии. — Автотракторное дело, 7, стр. 204—225.

Кризис и положение рабочего класса. — Мат-лы по нац.-колон. пробл., сб. 1, стр. 100—106.

Куусинен, О. Японский империализм и характер японской революции. — Миров. хоз-во и миров. политика, 6, стр. 3—14.

Лежнев, И. Три агентуры японского империализма. — Воен. вестник, 8, стр. 4—10.

Лукьянова. Оккупация в Манчжурии и положение в Японии. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 3, стр. 3—23.

Отношение различных слоев японского населения к Манчжурскому вопросу. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 2, стр. 75—81.

Отражение японской интервенции в Китае, на Филиппинах и в Индонезии. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 3, стр. 130—144.

Палюкайтис, И. Японская торговая экспансия в Афганистане. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 8—9, стр. 30—38.

Полевой устав Японской армии. Пер. с японского. М., ОГИЗ, 1931, 120 стр.

Положение в Японии и задачи КПЯ. — Ком. Интернац., 8—9, стр. 3—14.

Практика заключения внешне-торговых сделок в Японии. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 2, стр. 71—77.

Примаков, В. Япония и СССР. (Переработ. стенограмма доклада на партактиве г. Свердловска). Свердловск—М., Уралгиз, 24 стр.

Примаков, В. Японский империализм на Дальнем Востоке. — Урал. коммунист, 2, стр. 38—47.

Радек, К. В сетях противоречий [франко-герм. и японо-американ. отношения и международное политическ. положение]. — Большевик, 17—18, стр. 31—44.

Развитие экономической борьбы в Японии за последние годы. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 2, стр. 81—87.

Разгром пролетарских культорганизаций в Японии. — Спутник мопровца, 2, стр. 15—16.

Реклама и торговая пропаганда в Японии. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 5, стр. 79—84.

Рудольф, Э. Узел тихо-океанской войны. — Интерн. молодежи, 3—4, стр. 8—15.

Савва. Трудящаяся молодежь Японии в борьбе против войны — Рев. Восток, 3—4, стр. 289—299.

Сен-Катаяма. Положение в Японии и задачи Японской компартии. — Партработник, 9, стр. 62—66.

Советский союз в Японии. — Специалист соц. земледелия, 2, стр. 1—3.

Современное положение религии и религиозных организаций в Японии. — Антирелигиозник, 1, стр. 47—48.

Современный империализм и политика Японии на Дальн. Востоке. Свердловск—М., Уралпартгиз, 18 стр. с илл.

Соколов, Б. Империалистическая Япония. М., Партгиз, 93 стр. с илл.

Соколов, Б. Япония наших дней. М., ЦК МОПР СССР, 54 стр. с карт.

Суходольский. Добыча сырой нефти и состояние разведочного и эксплоатационного бурения в Японии. — Нефт. хоз-во, XXII, стр. 242—246.

Стратегические проблемы японского империализма. Военный зарубежник, 6, стр. 141—158.

Страшунский. Д. Экономический кризис в Японии. — Пробл. марксизма, 1—2, стр. 131—155.

Такемото. Борьба революционных профсоюзов в Японии. — Кр. интерн. профсоюзов, 7, стр. 46—48.

Тарасенков, Ан. Поэзия и русско-японская война 1904—1905 гг.—ЛОКАФ, 7, стр. 158—173.

Теплухин, В. Кризис. Захват Манжурии и обострение революционной борьбы крестьянства в Японии. — Агр пробл., 5—6, стр. 16—36.

Терентьев, Н. Американско-японские противоречия. — Фронт науки и техники, 6, стр. 62—68.

Торговая марка и товарный знак в Японии. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 6, стр. 89—95.

Топеха, П. П. Японский пролетариат в борьбе против империалистической войны. М., Партиздат, 60 стр.

Торговая информация. — Ежемес. Всес. торг. палаты, 3, стр 33—39.

Фукуока. Антивоенное движение в Японии. — Кр. интерн. профсоюзов, 13, стр. 10—17.

Химическая база японского капитализма. — Журн. хим. промышленности, 6, стр. 47—49.

Цуруки. В интервенционистском тылу. Комсомол Японии в дни боев. — Интерн. молодежи, 3—4, стр. 18—20.

Шнейдер, В. Японская промышленность в 1930 и 1931 гг. — Строительные материалы, 7, стр. 139—140

Шпигель, Ф. Зарево пожара на Востоке. [Японская агрессия]. — Спутник мопровца, 4, стр. 21—23.

Шпигель, М. Л. Тутоводство в Японии. Сост. по материалам и лит. источникам, собр. при научн. командировке в Японию в 1930 г. М.-Л., Сельколхозгиз, 276 стр. с илл.

Экономический кризис в Японии. — Мат-лы по нац.-колон. проблемам, сб. 1, стр. 94—100.

Яворский, С. Под аккомпанимент японских пушек происходит комедия разоружения. — Пролет. авангард, 2, стр. 162—165.

Японский империализм в своей отвратительной наготе. Хабаровск, Дальгиз, 69 стр.

Японский устав пехоты (изд. 1928 г.). М., Госвоенизд., 112 стр.

Яго. Борьба на Тихом океане. (Японский империализм). — Мол. большевик, 7, стр. 37—41.

К. Каргина.

ПРИБАВЛЕНИЕ
(к отделу «Рецензии»)

Американский роман о китайской деревне. Pearl S. Buck. The Good Earth. New York. The John Day Company. Second printing, March 1931... Thirteenth printing, Octo ber 1931; pp. 375. (Пёэл С. Бак. Добрая землица).

О китайской деревне, с ее сложною, хотя, в общем, более понятною жизнью, чем жизнь китайского городского общества, писало довольно много лиц, так что можно уже сейчас составить некоторую библиографию этих статей и книг в дополнение к «Китайской библиотеке» (Bibliotheca Sinica) Кордье. Главными европейско-американскими бытописателями китайской деревни были, как и следовало ожидать, христианские миссионеры, особенно английские и американские, описывавшие своих «пасомых», среди которых они жили, весьма старательно, но, конечно, с обязательною снисходительностью и прочими отличительными приемами, продиктованными тою брезгливой отчужденностью, которая так характерна для этих людей.[1]

Среди этой толпы пишущих неписателей надо выделить наиболее известного, наиболее плодовитого и в общем наиболее литературного миссионера Смиса (A. H. Smith), который в своих книгах[2] дал едва ли не лучшие для своего времени описания китайской деревни, притом не только дореволюционного времени.[1]

Не упоминая пока о других,[2] следует признать, что наиболее интересными являются описания самих китайцев, сделанные, правда, для иностранцев, и так же, как английские, не лишенные рисовки и подрисовки, — хотя и по другим мотивам и в другом стиле, — но далеко превосходящие иностранцев и знанием и ясным пониманием описываемого.[3] Едва ли не лучшею из них надо признать автобиографию Дэн Шихуа, появившуюся на русском языке[4] и почти сейчас же переведенную на немецкий. К сожалению, транскриптор и редактор этой весьма искренней и любо-

[1] Католические миссионеры, особенно французы, живут иначе, но они, насколько мне известно, книг о китайской жизни и деревне, особенно книг для легкого чтения, не пишут (есть исключения).

[2] Последние, правда, более политического характера, чем бытового. «The Uplift of China», «A Chapter of Experience in China» (1916) и др.

[1] Среди них также очень популярна в иностранных кругах Китая чета Арчболд Лытл (Mr. & Mrs. Archibald Little), написавшая целый ряд книг для чтения о китайской деревне и китайском обществе («My diary in a Chinese Farm», «China. Curious (*sic!*) Customs and Habits of the People», «Intimate China», «The Land of Blue Gown»...

[2] Такова, например, его книга «Chinese Characteristics» выдержавшая ряд изданий, и особенно: «Village Life in China» отвечающая на тему полностью.

[3] Такова, например, превосходная во многих отношениях книга Ли Яньпу (Jan Phou Lee, When Iwas a boy in China. Illustrated from photographs. London, 1922), о которой мне приходилось уже писать и которая подкупает своею искреннею правдивостью; а равно и более серьезная: «Village and Town Life in China. By J. K. Leang and L. K. Tao. London, 1915», отчет о которой не удалось напечатать своевременно. Положительно, эти обе книги следует рекомендовать всякому начинающему китаисту, особенно из тех, что строят свое знание Китая на его понимании.

[4] Третьяков С. Дэн Ши Хуа. Био-интервью. Москва, 1930. Книга рассказывает о деревенской обстановке, в которой Дэн вырос, о революционной карьере его отца и, наконец, о его собственной.

пытной, хотя и крайне поверхностной книги, принял все зависящие от него меры, чтобы ее испортить своим непрошенным и ничем не оправданным вмешательством, которое особо отчетливо чувствуется китаистом и, к несчастью, может несправедливо импонировать неспециалисту.

Все эти книги были более или менее удачны, но их распространение и успех не выходили за пределы Дальнего Востока и его читателей;[1] во всяком случае это было не что иное, как более или менее добросовестные книги, более или менее относившиеся к этнографии, да и то любительской. Рецензируемая книга представляет собою нечто весьма отличное от предыдущих.

И прежде всего, эта книга неслыханного доселе успеха. Тринадцать изданий в семь месяцев (по два в месяц) для книги о китайской деревне, насыщенной совершенно чуждыми для читающей американской публики подробностями китайской жизни — явление действительно неслыханное.[2] Любезно приславший мне эту книгу американский синолог говорит в сопроводительном письме, что эта книга вызвала вокруг себя много оживленных суждений. Очень жаль, что я не могу сейчас проследить критическую о ней литературу за 1931 и следующие годы на английском языке и буду судить о ней пока вне связи с предыдущими критиками.

Автор книги, женщина, Пёэл С. Бак (Pearl S. Buck), жила и живет в Китае все время, за исключением учебного периода, проведенного в Америке. Она занимается в Китае педагогическою деятельностью и сама изучает Китай. До этой книги она написала также произведшую большое впечатление книгу «Восточный ветер — Западный ветер» (East wind: West wind), о которой газетный рецензент писал, что «это — Китай, жизнь в Китае... незабываемая атмосфера... запах и чувство китайского города, китайской улицы, китайского двора». Было бы лучше говорить о настоящей книге после прочтения той первой, но я этой возможности, к сожалению, лишен.

Книга говорит о милой, родной, дорогой земле, на которой родился бедняк Ван Лун, и за которую он боролся со всеми невзгодами, дошедшими вследствие голода и революции до страшных размеров. Случайное обогащение не оставило его в городе, а направило снова к ней же, к родной земле, которая теперь принесла ему и богатство и счастье. Земля, земля — только земля, только в ней подлинный смысл жизни, твердит Ван, но его сыновья уже заражены городом и над стариком смеются.

Вокруг этого фетишизма земли, и страшной и отрадной, вырастают у автора сложные картины деревенской жизни Китая и крестьянских взаимоотношений, картины дикого, неистового голода, невероятной жизни, редких приключений, которые вплелись, тем не менее, в повесть совершенно естественным порядком.

Получается необыкновенно полное и стройное впечатление о вещах, бывших для неспециального читателя доселе дикими, недоступными и непостижимыми. Книга является как бы совершенно новою и неожиданною. Ее успех понятен.

При оценке этой книги китаисту полагается, прежде всего, стать на точку зрения синологическую и рассмотреть,

[1] Правда, книга о Дэн Шихуа нашла себе отклики и в Европе, но, пожалуй, исключительно на правах экзотического чтения, обработанного и обрабатывающего читателя в порядке эфемерной прессы, быстро исчезающей, хотя и возобновляемой.

[2] Надо к этому прибавить, что роман уже стал добычею кинематографа.

насколько эта книга нова и ценна тому, кто так или иначе знает Китай, — во всяком случае, его долго изучал, — жил в нем как в городе, так и в деревне. Является ли все это quasi una fantasia и дилеттантским размазыванием скудной экзотики, или эта книга приходит действительно на помощь синологической информации?

Автор, повидимому, китаистка, взявшаяся за текст, независимо от естественного владения разговорным языком, который у родившихся в Китае европейцев и американцев, вообще, является языком детства, легко укореняющимся на правах родного. Во всяком случае, у меня в руках два тома её перевода знаменитого китайского романа Шуй ху чжуань («Речные заводи»), — явление в синологической переводной литературе весьма примечательное, и о котором я собираюсь дать отчет в ближайшем будущем.[1]

Надо сразу же сказать, что китаист читает эту книгу с удовлетворением, считая, что в ней незаметно нарушения правды изображаемых вещей (если только не требовать от книги того, чего в ней, вообще, нет). Нет искусственно выпяченных деталей, имеющих подействовать на экзотически настроенного читателя, и, вообще, в ней, прежде всего, нет экзотики, а это для подобных книг, по-моему, достоинство исключительное.

Конечно, это скорее роман, чем отчетная этнография, но картинность, все же, слита с поучительностью и наглядность с серьезным пониманием вещей, которое китаист может с благодарностью принять. Знание китайской деревни, во всяком случае, у автора необыкновенное, и оно вряд ли было бы доступно приехавшему в Китай, хотя бы для самых серьезных наблюдений. Все это как бы перевод на европейский язык китайских вещей, лишенный дословного убожества и погони за словарными оттенками.

Однако, это, все-таки, не китайская книга, ибо китаец скомпановал бы все эти вещи иначе. Вопрос лишь в том, что нам предпочесть: китайского ли современного автора, пишущего китайскими иероглифами, которые отражают древнюю жизнь языка и общества, но на языке, от этой жизни освобождающемся и имеющем в виду подражание европейцам, — или автора европейского, пишущего полноправным английским языком, но о китайских вещах, которые этот язык также не очень-то приспособлен называть. Мне кажется, что здесь даже может и не быть речей и вопросов о предпочтении, и от этой книги нам надо взять только то, что она может и хочет дать. Автор, конечно, не жил сам в той китайской вонючей хате, которую он описывает, и все его наблюдения сделаны со стороны, но и сгущения красок, столь свойственного европейцам, остро реагирующим на китайские запахи, у него также нет.

Одним словом, книга написана сдержанно и добросовестно.

С другой стороны, автор не удручает читателя из широкой публики, для которого книга предназначается, обилием изученных им деталей и этнографических выписок, хотя, повторяю, ясно, что он хорошо знаком с китайским бытом. Постоянная умеренность в описании всего, кроме поэзии земли, на которой вся книга построена, также отняли у автора столь присущее его коллегам удовольствие сосредоточиться на вычурных подробностях деревенских религиозных культов,

[1] All Men Are Brothers (Shui Hu Chuan). Translated from the Chinese by Pearl S. Buck. (Китайские иероглифы древнего почерка: Шуй ху чжуань). The John Day Company, New York. Second Printing. October 1933. Third Printing, November 1933. — Стр. XIII + 1279. 8°.

с их сложною титулатурой. Но что он с ними знаком, это также вполне ясно, так что и с этой важной для бытописателя стороны книга надежна.

То же чувство меры подсказало автору воздержание от миссионерских славословий и специфических подходов к описанию. Эпизод с христианской книгой и миссионером дальше эпизода не идет и не имеет в виду растрогать соответствующего читателя, шлющего свои многочисленные лепты на содержание многочисленных американских миссионеров.

Таким образом, и для нетребовательного читателя из широкой публики и для требовательного китаиста эта книга настоящая находка, и я не отказался бы ее рекомендовать начинающему китаисту, который привыкает читать книги о Китае, сгущающие все учебные подробности сразу, и не дающие ему, так сказать, дышать.

Для полноты картины я позволю себе взять здесь же на себя также роль, для меня необычную, и литературного критика, тем более, что субъективный элемент оценки этой необыкновенно приятной книги может быть умерен, если не вовсе парализован, эпиграфом к ней из Пруста, который я воспроизведу в переводе с английского, т. е. с версии, импонирующей и автору и американскому читателю:

«... Вот что Вэнтёй сделал для маленькой фразы. Сван чувствовал, что композитор был доволен, когда (с теми инструментами, что были в его распоряжении) он отвел от нее вуаль, чтобы сделать ее доступной зрению, ведя с почтением за ее рисунком свою руку, такую любящую руку, столь разумную, такую тонкую и столь уверенную, что звук изменялся каждое мгновение, затушевывая себя для обозначения оттенка, и вдруг прыгая снова в жизнь, когда ему нужно было итти по какой-то кривой, какой-то более смелой проекции. И доказательством того, что Сван не заблуждался, веря в подлинное существование этой фразы, было то, что всякий с тонким музыкальным ухом сразу обнаружил бы обман, если бы Вентёй, который не был одарен такою же силой, чтобы видеть и передавать ее формы, — если бы он пытался скрыть (добавляя штрих то там, то здесь, по своему усмотрению) неясность своего видения или же слабость своей руки» (Марсель Пруст, «Путь Свана»).

Это настроение постоянного полутона и поиска фразы, повинующейся видению, действительно доминирует в книге, которая, таким образом, получилась в виде обширной ритмической эпопеи, единая и особенная. Совершенно понятен ее успех: ведь, в ней чувствуется и знаток и художник едва ли не на равных правах. Они создали вместе с особенным мерным темпом речи общую закономерность, обаянию которой невольно подчиняешься. В ней нет грубых писательских ухваток: ни сквозной и яркой интриги, ни потрясающих характеров, но связь событий в небольшом масштабе и без всякой крикливости свела концы с концами, словно, действительно, повинуясь какому-то первичному видению. Все дело в полутоне, но все досказано до конца, и даже дешевые по существу своему сексуальные моменты поданы читателю все в том же общем полутоне, без призыва и без прюдистского умолчания. Самый выбор слов и самая расстановка их являются как-то слитыми с общею сущностью вещей, исходящих из серых и трудных будней китайской деревни, и другого, как будто, тона не предполагающих. Но его надо было изобрести...

Издана книга также в прекрасной скромности, без крикливых картин (если не считать обложки, которая сама по себе не плоха) и всё замораживающих фотографий. К чему картины, при подобном прустовском умении и настроении? Все это делает книгу едва ли переводимой на русский язык. К тому же, идеология жадного собственника вряд ли встретила бы сочувствие советского читателя, какой бы поэтизации она ни подвергалась.

Когда эта рецензия была уже набрана, мне удалось случайно познакомиться с одной китайской рецензией на эту книгу в журнале «Голи У-Хань Дасио Вэньчжэ цзикань», с английским подзаголовком: «Quarterly Journal of Liberal Arts. Wuhan University, Wuchang, China. Vol. II, № 1. 1931».

Рецензент, скрывшийся, к сожалению, за ничего не говорящим псевдонимом, посвящает этому литературному событию довольно много (среди прочих рецензий на европейские книги о Китае) места (стр. 191—198). Я изложу его рецензию в ее же порядке. Прежде всего, любопытно, что передать сентиментальное название романа «The Good Earth» сентиментальным же порядком рецензенту не удалось, ибо его Хоу Ту имеет совершенно другой, — скорее всего религиозный оттенок («Владычица Земя»).

Он, как и следовало ожидать, считается, прежде всего, с фактом совершенно исключительного успеха этого романа и иронически замечает, что «вообще хвалить — это одно, а констатировать успех — это другое. И перед таким успехом мы должны замереть в безмолвном удивлении — только».

Для автора, он допускает, и то с чужих слов, что она «не только умеет по-китайски говорить, но и читать газету и повествовательную литературу (сяо шо). Ясно, — замечает рецензент, — что от такого автора мы вправе ожидать несколько более глубокой проницательности во все стороны китайской жизни и соответственно более серьезного ее описания, чем от других. И действительно, самое малое, что можно сказать о ее книге, это то, что такую книгу никак не мог написать человек, не живший в Китае долго».

В этих строках уже можно отчасти предугадать отношение рецензента к разбираемому материалу.

Для лучшей характеристики автора он берет на себя труд пересказать содержание первой ее книги «Восточный ветер — Западный ветер» (East Wind, West Wind),[1] о которой я мог лишь упомянуть, и теперь пользуюсь случаем, со слов рецензента, кратко о ней сообщить, ибо точно также думаю, что, несмотря на слишком явную разницу в сюжете и его обстановке, обе книги имеют общее и по характеру письма и по настроению автора, живущего, как никак, в совершенно новом Китае.

Как указывает само название этой первой книги автора, речь идет о столкновении в современном Китае двух «ветров», восточной и западной культур, старой китайской чинной выправки («церемоний», лицзяо) и европеизма (оухуады гуаньнянь). Для этой цели автор сталкивает на страницах своего романа и в пределах одной, а затем и второй семьи представительниц старого китайского сурового семейного уклада, молодую и старую, с американизированными студентами. Это столкновение, повидимому, описано весьма живо и убедительно тем более, что в таком элементарном построе-

---

[1] Другие ее книги, как например «Сыновья», «Первая жена» (The First Wife),) «Мать» и другие рецензенту, равно как и мне лично, очевидно, остались неизвестными.

нии вещи сами за себя говорят. Молодой муж, конечно, сразу же начинает убеждать свою насурмленную, качающуюся на крошечных, изуродованных в бинтах ножках жену в том, что он не собирается сделать из нее свою собственную вещь, как это принято в старом Китае, а, наоборот, дает ей полное равноправие и требует, чтобы она осуществила это новое для нее положение немедленно. Конечно, она не понимает, чего от нее хотят, обижается, в молодой семье разрыв, недоразумения, осложненные приездом новой четы — брата несчастной молодой, женившегося на американке, которая, конечно, вносит в строго доселе патриархальную семью окончательное разложение ее уклада... В китайской переделке трудно уловить за фабулой литературную жизнь романа, но дело, в общем, ясно и ясно также, чем это все кончится: «западный ветер» торжествует.

Уже в этом романе рецензент отмечает некоторую натянутость положений, которые, оставаясь незамеченными для читателя-европейца, привычного к такой фактуре, неприятно поражают читателя-китайца, который, как он указывает, вряд ли поверит, чтобы какая-нибудь китайская теремная затворница старого типа и воспитания могла в такой подробности изложить свою интимнейшую жизнь кому-либо вообще, а тем более иностранке, которой ее ламентации и жалобы на новые порядки могли бы быть только смешны, в особенности, когда они приправлены саркастическими характеристиками синеглазых, рыжих, потных и т. д. западных женщин, внушающих исповедующейся у одной из таких слушательниц ужас и отвращение.

Таким образом, китаец-критик оказался чрезвычайно полезным общей оценке имеющего у американской публики неслыханный успех произведения, и остается лишь пожалеть, если его голос до нее не дойдет в чьем-либо переводе или пересказе.

Не менее полезен он и в оценке «The Good Earth», которая на этот раз в полной его компетенции и не основана на каком-либо шовинистическом предубеждении, например, против возможности интимного сближения китаянки с европейской женщиной.

В этом романе он, наоборот, видит более удачное, выдерживающее критику построение. «Заслуживает всякого уважения — говорит он — наш автор, сумевший занять 370 страниц компактного текста рассказом о столь простых вещах, что пересказать их в порядке фабулы можно едва ли не в одной строке — притом без всяких длиннот и без всякой разбросанности. Эти простые вещи всем известны, всегда и всюду имели место, и автору удалось точно и метко описать под одним Ван Луном многие миллионы китайских сельских хозяев-приобретателей, зависящих всецело от своей земли. Мы читаем его историю, как эпопею, читаем с большим волнением и чувством, особенно благодаря стилю, в котором есть нечто библейское: простота без пошлости, деталь без мелочности».

Поскольку в «Западном и восточном ветре» автору удалась лишь одна фигура, а остальные напоминают «тени на оконной бумаге», постольку в этой эпопее все фигуры гораздо жизненнее, хотя и под ними не трудно порой угадать неживых манекенов, которыми, как марионетками, в нужные ему минуты играет как хочет автор. Ведь, хотя миссис Бак родилась и выросла в Китае, но не в китайской обстановке, и вряд ли при таких условиях могла она мыслить и жить вместе со своими персонажами, так что,

даже если она и жила в Китае дольше, чем я, — прибавляет рецензент, — у ней все же попадаются резкие недоразумения (гэмо), для китайца смешные, вроде например «лунных лепешек», даримых на новый год (вместо восьмой луны), родственников старших и младших, живущих в одном городе и никогда не видящихся (что у китайцев, действительно, невероятно) и т. д.

Я не знаю, — сознается критик, — какое место в литературе должна занять книга миссис Бак, но факт, что она ею «оставила все предыдущее несуществующим» и ни с кем из писавших о Китае не сравнима. Однако, мне понятен, — говорит он, — и весь ее успех у англо-американской публики. Ведь то, что до сих пор писалось западными авторами о Китае, были рассказы о китайцах-сфинксах, причудливых и непонятных. Китайцы же романа миссис Бак — люди, как люди: не едят, так голодают, не одеты — холодают. Их можно до конца понять, хотя в то же время, по сравнению с читателями, они всегда остро новы.

Ее персонажи просты, немногочисленны, несложны, не загромождены трудными именами и названиями, которыми любят щеголять другие европейские авторы.[1] Ее рассказ прост, не занят мелочными и скучными подробностями, так что читатель наслаждается свежею новизной без всякого предварительного удручения и сложных поучений.

Не удивительно — заканчивает критик — что книга, как говорят у нас, «движется без ног».

Я думаю, что рецензия, мною реферированная, этого заслужила. Автор ее показал себя, мне кажется, китайским читателем весьма совершенного типа. И, если исключить, с одной стороны, его право столь строго судить книгу миссис Бак за не-интимность ее слияния со своими персонажами (как будто в китайских романах так-таки уж везде все живет без авторских приспособлений), с другой же — если поставить ему в вину слишком этнографический подход к произведению, управляемому превосходной прустовской мелодией (а не евангельским сказом, как он думает), к которой он остался не чуток, можно, я думаю, и другим получить от этой рецензии такое же удовлетворение, какое получил писавший эти строки, и не удивляться тому, что эта книга миссис Бак в течение одного только 1933 года вышла в Китае в двух отдельных переводах (под названием, опять неудачным, Да Ди «Великая Земля»).

В. Алексеев.

---

[1] В предисловии к своему переводу Шуй ху чжуань, о котором я уже говорил, переводчица говорит определенно следующее:... «Когда вы будете читать эту книгу, забудьте о ней, как о книге. Думайте о ней, как о великой человеческой процессии. Не старайтесь запомнить имена появляющихся перед вами людей, или же названия мест, ими посещаемых. Просто смотрите, как они перед вами проходят и дайте им запечатлеться в вас самим по себе. Если они не производят на вас впечатления, пусть проходят себе дальше. Не старайтесь читать каждое слово или видеть все решительно...» А собственных имен в этом романе, как известно, невероятное множество. Китаец, не читавший этого предисловия, верно угадал идею автора.